Проверено 1984 г.

ПРАВО и ЖИЗНЬ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

ф. А. М. ВИНАВЕРА, проф. М. Н. ГЕРНЕТА, проф. А. Н. ТРАЙНИНА.

ЖУРНАЛ

посвященный вопросам права и экономического строительства.

Год издания 2-ой

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

1923 г.

Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ“:
МОСКВА,
ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17. Телефон 1-63-64.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВО и ЖИЗНЬ".

МОСКВА, ул. Крапоткина (б. Пречистенка), 17. Телефон 1-63-64.

НА 1923 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1923 г.

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„ПРАВО и ЖИЗНЬ".

Под редакцией проф. А. М. ВИНАВЕРА, проф. А. Н. ТРАЙНИНА, и проф. М. Н. ГЕРНЕТА.

Журнал посвящен вопросам права и экономического строительства.

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ В ОБ'ЕМЕ 6—7 ЛИСТОВ В МЕСЯЦ.

Вышла из печати кн. № 3—1923 г. Содержание: 1) Я. А. Канторович—Коллективный договор, как предмет догматики права; 2) проф. М. Агарков—Перевод долга (ст. ст. 126 и 127 Гр. Код. Р. С. Ф. С. Р.); 3) проф. Т. М. Яблочков—Негативный договорный интерес (ст. ст. 32 и 151 Гражд. Код. Р.С.Ф.С.Р.); 4) Л. Гольдин—К вопросу о борьбе со спекуляцией; 5) проф. М. Н. Гернет—Очерки тюремной психологии. Развлечения в общем тюремном заключении; 6) Библиография; 7) Законодательная хроника. Сводка декретов, опубл. с 1 авг. 1922 г. до 1 янв. 1923 г. Циркуляры Н. К. Ю. Циркуляры Верховн. Триб.; 8) Из иностранной жизни—В. Куфаев—Новости уголовной статистики.

В выпущенных №№ журналов помещены статьи следующих лиц: проф. М. М. Агарков, проф. П. И. Алексеев, проф. А. М. Винавер, проф. В. Ю. Вольф, Н. Н. Гедеонов, проф. М. Н. Гернет, проф. Н. Н. Голубев, Л. Гольдин, проф. М. М. Гродзинский, С. А. Гуревич, Н. П. Дмитревский, А. М. Долматовский, проф. А. А. Жижиленко, проф. Д. М. Загряцков, Д. И. Иваницкий, Я. А. Канторович, проф. Г. М. Колоножников, А. Колосов, акад. А. Ф. Кони, проф. С. А. Котляревский, проф. К. А. Кузнецов, В. И. Куфаев, проф. А. М. Ладыженский, И. А. Лури, проф. П. И. Люблинский, А. Ляхов, В. С. Малченко, проф. И. Б. Новицкий, А. Пионтковский, проф. Н. Н. Полянский, проф. Б. Д. Плетнев, Д. П. Родин, А. С. Тагер, проф. Н. М. Тоцкий, проф. А. Н. Трайнин, проф. Т. М. Яблочков.

Кн. 1 и 2 за 1922 г. распроданы; кн. 3-я за 1922 г. имеется в продаже в ограниченном количестве экземпляров.

„ПРАВО и ЖИЗНЬ".

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

1923 г.

Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ"
МОСКВА
Пречистенка, 17. Телефон 1-63-64.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Стремясь, в целях наиболее успешного достижения задач, преследуемых Журналом (см. № 1, 1922 г., стр. 3, ст. „Наши задачи"), к всестороннему и полному освещению научных проблем, Редакция не стесняет сотрудников и членов своей коллегии в возможности высказывать на столбцах журнала „ПРАВО и ЖИЗНЬ" теоретические воззрения, которые не вполне совпадают с точкой зрения редакционной коллегии.

Типография МКХ. Козицкий, 5.

Главлит. № 8321, Москва 1923 г. Напечатано 2500.

Национально-персональная автономия *).

I.

(Теория и конституционная практика).

Сущность национально-персональной автономии заключается в признании национальности суб'ектом права, юридическим лицом, способным и управомоченным самостоятельно удовлетворять нужды своих сочленов. Национальность, при такой постановке вопроса, отрывается от территорий, и образует чисто личный эстерриториальный союз.

Такие персональные союзы уже издавна известны публичному праву. В эпоху раннего средневековья персональный принцип получает самое широкое признание. Место Римской империи, с ее господством территориального начала, в эту эпоху занимают молодые германские государства, построенные на принципе общности племенного происхождения**).

Столкнувшись с чужеземцами и покорив их, германские племена не уничтожают их культуры и их права. Наоборот, в империи Каролингов мирно ужились различные народности, каждая из которых жила своим бытом, и своей культурой, и своим правом. Прежний гражданин римской провинции сохранял свое национальное право и тогда, когда ему приходилось жить среди баварцев или фризов, точно также, как франк или аллеман не теряли своей правовой самобытности среди покоренных ими римлян. Судья, начиная разбор любого дела, предварительно спрашивал истца или подсудимого: Quo jure vivis? «По какому праву живешь ты?» И только получив ответ, он знал, право какого народа надлежит ему применить при решении данного дела.

Таким образом, средневековое государство как бы распадалось на ряд замкнутых об'единений, живших своей самобытной жизнью. Эти об'единения не были связаны с той или другой областью. Они тянулись через все государство, всюду, где появлялись и селились его сочлены. Персональные союзы носили не только национальный характер. Наряду с ними, в средневековье появляются персональные союзы сословного и религиозного характера. Дворянство жило своей особой жизнью, регламентированной своим особым сословным правом. Тоже приходится сказать и в отношении торгового сословия, распадавшегося на отдельные цехи и союзы, творившие свое право и имевшие свое внутреннее само-

---

*) В настоящем очерке мы не касаемся методов разрешения национального вопроса в Советской России, которым предполагаем посвятить отдельную статью.

**) G.Iellinek в своем труде «Общее учение о государстве» говорит: «Германское государство первоначально представляет союз отдельных народностей, в котором отсутствует прочное отношение к какой-либо определенной территории» (стр. 208 русск. перев.).

управление. Наконец, и католическая церковь представляла огромный персональный союз, перекинувшийся через границы отдельных государств и об'единивший всех своих адептов, независимо от принадлежности их к тому или другому государственному территориальному союзу. Лукас, исследуя вопрос о резком разрыве средневекового права с господствовавшим в римской империи территориальным принципом, видит корни его в древнегерманском правосознании, которое считало право продуктом племенного творчества *).

Нам кажется, что немалую роль в этом отношении сыграла и самая слабость государственной власти в эпоху раннего средневековья.

В более позднюю эпоху, с уже окрепшею и установившеюся властью, персональный принцип постепенно потерял свое значение в праве, уступая место возродившемуся территориализму.

Однако и в новое время персональный принцип сохраняет все же свое место в публичном праве. Особенно ясно его роль выявляется в церковных и международных отношениях. Католическая церковь, с ее иерархической организацией духовной власти, с самостоятельной системой норм, регулирующих отношения верующих к церкви—представляет из себя типичный образец автономного персонального союза, действующего вне какой-либо зависимости от территорий. С персональным принципом мы сталкиваемся далее и в международном праве. В этой области чрезвычайно типичен институт консульской юрисдикции. Подданные европейских государств, в тех нехристианских странах, в которых осуществляется, в силу международных договоров, консульская юрисдикция, в значительной мере свободны от подчинения власти этих последних. Высшей властью для них является консул их отечества, который обладает по отношению к ним административной и судебной властью, осуществляемой на основании законов его родины. Европейские колонии в таком «нехристианском» государстве пользуются, следовательно, правом «внеземельности», т. е. представляют как бы своеобразное государство в государстве, при чем эта внеземельность распространяется обычно не только на личность подданного европейского государства, но и на его жилище **).

В наши дни персональный принцип завоевывает себе право на существование и в области национального права. Впрочем, и в эпоху абсолютного господства территориального принципа в XVII—XVIII веках, мы встречаемся с своеобразным национальным персональным союзом в Польше—с еврейскими общинами, об'единенными общими с'ездами и общими центральными органами—Waadim. Нольде с своей стороны справедливо указывает также и на армяно-грегорианскую церковь в России, организация которой, по Уставу 1836 года, несомненно носила не только религиозный, но и культурно-национальный характер ***).

---

*) Типичной является та формулировка, которую дает вопросу о неприкосновенности жилища русско-корейский договор 1886 года. «В случае, если корейский подданный, обвиняемый в нарушении законов своего отечества,—читаем в его 6-й статье,—скрылся в доме или товарном складе русского подданного, или на русском купеческом судне, российский консул, по получении извещения о сем от местных властей, принимает меры к арестованию и выдаче его последним для суда. Но без дозволения консула никакой корейский чиновник не имеет права входить в дом русского подданного без его согласия или вступать на русское судно без согласия шкипера или другого заступающего его место лица». Сравн. с аналогичным договором Германии с Занзибаром 1887 года (Reichges—blatt стр. 261, 1886 г.).

**) S. Lukas Territorialitäts und Personalitätsprinzip im Österreich. Nationalitätenrecht в «Jahrbuch des öffentlichen Rechts за 1903 г. Band II, стр. 348—352.

***) Б. Нольде «Национальный вопрос в России», стр. 6, Петрогр., 1917 г.

В обоих случаях мы имеем, конечно, лишь юридический прообраз национально-персонального союза, построенный, при этом, на совершенно иных принципах и преследующий совершенно другие цели. Но все же и эти примеры показывают нам, что попытки найти разрешение вопроса о правовом урегулировании положения национальных меньшинств, при помощи персональной автономии, принадлежат не только правовой мысли нашей эпохи, но что с ними мы встречаемся и в эпохи более ранние, когда принципы территориализма и атомизма безусловно господствовали в праве.

В XIX веке с персональным принципом мы сталкиваемся в австрийском национальном праве. К признанию национальности коллективным суб'ектом права австрийская юридическая мысль делает робкие шаги в момент первого обострения национальной вражды в империи Габсбургов—в революционные дни 48 года. И в Пиллерсдорфской конституции 25 апреля 1848 года и в проекте Кремзирского парламента провозглашается неприкосновенность прав отдельных австрийских национальностей *).

Та же мысль проводится и в Патенте 4 марта 1848 г.—первой ласточке надвигавшейся реакции **).

Так, через признание за отдельными национальностями права на культурное самоопределение, австрийский законодатель пытался найти разрешение национальных противоречий. Во всех его актах первые проблески персонализма тесно перепутались с идеей областного автономного федерализма, и даже славянские депутаты Кремзирского парламента, наиболее радикально в этом отношении настроенные, твердо стояли на территориальном размежевании национально однородных областей.

Но все же известный комплекс прав в этих конституционных актах был признан не за личностью, не за отдельным гражданином, а за национальностью, как таковой.

Нельзя не отметить, что и тогдашние идеологи национализма склонны были признавать национальность правоспособной, коллективной личностью. «Является ли всякая нация, в ее совокупности, моральной и юридической личностью?» — спрашивает Ф. Палацкий, признанный вождь славянства в Кремзирском парламенте, и сам дает положительный ответ на свой вопрос: «Я полагаю,—пишет он,—что по этому поводу у мыслителей не может быть никакого спора. Нации, как например чехи, поляки, венгерцы, немцы и т. д. являются подлинными реальностями, особыми и живыми единствами, из которых каждая обладает своим особым сознанием, своей волей, своими собственными интересами, а, следовательно, и своими обязанностями,—словом, они суть подлинные, моральные и юридические личности» ***). Палацкий стремится, при этом, обосновать права национальностей на культурную и политическую независимость, при помощи учения об естественном праве. «Сохранение и развитие национальности,—пишет он,—составляет правило о законе нравственности, который не может быть отменен положительной нор-

---

*) См. § 54 конституции 25 апреля 1848 г.; «Всем народностям обеспечивается неприкосновенность их национальности и языка» и § 21 Кремзирского проекта: «Все народности государства равноправны. Каждая народность имеет неприкосновенное право на охранение и развитие своей национальности вообще и своего языка в особенности. Равноправие всех употребляющихся в отдельных землях языков в школе, управлении и общественной жизни гарантируется государством».

**) § 5 Патента 4 марта 1849 года: «Все народности равноправны и каждая народность имеет неприкосновенное право на охранение и развитие своей национальности и своего языка».

***) Fr. Palazky. «Oesterreichische Staatsidee» 1866.

мой» *). В другом месте ту же мысль он выражает еще более определенно: «Принцип равноправия национальностей столь же стар, как и все учение о естественном праве» **). Этот подход к разрешению национальной проблемы чрезвычайно симпатичен. В учении о естественном праве борцы за раскрепощение национальностей черпали свой пафос, точно так же, как, в дни Великой Французской Революции, ее творцы и идеологи в этом же учении искали обоснование «неот'емлемых» прав человека и гражданина. И те и другие исходили из непоколебимой веры в то, что право способно окончательно водворить среди людей внутреннюю гармонию, внести в их взаимоотношения тот «этический минимум», вне которого невозможно достойное совместное существование отдельных индивидуумов или национальностей.

«Это был своего рода апофеоз права, исходивший из веры в его божественное предназначение на земле»***). В наше время положение вещей резко изменилось. Энтузиазм и вера сменились разочарованием и равнодушием. И самое право, «как созидательное начало общественной жизни», лишилось того ореола «всеисцеляющего средства», каким оно было для деятелей Великой Французской Революции и 48 года. Современный политик понимает всю относительность правовой нормировки человеческих взаимоотношений. Но несмотря на это, хорошо сознавая несовершенство создаваемых им норм, он все же пытается в рамках права установить известный modus vivendi для той общественной среды, в которой ему приходится жить и действовать. Это обстоятельство характерно для нашего общественного правосознания. В ту или иную эпоху может исчезнуть вера в абсолютную и всеисцеляющую силу права, но никогда не умрет убеждение, что право является необходимым регулятором нашей социальной жизни.

В период реакции, принципы, положенные в основу австрийской национальной политики эпохи революции, были забыты законодателем. Только в 1867 году государственная власть вновь возвращается к мысли о признании национальности суб'ектом права.

В § 19 Основн. закона об общих правах граждан ****) мы читаем: «Все народности государства равноправны и каждая народность имеет право охранять и развивать свою национальность и свой язык. Равноправность всех наречий, существующих в стране, признается государством в школе, управлении и общественной жизни. В землях, где обитают несколько народностей, общественные образовательные учреждения должны быть устроены таким образом, чтобы каждая народность, не будучи принуждена изучать второй язык, могла получить необходимые для обучения на своем языке средства».

В этой статье, действовавшей в австрийской империи до момента ее распада, мы видим определенное признание известного комплекса прав за национальностью. Конечно, ее редакцию нельзя признать вполне удачной. Но несмотря на это, все же приходится признать, что статья 19 правильно перенесла разрешение национальной проблемы в совершенно иную плоскость, порвав с атомистической и территориальной точкой зрения, путем признания национальности юридической реальностью.

После 1867 года конституционная практика сделала новые шаги по укреплению персонального принципа в австрийском национальном праве. Здесь, прежде всего, можно указать на институт национальных ми-

---

*) Цит. соч., стр. 16.
**) Цит. соч., стр. 11.
***) П. И. Новгородцев: «Кризис современного правосознания», стр. 8, Москва, 1909 г.
****) R.—ges.—bl. № 142, 21 декабря 1867 г.

нистров. Правда, австрийское право оффициально ничего не говорит о существовании особых национальных министров, но в действительности мы встречали в составе венского кабинета трех министров «без портфелей», назначаемых для защиты интересов поляков, чехов и немцев. Первоначально эти министры призваны были представлять интересы коронных земель, а не населявших их национальностей. Положение этих национальных министров, до конца существования австрийской империи, не было зафиксировано в законе, и формально они продолжали числиться «министрами без портфелей» *). Это обстоятельство ничуть не умаляет, все же, их значения, ибо конституционная практика знает многие случаи, когда отдельные институты публичного права точно так же получили право на существование не в силу писанного закона, а «конституционных соглашений», по терминологии Дайси, или «конвенциональных» норм, по определению Гачека **). Для подтверждения сказанного, можно сослаться на институт политической ответственности министров в большинстве парламентарных государств Европы или хотя бы на положение имперских министров в бывшей Германской империи. Да и в практике той же Австрийской империи существовали другие министерства, компетенция котрых точно также была установлена в указном, а не законодательном порядке ***). «Итак,—говорит Лукас,—факультативный институт национальных министров исторически сделался неот'емлемой составной частью австрийского правового строя» ****). Как бы неудовлетворительно ни была выражена, в лице такого министра, защита интересов отдельных национальностей, как бы ни переплетались в его деятельности национальный момент с областным, он все же по самому существу своему являлся не главой того или иного ведомства, а соединительным звеном между национальностью с одной стороны и государственной властью с другой.

Особенно ярко персональный принцип выявился в Австрии в институте национальных курий ландтагов, введенных в Моравии (1905 г.), Галиции (1914 г.) и Буковине (1910 г.). При куриальной системе, территория коронных земель не только распадалась на отдельные государственные округа, но, в пределах каждого округа, населявшие его национальности создавали свои избирательные корпуса, посылавшие в провинциальный ландтаг своих представителей, сообразно с численностью и экономическим удельным весом данной национальности. Этим путем творцы куриальной системы предполагали парализовать национальную борьбу на выборах, принимавшую порой совершенно уродливые и даже опасные для государства формы. Система курий проводилась также и в структуре ландтагов всех перечисленных коронных земель. В компетенцию курии входили, прежде всего, выборы во все областные учреждения, пополняемые ландтагом. «Курии,—читаем мы в 10-м параграфе моравского закона 1905 г.,—имеют право производить выборы, на которые управомочен ландтаг, выборы в областную управу (Landesausschuss), в комитеты ландтага, в представительные корпорации областных учреждений и в прочие корпорации, в которых сейму уделено определенное представительство» [5])... Этим параграфом не исчерпывались права национальных курий. Как Моравский закон 1905 года, так и Буко-

---

*) См. Bernatzik, Die Oesterreich. Verfassungsgesetze, стр. 757.

**) Дайси: «Основы государственного права Англии», стр. 28 и след. Москва, 1905 г. и Hatsch k. «Общее государственное право», русск. перев. Рига, 1912 г.

***) Министерство Путей Сообщения.

****) Lukas, цит. соч., стр. 396.

[5]) Закон 27 ноября, 1905 г. R. ges.-Bl. 1906 г., № 1.

винский закон 1910 года предоставляли им решающий голос при замещении определенного цикла должностей, а также при решении культурных вопросов, затрагивающих интересы одной из национальностей. «При распределении докладов,—читаем в § 32 того же Моравского закона,—доклады по вопросам школьного дела, а также областных учреждений, обслуживающих одну из национальностей, должны быть распределены между членами областной управы, применительно к их национальному происхождению. При назначении на должности учителей, чиновников и служащих в областных учреждениях, обслуживающих исключительно одну из национальностей, областная управа связана предложениями тех ее членов, которые избраны от соответствующей национальной курии»... Наконец, и состав земских областных управ пополнялся по национальному принципу *). Мы видим, что при куриальной системе национальная курия получила решающее влияние в вопросах, затрагивающих жизненные интересы ее национальности. И в этом смысле система национальных курий может быть признана эмбрионом, из которого, не постигни Австрию военная катастрофа, могла бы развиться национально-персональная автономия, в настоящем смысле этого слова.

Персональный принцип проводился в австрийском праве и в структуре целого ряда других органов областного самоуправления. В Богемии, Моравии, Тироле школьные советы конструировались применительно к национальному составу учащихся; в области землеустройства землеустроительные комитеты(Landskulturrat'ы) Богемии, Моравии, Тироля и Силезии распадались на национальные секции, из которых каждая самостоятельно разрешала целый ряд вопросов агрикультурного характера; даже врачебные палаты Богемии и Моравии имели отдельные национальные секции, избираемые врачами округа.

Параллельное существование однородных, по своим функциям, учреждений приводит к конкурренции власти в пределах одной и той же территории, при чем разграничение их власти происходило по чисто персональному принципу—принадлежности гражданина к той или другой национальности.

Мы видели, как в австрийском национальном праве персональный принцип медленно и постепенно завоевывал одну позицию за другой. На своем пути он встречал не мало препятствий. Вся судебная и административная практика Австрии насквозь была проникнута противоположными, атомистическими и территориальными принципами.

Но жизнь заставляла австрийских юристов и законодателей, во имя умиротворения национальной вражды, отступать от их традиционных взглядов. Моравское соглашение 1905 года было тем максимальным завоеванием, которого удалось добиться сторонникам персонального принципа. И оно безусловно внесло мир во взаимоотношения между моравскими чехами и немцами. Война 1914 года помешала дальнейшему развитию в этом направлении австрийского законодательства. И это обстоятельство сыграло, конечно, свою роковую роль в момент крушения австрийской империи.

У австрийских народностей не оказалось стимула к отстаиванию государственного единства Империи, и они предпочли ее расчленение вечной национальной вражде и борьбе. На наших глазах сбылись сейчас пророческие предсказания Шпрингера, неоднократно призывавшего спешить с национальной реформой, дабы не превратить Австрию из ве-

---

*) См. §§ 11 и 12 Моравского закона, 1905 г.

ликой державы в об'ект дележа, из-за которого будут спорить другие государства Европы *).

Как рисуют себе структуру государства сторонники национально-персональной автономии? Ответ дают нам упомянутые только что труды Шпрингера. Шпрингер вообще является создателем системы персональной автономии. Его работа, посвященная вопросу о правовом урегулировании национальной вражды в Австрии, послужила исходной точкой для всех юридических построений сторонников персональной автономии.

Позволяем себе, поэтому, в кратких чертах воспроизвести схему автономного национально-персонального союза, набросанную Шпрингером. Схема Шпрингера не представляет из себя чистого осуществления персонального принципа. В основу он кладет территорию округа. Округ,—говорит он,—есть самая лучшая форма реализации местного государственного управления... Для целей государственного управления округ делает возможным концентрацию в одном месте всех ветвей управления низшей инстанции, что для управления очень удобно в смысле контроля. Округ, в то же время, самая большая область, удобная для самоуправления: он не настолько велик, чтобы разнородность интересов перевысила их однородность, но с другой стороны, настолько велик, чтобы хватило материальных и личных средств для выполнения значительных культурных задач.

Этот же самый округ в значительном числе случаев позволяет отграничить себя и национально **).

«Одним словом, — резюмирует автор свою аргументацию,—округ является точкой пересечения и исходной точкой координат всех трех категорий: государственной, областной и национальной жизни» ***).

Округа Шпрингер предлагает создавать по национальному признаку, поскольку, конечно, такое разделение государственной территории окажется допустимым с точки зрения экономических интересов населения и потребностей публичного управления.

Окружному самоуправлению должны быть переданы те функции, которые отправляются нормально органами местного самоуправления, а частично и органами управления.

В пределах округа создается более дробное деление территориально самоуправляющихся единиц общих и уездов.

На всех трех ступенях, наряду с нормальными функциями, отправляемыми местным самоуправлением, соответственные органы берут на себя охрану и развитие культуры той национальности, которая обитает в пределах данного округа.

Конечно, во многих случаях, таких национальных однородных округов сконструировать не удастся. Тогда Шпрингер рекомендует сложную систему окружного самоуправления, при которой создаются три ряда публичных органов, при чем один ряд имеет своей задачей обслуживание нужд «нейтральных» в национальном отношении, а другие, конструируемые по числу признанных равноправными национальностей, служат исключительно интересам последних. Сообразно с этим, для публичного самоуправления Шпрингер проектирует создание окружных советов, а для национального—окружных национальных представительств.

---

*) «Rud. Springer. Der Kampf der Oester. Nationen um den Staat» 1902 г. Его же (под псевд. Synopticus) Staat und Nation 1899 г. Под этими псевдонимами Springer и Synopticus) выступил известный политический деятель Австрии с-д Реннер, первый премьер Австрийской республики, после революции 1918 года.

**) Springer, цит. соч., стр. 175.

***) Springer, цит. соч., стр. 183.

Но и в национально - однородных округах неизбежно будут существовать национальные меньшинства. Шпрингер учитывает это обстоятельство. Для тех национальных меньшинств, которые, по своему численному составу, окажутся не в силах содержать собственное национальное самоуправление в округе, он предоставлеят возможность создавать самоуправление упрощенного типа, так называемые Koncurrenzen—термин, давно известный австрийскому административному праву. Эти автономные органы имели бы только две задачи. Во-первых, на них возлагалось бы оказание юридической помощи членам своей национальности, не владеющим оффициально признанным языком в округе. А, во-вторых, они содержали бы и руководили низшими национальными школами.

«Все внесенные в матрикулы общин или национальных Bezirkskoncurrenzen округа члены данной нации,—продолжает Шпрингер,—образуют активный публично-правовой союз, признанное государством общество, которое отчасти само управляет своими делами, отчасти соблюдает свои интересы, влияя на государственное управление округа *).

Но округом Шпрингер не ограничивает рамок национальной автономии. Все национально - однородные округа, вместе с однородными частями округов со смешанным составом населения, образуют единый национальный союз, автономный в пределах государства. Такой союз имеет свои высшие органы управления: национальный совет, законодательный орган, избираемый всеми членами данной национальности, национального статс-секретаря и политически ответственное перед национальным советом особое министерство. Так как такой автономный национальный союз осуществляет ряд публично-правовых функций, ранее лежавших на государстве, то естественно, что Шпрингер считает целесообразным наделить его в известных пределах и принудительной властью в отношении своих сочленов. В частности, ему должно быть предоставлено право налогового их обложения. И действительно, без этого невозможно самое существование национальности, как автономной корпорации, осуществляющей в порядке самоуправления те же функции, которые при территориальной автономии возлагаются на органы автономного областного союза. Не надо забывать ведь, что между национальностью, пользующейся персональной автономией, и автономной областью нет в сущности правового различия. Они отличаются друг от друга, но лишь тем, что первая представляет из себя чисто личную корпорацию, тогда как вторая имеет еще территориальную базу.

Мы отметили уже, что Шпрингер отказывается от проведения персональной автономии во всей ее последовательности и чистоте. При осуществлении его схемы, национальный автономный союз имеет все же свою территориальную базу—это округа, в пределах которых национальности образуют территориально - замкнутые самоуправляющиеся единицы. Но, кроме них, в состав национального союза входят и многочисленные национальные группы, которые рассеяны среди национального населения. Забота об охране их интересов, составит, по мысли Шпрингера, одну из главнейших задач национального статс-секретариата. «Каждая национальность,—говорит он,—имеет свои меньшинства в чужой области, поэтому вся нация должна принять решение относительно своего отношения к меньшинствам других национальностей, причем, принимая решение, она должна иметь в виду свои собственные меньшинства. Если она будет игнорировать группы меньшинства, то она будет этим самым игнорировать и свои собственные интересы. Это обстоятельство ведет ко взаимному договору. Предположим, однако, полное игнорирование диаспо-

*) Springer, цит. соч., стр. 221.

ры со стороны другой национальности. Какие меры для ее защиты может принять собственная нация? Очевидно, те же, какие обыкновенно употребляются при международных сношениях. Национальный статс-секретарь назначает для чужой области, в качестве поверенных, адвокатов и других частных лиц национальности, знакомых с языком и правом и там живущих, и эти поверенные заступаются за членов своей национальности во всех учреждениях и служат бесплатно толмачами. В иноязычной области устраиваются организации для защиты национальных прав, которые, подобно дипломатическим и консульским представительствам, охраняют интересы как всей нации, так и отдельных ее членов. Каждая нация охотно воспользуется этим институтом, находящимся под охраной основного государственного закона, потому что он принесет ей много пользы *). Такая организация защиты прав национальных меньшинств будет дорого обходиться каждой национальности, но именно это обстоятельство, полагает Шпрингер, послужит лучшим средством против увлечения воинствующим шовинизмом. Нации, принужденные сами доставать средства на все свои национальные нужды, научатся быть более бережливыми и не смогут тратить слишком большие средства на внешние дела, как иронически называет националистическую шумиху шовинизма наш автор.

При конструировании национальных автономных союзов, актуальное значение приобретает вопрос о способе выяснения национальности каждого гражданина. От решения этого вопроса зависит ведь причисление его к той или другой национальной группе, а, следовательно, и предоставление ему вытекающих отсюда преимуществ, а также и возложение на него соответствующих тягот.

Как, действительно, найти верный способ определить национальность отдельного лица? Этим вопросом специально занимался, между прочим, петербургский статистический с'езд 1874 года. В процессе прений выяснилось, что для большинства членов с'езда наиболее приемлемым представлялось определение национальности при помощи разговорного языка. С таким решением нельзя, как нам кажется, согласиться. Еврей, живущий в Москве и считающий русский язык своим разговорным языком, не становится от этого еще русским. Точно также не определяют принадлежности к национальности ни материнский язык, ни совокупность этиологических черт—признаки, которые так выдвигались в дебатах петербургского с'езда.

В другой нашей работе мы выяснили с достаточной ясностью, что ни язык, ни религия, ни государство и т. д., не могут быть признаны исключительно определяющими элементами национальности **). А потому и выяснение принадлежности индивидуума к той или другой национальности, очевидно, не может быть произведено на основании этих об'ективных признаков. Поскольку мы признали, что национальность определяется сознанием индивидуума, мы должны этот же момент суб'ективного волеиз'явления гражданина положить и в основание решения вопроса о причислении его к одному из автономных национальных союзов. По крайней мере иного пути для выяснения национальности граждан современное правовое государство избрать не может. Оно неизбежно должно в этом вопросе итти тем же путем, каким оно пошло при выяснении религии своих сочленов. В нашу эпоху, в правовом государстве, каждый гражданин волен de jure сам свободно избирать свою религию.

---

*) Springer цит. соч. стр., стр. 241 и след.

**) Б. Д. Плетнев. «Национальность и государство». Первый сборник Ярослав. Госуд. Университета. Ярославль. 1920 г.

Такие об'ективные признаки индивидуализма, как крещение, обрезание или рождение от родителей определенной религии, сами по себе не накладывают печати обязательности на причисление его к определенному религиозному культу. То же и с вопросом о национальности. Если отказ от своей национальности может вызвать такое же осуждение у всякого националиста, как и перемена религии у ревностного адепта, то отсюда еще не значит, что в этой области может быть предоставлена какая-либо принудительная власть государству. В решении вопроса о национальности личность должна быть столь же автономна, как и в выборе религии.

Итак, причисление гражданина к одному из автономных национальных союзов, существующих в государстве, должно производиться на основании его свободного волеизъявления, т. е. путем национального кадастра. С национальным кадастром мы встречались в старой Австрии, в Положениях о выборах в провинциальный ландтаг Моравии и Буковины. Впрочем, эти Положения отводят решающую роль не самому гражданину, а государственным органам власти. Работа по составлению избирательных национальных списков, в силу § 69 моравского закона, возлагалась на муниципальные органы, которые сами размещали граждан по различным национальным группам. Эти списки опубликовывались во всеобщее сведение, и желающие могли вносить в них свои поправки и изменения. При этом право обжаловать включение отдельного гражданина в ту или иную группу принадлежало не только последнему, но и всякому постороннему избирателю данного округа, «которому предоставляется оспаривать правильность записи другого избирателя, внесенного с ним в один избирательный список» *).

В таких случаях закон передавал окончательное решение в руки главы муниципалитета и он мог единолично «исправить запись, буде он найдет это нужным».

Этим не исчерпывались недостатки австрийской системы национального кадастра. Как в Моравии, так и в Буковине, число национальных курий было определено законом, и каждому гражданину, не принадлежавшему к одной из оффициально признанных национальностей,— не оставалось ничего другого, как причислить себя к одной из этих национальностей: «Избиратели,—читаем в цитированном § 71 Моравского закона,—которые не принадлежат ни к чешской, ни к немецкой национальности, подлежат зачислению в списки той национальности, к которой признало себя принадлежащим большинство избирателей соответствующей общины. Но им предоставляется также право требовать своего внесения в списки другой национальности». Благодаря такому своеобразному решению вопроса, поляк, например, проживающий в Моравии, **volens - nolens** должен был себя причислить либо к чехам, либо к немцам, ибо законы не создали особой польской избирательной группы при выборах в ландтаг.

Моравское Положение о выборах предоставляло все-таки национальным элементам свободно причислять себя к чешской или немецкой курии. Буковинский же закон разрешал этот вопрос насильственным присоединением членов национальных меньшинств к одной из признанных государством национальных избирательных курий.

Евреи попадали таким способом в немецкую курию, мадьяры—в румынскую, а липованы—в русинскую **).

---

*) Закон 27 ноября 1905 г. § 71 R. Gesetzbl. №№ 1 и 2 за 1906 г.

**) §§ 59 и 12 Буковинского закона.

Ясно, что национальный кадастр, построенный на такой системе, не мог дать точной картины национального состава населения Моравии и Буковины. Для того, чтобы добиться этой последней цели, государство, с своей стороны, должно гарантировать полную свободу волеизъявления каждого гражданина, и только таким путем каждая самоуправляющаяся национальность включит в свой состав действительных членов своего национального тела и создаст крепкую общественную базу для своего прогрессивного развития.

Персональная автономия, пользующаяся широким признанием среди теоретиков, до недавнего времени, в чистом виде, нигде не была проведена в жизни. Правда, в уставе армяно-грегорианской церкви, у нас в России, можно было уловить известные зачатки персональной автономии; точно также признание национальности суб'ектом права мы находим и в публичном праве старой дореволюционной Австрии, но все это было лишь первыми робкими шагами по пути последовательного осуществления персонального принципа. Только в наши дни законодательства отдельных многонациональных государств, переживших послевоенные революции, пытаются нормировать в своих пределах национальные взаимоотношения при помощи персональной автономии.

На этой позиции стоит, между прочим, Веймарская конституция Германской Республики, признающая за отдельной народностью право на культурное самоуправление *). Дальше декларативного признания этого права за национальными меньшинствами, германский законодатель, подобно австрийскому праву, однако, не пошел. Планомерное и последовательное осуществление персональной автономии мы находим лишь в государствах, выделившихся в процессе революции из состава России. Эстонская конституция предоставила право на культурную автономию четырем национальностям: русским, шведам, немцам и евреям, в Латвии это право закреплено за русскими, евреями и немцами и, наконец, в Литве провозглашена и реально проведена в жизнь персональная автономия евреев.

Мы не располагаем, к сожалению, достаточными данными, чтобы детально изобразить внутреннюю структуру этих автономных национальных союзов, отметим только, что самое признание в законах прибалтийских республик права на самоуправление за отдельными национальными меньшинствами в значительной степени способствовало их примирению с фактом возникновения всех трех республик.

В 1918 году провела закон о персональной автономии и Украинская Центральная Рада. Этот закон является, в сущности, наиболее законченной попыткой осуществления персональной автономии, и на нем стоит поэтому более детально остановиться. Первоначальный проект был разработан особой комиссией при Украинском Секретариате по еврейским делам и затем уже, с некоторыми изменениями, принят 9 января 1918 года Малой Радой. Закон принципиально предоставлял права на национально-персональную автономию всем населяющим Украину неукраинским нациям. Впрочем, в эту декларацию общего характера закон о персональной автономии тут же вносит некоторое ограничение, закрепив право на немедленное осуществление национальной автономии лишь за тремя наиболее многочисленными и культурно наиболее сильными национальностями—великороссами, поляками и евреями (ст. 2). Остальные национальные меньшинства закон разбил на две группы. В то время, как первой из них (белорусам, чехам, словакам, немцам, татарам

*) § 113 Германской Конституции. См. «Материалы Народн. Комисс. Юстиции», выпуск IX, 1921. Москва.

и грекам) предоставлялось право организовывать собственные национальные автономные союзы с разрешения Генерального Суда (Украинского Сената), второй предлагалось возбудить вопрос о национальной автономии в порядке законодательном, т. е. через украинский парламент. Те национальности, которым закон предоставил право на автономию, образуют на территории Украинской Республики замкнутые персональные союзы. Нельзя не отметить, что закон Малой Рады значительно расходится со схемой персональной автономии, набросанной Шпрингером. В то время, как у Шпрингера все национальности, населяющие государственную территорию, создают свои особые персональные самоуправляющиеся союзы, украинский закон организует в такие коллективы только национальные меньшинства, ни одним словом не упоминая о господствующей украинской национальности. Тем самым забота о культурных нуждах последней всецело возлагается на правительственные и законодательные органы Украины, государственность которой приобрела, благодаря этому, ярко выраженный национальный характер. Такую же конструкцию имеет культурно-национальная автономия и в Прибалтийских республиках. Во всех этих случаях господствующие национальности получают юридическое бытие в формах государственных, тогда как национальные меньшинства конструируются в рамках экстерриториального и автономного союзов. Членами национальных коллективов, по закону Центральной Рады, могли быть граждане, занесенные в национальный кадастр. «Каждый гражданин,—читаете в § 3 укранского закона,—имеет право требовать своего включения в данный национальный кадастр, а равно и исключения из оного; в последнем случае требуется подача заявления о непринадлежности его к данной нации». В заявлении вовсе не требуется указания на вступление подающего его лица в какой-либо другой национальный союз. Если бы украинский закон в точности воспроизвел схему Шпрингера, такое добавочное заявление было бы для него неизбежным, ибо Шпрингер не допускал существования граждан вне организованных национальных коллективов. В этом отношении он строил взаимоотношения между национальностью и отдельной личностью, строго придерживаясь принципа, давно уже получившего бесспорное признание в международном праве, который заключался в абсолютном отрицании «безответственного» существования для отдельного индивидуума. Как в международном общении нельзя просто считаться «человеком» или «европейцем», а необходимо быть юридически прикрепленным к тому или другому государству, так и в многонациональном государстве, по мысли Шпрингера, отдельное лицо должно быть не только гражданином своего отечества, но и членом одного из национальных коллективов, сконструированных в персональные автономные союзы. Схема Шпрингера была последовательно реализована в институте национальных курий Моравии и Буковины. Житель этих областей не мог участвовать в политической жизни, не будучи зачислен в одну из признанных законом национальных групп. Даже в тех случаях, когда он категорически об'являл о своей принадлежности к какой-либо посторонней для Моравии и Буковины национальности, муниципальным органам предоставлялось право искусственно причислить его к одной из курий, ибо, вне этих последних, никто не мог пользоваться, по закону, политической дееспособностью. Иначе подошли, как мы видим, к решению вопроса, авторы украинского закона, отступившие от ритористического проведения идей Шпрингера и допустившие некоторое смягчение персонального принципа территориальным. Отказавшись причислять себя к одному из национальных коллективов, пользующихся автономией, всякий гражданин Украины eo ipso получил по закону Малой Рады все

права членов украинской национальности, практически говоря, он подпадал под влияние украинской культуры, которая пользовалась защитой и подпоркой со стороны государственных органов власти.

Чрезвычайно своеобразно разрешает украинский закон о персональной автономии вопрос о границах властвования национального союза. В то время, как во всех конституциях, обычно, учредительный акт устанавливает компетенцию автономного союза, украинский закон оставляет разрешение его не в руках государства, а передает особым учредительным собраниям отдельных автономных национальностей. «Круг дел, подлежащих ведению национального союза и отдельных его органов»,—читаем мы в законе Рады,—равно, как и устройство последних, определяется постановлением учредительного собрания данной нации, каковое определяет вместе с тем и порядок применения своих постановлений» *). Итак, не государство, в его целом, являлось, согласно разбираемому закону, высшим судьей в решении вопроса о компетенции автономного союза, а сам этот союз—через свое собственное учредительное собрание. С такой постановкой вопроса о «компетенции» автономного союза трудно согласиться. «В государстве,—пишет Лабанд,—нет воли, которая стояла бы выше воли суверена **). В Украинской Республике таким сувереном может быть признан либо народ, либо само государство, смотря по тому, какой точки зрения держаться в вопросе о суверенитете, но несомненно, что сувереном не может быть отдельная самоуправляющаяся национальность.

Сообразно с этим очевидно, что и установление границ государственного властвования не может быть передано исключительно в руки особого учредительного собрания такой национальности. Даже в федеративном государстве вопрос о размежевании компетенции между союзным государством и его членами никогда не решается односторонним волеизъявлением последнего. Обычно, в таких случаях мы имеем сложный порядок конституционного законодательства, в котором достигается единство воли федеративного целого и его составных частей.

«Во всех федерациях заметно стремление оградить, при пересмотре конституций, права отдельных государств—членов союза»,—говорит Э. Понтович ***), но ни в одной из них, добавим мы от себя, нельзя отметить стремления узурпировать в руках отдельных штатов приоритет решения вопроса о размежевании власти. Само собой ясно, что сказанное еще в большей степени применимо к автономному союзу—территориальному или персональному, безразлично,—существующему в пределах государства. Ведь отличительным признаком автономного союза является известная подчиненность его центральной государственной власти, которой принадлежит общее руководство и контроль над деятельностью в интересах государства, в его целом. Совместимо ли такое определение автономии, с допущением особой учредительной власти, для автономного союза, власти, могущей ограничить пределы компетенции общегосударственных органов? Ответ для нас не возбуждает сомнений, и приходится поэтому признать, что авторы украинского закона допустили грубое нарушение суверенитета государства, последствия которого не замедлили бы дать себя чувствовать, буде закон о персональной автономии на Украине просуществовал бы более продолжительное время.

---

*) § 7 цитир. закона.

**) P. Laband. Das Staatsrecht des deutschen Reiches. Том I, стр. 521, изд. 1895г.

***) Э. Понтович «Развитие конституции и учредительная власть» стр. 84. Петград. 1918 г.

Но, возразят нам, разве мы не имеем автономных областей, самостоятельно определяющих свою компетенцию? Разве Австралия, в силу закона 1900 года, не может сама изменять своей конституции, не спрашивая на это согласия английского парламента? *) Спорить против этого, конечно, не приходится. «То, что в отношении Канады еще представлялось спорным и неясным,—говорит С. А. Корф,—в австралийской конституции и в австралийском государственном праве нашло себе уже гораздо более выпуклое и отчетливое определение... Парламент метрополии сам себе связал руки и обязал себя своими же собственными правовыми нормами **). Не то ли самое, скажут нам, имеем мы и в Украинском законе о персональной автономии? Сходство этих двух порядков конституционного законодательства, однако, только кажущееся. На деле, в любом учредительном акте австралийского парламента принимает участие не только народное представительство, но и глава Британской Империи—король, санкция которого сообщает окончательную юридическую силу акту колониального парламента. Не надо забывать, что связующим звеном между отдельными автономными частями Британской Империи и метрополией формально является не Вестминстерский парламент или кабинет министров, а английский король ***).

В лице короля, действующего по «советам» своего английского кабинета министров, и в Австралии общеимперская власть сохраняет право контроля с применением конституции этой колонии.

Дает ли подобное право украинский закон о персональной автономии высшим органам власти Украины? В цитированном тексте, как мы уже видели, это право абсолютно не предусмотрено. В дальнейшем изложении мы имеем все же «примечание», несколько ограждающее права общегосударственной власти. «Разногласия, могущие возникнуть... между национальным учредительным собранием и учредительным собранием Украинской Народной Республики или ее парламентом,—читаем в этом примечании,—разрешаются согласительной комиссией, составленной из равного числа представителей всех сих установлений. Постановление согласительной комиссии восходит на окончательное утверждение в Учредительное Собрание Украинской Народной Республики». Как будто примечанием дается выход из того ложного, с точки зрения конституционного права, положения, в которое поставили Государственную Власть Украины авторы разбираемого закона. «Примечание» предугадывает случай с достигнутым в согласительной комиссии компромиссным решением между представителями национального учредительного собрания и украинского парламента. Но как быть в том случае, когда соглашение достигнуто не будет? Вступает ли в силу проект закона, принятый национальным собранием, или нет? При этом—целиком или только в тех статьях, которые не вызывают возражений со стороны общеукраинского парламента? На все эти вопросы закон ответа не дает.

Нельзя также не отметить, что проект согласительной комиссии подлежит утверждению непременно Общеукраинского учредительного собрания. Но как же быть в том случае, если это собрание не будет в это время функционировать? Нормальный парламент законом не уполномочен давать свою санкцию на решение вопроса об изменении конституции национального автономного союза, и, следовательно, придется либо просто похоронить такой спорный вопрос, либо каждый раз приводить в движение сложный механизм учредительной власти.

---

*) Ст. 28 акта конституции Австралийского Союза. 63—64.
**) С. А. Корф. Автономная колония Великобритании. стр. 171.
***) Сидней-Лоу. Государственный строй Англии, русск. перев., стр. 417, Москва. 1910 г.

Закон о персональной автономии на Украине спешно проводился через Малую Раду во время начала гражданской войны. Этим обстоятельством приходится, очевидно, об'яснять те несообразности в конструкции взаимоотношений между общеукраинской властью и отдельным национальным союзом, которые мы только что разобрали. Иное оправдание для законодателей из Малой Рады было бы, конечно, трудно подыскать.

В числе недостатков закона Малой Рады, резко бросается в глаза предоставление ряду национальных групп (белоруссам, чехам, немцам, молдаванам, татарам и грекам) права создавать свои особые автономные союзы путем простой регистрации их через высший судебный орган Украины—Генеральный суд. «Нации эти,—читаем в ст. 2,—могут воспользоваться правом национально - персональной автономии, если в Генеральный суд поступит заявление о том, от каждой нации особое. Заявление должно быть подписано не менее, чем 10.000 гражданами Украинской Народной Республики, без различия пола, не ограниченными судом в своих политических правах, подтверждающими свою принадлежность к данной нации. Генеральный суд (по проверке в общеустановленном порядке действительности такого заявления) в срок, не позже шести месяцев со дня подачи заявления, обсуждает его в публичном своем заседании и сообщает о своем решении Генеральному Секретариату (Правительство Украины *В. П.*) и публикует его».

Такой упрощенный порядок создания автономного национального союза не может не вызывать чувства вполне понятного недоумения. Если право современных государств допускает регистрацию личных союзов в порядке концессионном, то это относится только к таким об'единениям, как профессиональные союзы, акционерные общества и т. п. Иногда этот порядок допускается и для отдельных религизоных общин. Но автономный национальный союз далеко не идентичен с акционерной компанией или религиозной общиной адвентистов. Автономный национальный союз, в противоположность этим личным об'единениям, есть, прежде всего, союз властный. Закон предоставляет ему осуществление известных функций государственной власти и, в то же время, наделяет его принудительной властью по отношению к его членам. Такой автономный союз, безусловно, сам является органом государственной власти, между деятельностью которого и деятельностью государства нет принципиального различия *).

Самоуправляющаяся национальность вполне уподобляется территориальным автономным союзам. Но, в отношении к последним, никому, ведь, и в голову не придет устанавливать их бытие в порядке концессионном. Представим себе только городское самоуправление, возникающее не в силу закона того государства, в котором находится данный город, а в порядке простой регистрации, в соответственных судебных органах, заявлений жителей этого города о желании организовать в нем собственное местное самоуправление. Ясно, что подобный порядок организации местного самоуправления ни в одном современном государстве немыслим.

Как же могли авторы украинского закона о персональной автономии установить такой, до крайности, упрощенный порядок для конструирования национальных автономных союзов на Украине? Очевидно, они либо не дооценили их значение, как институтов публичного права, либо, действуя в атмосфере гражданской войны, просто и здесь допустили такой же lapsus, как и в вопросе о компетенции.

---

*) Н. М. Коркунов «Русское государственное право», т. II, стр. 488—493. Шестое издание.

Закон Малой Рады, оставляя открытым вопрос о пределах компетенции персональных союзов, в то же время детально останавливался на одной стороне вопроса—на финансовых правах автономных коллективов *). Он не допускает полного отделения финансов союзов от Государственной Казны. Правда, национальному союзу самому предоставлялось устанавливать, чрез свои компетентные органы, ежегодный бюджет.

Но в области налогов права этих органов были связаны. Они, хотя и имели право налогового обложения членов своего союза, но только в форме процентных надбавок к обще-государственным налогам. Самостоятельной же налоговой системы они создавать не могли. Государство, с своей стороны, должно было отпускать автономным союзам субсидии из своих средств, «сообразно численности населения данной нации». Для покрытия своих расходов, автономным союзам разрешалось также заключение займов под своей ответственностью».

Переходя к конструкции персональных автономных союзов, мы видим, что украинский закон проводил отделение законодательной власти от правительственной. Во главе первой он ставил особое национальное Собрание, избираемое на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, «с применением начала пропорционального представительства».

Высшим Исполнительным Органом является Политический, ответственный перед собранием, Национальный Совет. Закон ничего не говорил о нисших органах национального самоуправления. Предполагалось, что вслед за изданием закона 9-го января, принципиально, так сказать, разрешавшего вопрос о национальной автономии, последует новый закон, специально посвященный вопросу об организации общественного национального самоуправления. Такой закон издан впоследствии не был. Но и независимо от этого, молчание законодателя по вопросу об организации нисших органов национального самоуправления в конституционном акте, национальных автономных союзов, вряд ли может быть признано правильным. «Национальный союз,—справедливо отмечает М. Лазерсон,—в последнем счете покоится на национальной местной общине данного города или сельской местности. Эта община и занимается повседневным удовлетворением просветительно-культурных и экономических нужд широких слоев данной национальности. Без национальной общины нет жизни у национального союза, в этой точке персональный национальный союз прикасается к земле, к территории и конкретной жизни» **).

Удачной надо признать десятую статью закона Центральной Рады, посвященную правовому урегулированию спорных вопросов, могущих возникнуть между органами национального союза, с одной стороны, и государственными учреждениями—с другой. Эта статья передает их разрешение административным судам украинской республики.

Мы отметили многочисленные недостатки украинского закона о национальной автономии. Как бы велики они ни были, мы все же не можем не признать за этим законом огромного общественного значения.

Ведь, если не считать литовского закона о персональной автономии евреев, украинский закон является первым опытом приложения к живой действительности теоретических построений Шпрингера, Бауэра и прочих сторонников персональной автономии. Этот опыт применения пер-

---

*) См. §§ 5 и 6.

**) М. Лазерсон, сочин. стр. 115 и след.

сональной автономии оказался, однако, настолько кратковременным, что судить о его жизненности и целесообразности, в условиях украинских национальных взаимоотношений, было совершенно невозможно.

Б. Д. ПЛЕТНЕВ.

Административная юстиция и право жалобы.

Понятие административной юстиции.

I.

Начало господства закона, провозглашенное великой французской революцией, до сих пор является недосягаемым идеалом культурного мира. До сих пор идет неустанная работа по усовершенствованию реальных гарантий законности, без которых господство права является пустым звуком, лишенной содержания декларацией.

Социальные, административные, юридические гарантии—вот те формы защиты, которые знает действительность, но которые до сих пор не получили нужного влияния на жизнь.

Социальные гарантии обычно определяются, как господствующий уровень правосознания народа, на котором строится все сложное здание политических и административных учреждений государства, и которые, в конечном счете, определяют и развитие этих последних.

Это определение, конечно, безупречно. Без сомнения, власть даже первобытного деспота ограничивается правосознанием народа; по остроумному замечанию Дайси, даже самодержец-султан не мог бы заставить перейти в католичество правоверных магометан. Но при всей своей правильности это определение скользит по поверхности. Правосознание народа является не первичным, а вторичным моментом: оно не более, как отражение социальных процессов, происходящих в глубинах народной жизни (употребляя формулу экономического материализма, в конечном счете—«развития производительных сил»).

Выдвинутый Еллинеком принцип самоограничения власти (1), как неизбежный результат действия социальных процессов, недостаточно оценен в специальной литературе. Между тем, только с точки зрения этого принципа, можно понять всю структуру современного буржуазного государства, которое не может не признавать прав личности (хотя слишком часто это признание носит лицемерный характер: вспомним, например, пресловутую «свободу труда»); само его существование неразрывно связано со свободным экономическим творчеством индивида, хотя и это свободное творчество обычно превращается в свободную эксплоатацию сильным слабых. Но государства и не буржуазного уклада не могут уйти от этого основного закона социального развития: признание отвлеченного принципа суб'ективных прав является экономически необходимым условием устойчивого существования самого государства.

Самоограничение государства, при необычайной сложности современного государственного организма, неизбежно приводит к разграничению основных функций власти—законодательной, судебной и исполнительной (разумеется, при условии предоставления первенствующего значения законодательной) и к построению всего государственного строя на основе разграничения функций; этим создаются организационные гаран-

тии—*административные* в широком смысле. «Правовое государство»,—говорит О. Майер,—«есть государство, в котором, благодаря разделению властей, обеспечивается господство закона также и в сфере управления... и вместе с тем, по аналогии с судебным приговором», вызываются к жизни административные акты для того, чтобы определить в каждом конкретном случае, что должно быть правом, и что должно быть выполнено. Эти установления основываются на заимствовании того, что на предшествующей ступени развития было уже сделано по отношению к суду. Мы можем, таким образом, сказать: правовое государство означает построение управления по типу суда Justizförmigkeit der Verwaltung (О. Майер) (²).

В заключение несколько слов о сравнительном значении разных методов охраны права.

Принципиально, социальные гарантии—самые важные, но практически оне трудно уловимы. Оне образуют социально-психологический фундамент всего правового строя, но не поддаются ни юридической формулировке, ни точному учету. Никогда нельзя указать заранее границу, дальше которой не сможет пойти нарушение прав, охраняемых только этим видом гарантий.

Административные гарантии, возникающие в результате автоматического взаимодействия учреждений конституционного государства, также носят слишком общий характер. Права личности охраняются автоматическим действием административного механизма только в той мере, в какой, как это замечает Еллинек, требуется государственным интересом; да и практически они, как показал Гнейст, недействительны. Индивидуализировать охрану права граждан,—на этом особенно настаивает Лемайер,—могут только юридические гарантии, которые возникают на почве подчинения органов государственного управления контролю судебной власти и вооружают гражданина иском.

Исторически сложившиеся формы судебного процесса, индивидуально управомочивая заинтересованных граждан к охране права и, открывая им широкую возможность пользоваться, в целях обеспечения своих суб'ективных прав, услугами всей сложной государственной организации, технически являются наиболее совершенными видами гарантий.

Их совершенство обусловливается совершенством судебной организации, которая наиболее законченный характер получает в области юстиции в собственном смысле, т. е. в области гражданского и уголовного права. Здесь уже в начале 19-го века пробивает себе окончательно дорогу идея независимости судов. Организация суда и порядок процесса постепенно улучшаются: устанавливается урегулирование движения дел по инстанциям, правильный порядок обжалования, непосредственность, состязательность, устность и гласность процесса. Но все эти формы защиты только медленно и постепенно проникают в область внутреннего управления и образуют, в своеобразном сочетании с политическим строем отдельных государств, административную юстицию.

II.

Мы считаем административную юстицию одним из институтов, обеспечивающих господство права. Но нет ли глубокого противоречия в самом существе института? Не противоречит ли началу разграничения функций идея административной юстиции? Может ли быть *юстиция административной* или, по крайней мере, должна ли она быть таковой? Этот вопрос, вопрос теории административной юстиции, имеет первенствующее принципиальное и практическое значение. Административная юстиция приобрела право гражданства почти во всех государствах Европы, и неудивительно, что теоретическая мысль стремится об'яснить это

явление, которое находится в противоречии, по крайней мере, кажущемся, с идеей господства единого суда, казалось бы, наиболее отвечающей началу правильного разграничения функций государственной власти. Одни теории (главным образом, французские) видят оправдание и об'яснение административной юстиции, как самостоятельного института, в своеобразии суб'екта публично - правового спора (администрация), другие (главным образом, немецкие)—в своеобразии его об'екта (публично-правовое отношение), третьи (русские)—в особенном свойстве самого правонарушения и вызываемых им последствий (3).

Французская теория настаивает на необходимости создания особого процесса для рассмотрения спорных дел, вызываемых действиями администрации, на том основании, что органы администрации,—как суб'ект публичной власти, представляют собой суб'ект права ius generis, не подлежащий, по своей природе, нормальному судебному контролю.

«Под судебно-административным процессом»,—говорит, например, М. Ориу,—«понимается совокупность правил, относящихся к спорам, возбуждаемым действиями административных лиц, поскольку эти правила отступают от общих правил» (4).

В основе построения административной юстиции, как функции активной администрации, лежит теория разделения властей, впрочем, в очень своеобразном понимании, как теория *полной* независимости административной власти не только от законодательной, но и от судебной. «Если признавать принцип разделения административной и судебной власти»,—говорит проф. Бертелеми,—«то нельзя позволить судебным органам рассматривать споры, возникающие на почве применения приказов административной власти» (5).

«Разделение властей стремится оказать покровительство публичной власти и административной форме ее проявления» (Моро). Эта теория красной нитью проходит через все французские работы по административному праву в течение целого века (6).

Но, разумеется, с этой точкой зрения, которая является возведением в принцип факта французского позитивного права, нельзя согласиться.

Последовательно проведенная до конца теория разделения властей в ее французском понимании должна иметь следствием полную недоступность для обжалования действий органов администрации (как это действительно было при старом порядке и в эпоху революции), или, в крайнем случае, создание для них специфических трибуналов, находящихся в большем или меньшем подчинении администрации, как это наблюдается в современной Франции. Она создает для администрации привиллегированное положение и находится в резком противоречии с основным началом правового строя—равенством всех граждан перед законом.

Но теория «разделения властей», как она понимается современным публичным правом, обозначает не обособление органов власти, а скорее их сотрудничество, при целесообразном распределении функций, соответствующем структуре каждого органа. Следовательно, на ее основе нельзя построить теорию административной юстиции, как особого вида деятельности «исполнительной власти», независимой от суда.

Особый порядок для рассмотрения судебно-административных споров нужен не потому, что здесь стороной является привиллегированный суб'ект права—администрация (такое обоснование только компрометирует самую ее идею), а потому, что действия агентов власти, дающие основания для судебного спора, содержат в себе своеобразные элементы, не об'емлемые ни гражданской, ни уголовной юстицией. И построение конкретных форм административной юстиции определяется не привиллеги-

рованным положением администрации, как стороны в процессе, а природой действий административных органов, дающих основание для судебно-административных споров.

Споры, вызываемые незакономерными действиями органов администрации, как суб'ектов публичной власти, ограничены плоскостью публично-правовых отношений: здесь всегда идет речь о защите публичных прав граждан. Естественно, возникает вопрос, не является ли основной задачей административной юстиции «вооружение» публичных прав граждан иском, не должна ли своеобразная природа публично-правовых отношений вызвать к жизни и особый порядок рассмотрения споров, возникающих в этой области, т. е. не следует ли обосновать своеобразие института административной юстиции на природе споров, составляющих ее естественную компетенцию.

В положительном праве мы встречаем попытки обосновать административную юстицию именно на этом признаке. «Административный суд»,—говорит ст. 15 старых австрийских основных законов, дословно повторенная в специальном законе 1875 г. об административной юстиции, «разрешает все жалобы, в которых кто-либо утверждает, что его права нарушены административным разрешением или распоряжением».

На эту же точку зрения становится и большинство немецких исследователей (7). Тем не менее вполне с ней нельзя согласиться. Ограничение компетенции органов административной юстиции рассмотрением споров, возникающих на почве поражения публичных суб'ективных прав действиями администрации, слишком узко и потому неточно. Даже в современном правовом государстве далеко не все виды отношений власти к гражданам могут быть отнесены к категории правоотношений, в строгом смысле этого термина. Отношения, возникающие в области дискреционной деятельности администрации, скорее могут быть охарактеризованы, как односторонние «властеотношения», являющие собой как бы пережиток полицейского государства. Следовательно, в той мере, в какой задача административной юстиции ограничивается вооружением суб'ективных публичных прав иском, она не охватывает значительную сферу деятельности администраций. Между тем, как раз в этой области административная юстиция и сделала, в последние десятилетия, наиболее крупные завоевания, подчиняя судебнообразному контролю даже дискреционные «свободные» административные акты.

Впрочем, если даже расширить содержание понятия «правоотношения», включив сюда и отношения, возникающие на почве дискреционных распоряжений администрации (последние, разумеется, все же «связаны» хотя бы общим «смыслом» и «целью» закона), если считать, таким образом, исходя из точки зрения меньшинства немецких теорий, задачей административной юстиции охрану об'ективного права, в широком смысле этого слова, то все же нельзя построить на этом основании здание административной юстиции, как особого института (8). Такое обоснование будет слишком обще.

Как поражение *суб'ективных публичных* прав может служить основанием для *гражданского* иска, так нарушение об'ективного права создает почву для уголовного процесса и, само по себе, не может оправдать возникновения специальных «судебно-административных» форм охраны публичного права. Не только в Англии нарушение неприкосновенности личности постоянно является основанием для иска об убытках, но даже и в дореволюционной России, обычной, хотя, увы, недостаточной, защитой суб'ективно-публичных прав от административного произвола было пред'явление к должностным лицам гражданских исков в общих судах. С другой стороны, уголовная репрессия всегда стоит на стра-

же об'ективного права против его нарушения должностными лицами. Достаточно вспомнить, хотя бы, необычайно широкое определение «превышения» и «упущения» власти по нашему старому уголовному кодексу, чтобы понять, как далеко может пойти в этом направлении уголовный суд.

Следовательно, мало сказать, что институт административной юстиции вызывается к жизни необходимостью юридической защиты публичного права против незакономерных действий администрации,—он не является исключительной формой такой защиты,—необходимо точнее определить природу и общие свойства этих незакономерных действий. Русская школа в теории административной юстиции пытается пойти по этому именно пути (9).

III.

На институт административной юстиции налагают индивидуальный отпечаток особые юридические свойства правонарушений, подлежащих ее рассмотрению.

Действие администрации может подлежать контролю административной юстиции только в той мере, в какой оно является юридическим актом, распоряжением, создающим, изменяющим или уничтожающим публичное правоотношение (т. е. административным актом в техническом значении этого слова), который может, конечно, вызвать «материальное» действие, обращенное непосредственно к живой личности, но не теряет в силу этого своей формальной, абстрактной природы. Этот юридический акт может, конечно, быть неправомерным, но и в этом случае он не выходит из мира отвлеченных норм. Поэтому *типической* особенностью административной неправды является ее формальный, абстрактный характер, который, впрочем, не является *исключительно* ее признаком: уголовное правонарушение тоже *может* носить абстрактный характер. Резче отличается она от гражданской и уголовной неправды другими специфически ей свойственными признаками.

Нарушение публичных прав гражданина (и вообще публичного права) действиями администрации, прежде всего, резко отличается от уголовного деяния: при осуществлении своих функций администратор презюмируется действующим bona fide и, следовательно, в правонарушении рассматриваемого типа отсутствует необходимый, суб'ективный элемент всякого преступления.

От гражданского правонарушения административная «неправда» отличается, прежде всего, сферой своего проявления. В принципе она лежит вне сферы частных интересов и не ведет неизбежно к требованию возмещения ущерба.

В связи с природой правонарушения рассматриваемого типа находятся и юридические последствия, им вызываемые. Если уголовное деяние,—через посредство процесса,—влечет за собой наказание, если гражданское правонарушение, тоже через посредство процесса, имеет следствием восстановление нарушенного суб'ективного права (da mihi factum-dabo tibi jus), то юридическим последствием правонарушения, вызванного административной деятельностью, является отмена или исправление неправильного административного акта. Таким образом, мы приблизились к решению вопроса о причинах, вызывающих к жизни административную юстицию, как самостоятельный институт: ее задачей является отмена (Коркунов) и исправление (Лазаревский) неправильных административных актов.

Усложнение задачи административной юстиции, предложенное Н. И. Лазаревским, функцией *исправления* незакономерных актов, позво-

ляет включить в компетенцию органов административной юстиции не только охрану об'ективного права, деятельность, так сказать, «кассационного порядка», но, в сочетании с этой основной задачей, и разрешение жалоб по существу.

Во всяком случае, определение, установленое русской школой, приближает нас к решению проблемы, хотя все же не решает ее окончательно: оно не указывает признаков, по которым проявление воли активной администрации отличается от актов административной юстиции. И отмена и исправление неправильных административных распоряжений возможны не только в судебно-административном, но и в чисто - административном порядке—в порядке надзора. Следовательно, если даже допустить, что мы нашли твердое основание для различения административной юстиции от уголовной и гражданской, мы должны сделать еще последний шаг и попытаться установить различие в природе действий административной юстиции и активной администрации.

IV.

Деятельность органов управления—в принципе *подзаконна и подчинена* нормам абстрактного закона и требованиям публичного интереса; всякое уклонение от этого пути, необходимо, вызывает автоматическую реакцию административного механизма, по своей материальной природе и психологическому содержанию напоминающую судебную функцию. Еще французские юристы начала 19 века противуполагали административному действию (action)—суждение (jugement), как самостоятельную функцию администрации (Шово).

И, действительно, отступление органов администрации от требований закона и общего интереса неизбежно вызывает критику со стороны тех же или выше стоящих государственных органов. Эта критика очень часто может выразиться в констатировании нарушения права (буквы закона и его цели) и будет иметь своим следствием его отмену или исправление по собственному побуждению органов управления—в порядке надзора. В том случае, если высший орган власти постановляет об отмене распоряжения низшего, иерархически ему подчиненного, в силу противоречия его с требованиями закона, мы имеем констатирование права—материальный акт судебной деятельности, юридически выражающийся, однако, *в чисто - административных* формах, в типической форме акта административного. Даже на той сравнительно высокой ступени развития административного строя, в котором функция надзора осуществляется специальными установлениями—органами надзора, положение дела не сразу и не всюду меняется. Поскольку органы надзора действуют по собственному побуждению, они, как это обычно наблюдается, не связаны (часто принципиально, по самому характеру административной деятельности, не могут быть связаны) процессуальными условиями, и их деятельность выражается опять в форме «административных актов» обычного типа. Функции «суждения» и «действия», психологически-различные, органически об'единены в деятельности администрации и выражаются в однородных юридических формах. Но «суждение», по своему формальному проявлению, необходимо дифференцируется от «действия» с того момента, когда оно направляется и вызывается волей заинтересованного жалобщика. В этом последнем случае оно, неизбежно обростая процессуальными формами, является идеальным способом обеспечения суб'ективного публичного права гражданина, которое уже Еллинек характеризовал, как возможность привести в движение правопорядок в своих интересах. Именно, поэтому, «возможность привести в движение в своих интересах *судебную* власть является су-

щественнейшим признаком личности» (Еллинек). И эта дифференциация идет тем резче, чем эти процессуальные формы становятся гибче и совершеннее и чем больше влияния открывается заинтересованному индивиду на движение дела.

Административное право, именно по степени принципиальной связанности органов администрации волей жалобщика, отличает иерархическую жалобу от административного иска, возникающего с того момента, когда воля жалобщика определяет, в указанных законом пределах, деятельность административного механизма, т. е., когда последний связывается процессуальными формами в интересах жалобщика и когда *жалобщик становится стороной в процессе.*

Сторона в процессе есть суб'ект права, который противостоит власти, чтобы получить от нее решение того, что в определенно конкретном случае должно быть признано правом. Процессуальное отношение обозначает власть суда над стороной и право стороны по отношению к суду, обеспечивающее возможность добиться путем воздействия на движение процесса законом предуказанного решения.

В делах, связанных с нарушением суб'ективных прав, гражданин противустоит государству в качестве самостоятельной стороны, имеющей определенные процессуальные требования к государству. Это и налагает, с логической неизбежностью, на органы государственной власти специфические формы связанности.

Таким образом, самоограничение государства, признание за гражданином, даже только в пределах *частного* права, положения суб'екта права, логически неизбежно ведет к признанию за ним права на иск или жалобу в праве процессуальном (нет права без иска), т. е. к признанию за ним публичного суб'ективного права (10).

Последовательное развитие принципа равноправности граждан и государства, как суб'ектов публичных прав, приводит, затем, к признанию суб'ективных публичных прав граждан, и, наконец, к созданию административных судов, действующих со всей роскошью процессуальных форм (11).

Но нарушение не только права граждан, но и интереса, может дать основание к возбуждению административного иска. Государственная власть, без содействия личной инициативы и личной заинтересованности граждан, никогда не сумеет уловить мелкие, но каждодневные нарушения закона, которые составляют естественный придаток административной деятельности.

Органы надзора бессильны пронизать снизу до верху все этажи административной организации, и потому является неизбежным обращение к частной инициативе. В этом смысле личная заинтересованность служит могучим стимулом охраны суб'ективного права.

Но с другой стороны, и для гражданина возможность правомерной защиты своих интересов представляет громадное значение. Как указал уже Гнейст, в сфере публичного права не всегда можно провести разграничение между правом и интересом (Гнейст полагал, что *никогда* нельзя провести такого разграничения).

В самом деле, деятельность администрации, как общее правило, выражается в ограничении свободной сферы самодеятельности гражданина, в создании для него обязанностей по отношению к государству.

Таким образом, всякие действия, распоряжения администрации, имеющие место в пределах норм, установленных в целях охраны публичного интереса, правомерно стесняют индивидуальную свободу, поскольку эти действия не превышают должную меру.

Недаром Еллинек, характеризуя в своей «Системе суб'ективных публичных прав» формы политической правоспособности, устанавливает специальный status passivus, пассивное состояние гражданина, в котором последний,—разумеется, в установленных законом пределах,—пассивно подчиняется принудительному воздействию государства [12]).

Норма права дает основание для возникновения суб'ективных публичных прав только в следующих случаях: 1) если она имеет принудительный (связующий) характер, т. е. исключает применение свободного усмотрения администрации; 2) издана в интересах определенного лица или определенного круга лиц для удовлетворения их индивидуальных интересов, а не только в интересах целого; 3) если этим лицам обеспечена возможность потребовать от администрации определенных действий в их интересах (Бюлер) ([13]).

Во всех остальных случаях жалобщик может противупоставить администрации только свой «интерес» и остается бессилен в борьбе с произволом администрации, если ему не будет предоставлена возможность юридической защиты этого интереса.

Исходя из принципа «справедливого управления», Гнейст настаивал на предоставлении гражданам права жалобы и в том случае, если администрация, вопреки принципу справедливости, диктуемой правопорядком, нарушает интересы отдельного гражданина. Отсюда—широкое предоставление лицам, у которых нарушен интерес, права обжалования действий администрации, противоречащих не только букве, но даже и цели закона.

Технически, возможность предоставления юридической защиты интересу граждан в области публичного права облегчается в значительной мере самой же конструкцией государства, как суб'екта права. Воля государства проявляется в действиях отдельных живых лиц, но эти лица презюмируются органами государства, и их действия считаются действиями государства лишь в той мере, в какой они действуют с соблюдением установленных форм, по которым «воля» государства и опознается. Арест постольку перестает быть самоуправством, произвольным нарушением личной свободы и становится актом «воли» государства, поскольку определенные лица, произведя задержание, действуют *на основании закона*, с соблюдением установленных в законе формальностей, и специальные гарантии неприкосновенности личности заключаются, в сущности, в уточнении и усложнении этих форм.

Нарушение предписанных об'ективным правом форм опорочивает и самый административный акт, превращая его из акта того или другого «органа власти» в юридически ничтожное действие отдельного физического лица. Поскольку это нарушение об'ективного права совпадает с нарушением интереса частного лица, последнее, пред'являя иск об отмене административного акта, нарушающего об'ективное право, получает юридическую защиту своего нарушенного интереса. По мере того, как расширяется основание для обжалования распоряжений администрации, противоречащих об'ективному праву, расширяется сфера юридически защищенных интересов. С того момента, когда нарушение *цели* закона дает основание для обжалования решения, презюмируемого неправомерным по этому признаку,—на защиту интересов гражданина, даже не входящих в область его суб'ективных прав, встает вся система законодательства, данного правопорядка и, даже более, вся совокупность правосознания эпохи, так как, разумеется, понятие цели закона может быть выведено только путем *толкования*, всегда представляющего собой *творческий* анализ положительного права. Вместе с тем, социальные гарантии, могучие, но не уловимые и, казалось бы, неприменимые к инди-

видуальным конкретным случаям, становятся на страже правовой сферы индивидуума. Иск о защите интереса, теряя свой эгоистически - индивидуалистический характер, приближается по своему значению к actio popularis (14).

Таким «обходным» путем континентальное право расширяет юридические возможности защиты прав и интересов граждан, в области публично-правовых отношений, в том же направлении, как это было достигнуто вековым опытом правового развития Англии, где, в известной мере, право обжалования незакономерных действий администрации входит, как составной элемент, в политическую правоспособность гражданина. «Субективное публичное право»,—говорит Редлих,—«возникает у английского гражданина не только на основании особого правопроизводящего факта, но и непосредственно из об'ективной нормы. Суб'ективным правом является право на устранение незаконных действий частных лиц или органов административной власти, безразлично, принадлежит ли нарушенная норма к гражданскому или публичному праву. В этом своеобразном actio popularis лежит необходимый конституционный корольлярий к другому основному принципу английского права, в виду которого всякий акт государственной власти должен иметь юридическое основание» (15).

Исходным пунктом во всех случаях возбуждения исков, основанием которых является нарушение об'ективного права, является личная инициатива гражданина. Последний является в той же мере стороной в исках, вызванных нарушением администрацией об'ективного права, как и в исках, направленных на защиту прав суб'ективных.

Весь сложный процесс рассмотрения дела, предшествующий отмене или исправлению актов администрации, нарушающих об'ективное право, проходит под непосредственным процессуальным воздействием заинтересованного суб'екта права—стороны, и этим резко отличается от условий деятельности администрации в порядке надзора.

Взаимозависимость деятельности органов государственной власти и индивида, неизвестная в области активной администрации, придает особый характер постановлениям органов административной юстиции; они по своим юридическим свойствам отличаются от распоряжений активной администрации: res judicata им свойственна в гораздо более глубокой степени,—не только в «формальном», но и в «материальном» смысле (16).

Таким образом, признавая признаком, отличающим административную юстицию от уголовной и гражданской, особую природу правонарушения, получаем—путем углубления анализа формальных последствий, связанных с этим своеобразным видом правонарушения—признак, отличающий административную юстицию от активной администрации. Отмена или исправление незакономерного административного акта являются характерным признаком административной юстиции лишь постольку, поскольку они вызываются действием индивида, как стороны в административном процессе.

Единство административной юстиции в гражданской и уголовной достигается не только общностью целей (этот признак, в силу своеобразной природы деятельности администрации, недостаточен), но и общностью формальных (процессуальных) условий (17).

Административной юстицией мы называем особый порядок рассмотрения жалоб на незакономерные административные акты, осуществляемые с участием жалобщика, как стороны, и имеющие своим последствием отмену или исправление этих актов.

Только что приведенное определение позволяет установить содержание институтата административной юстиции и de lege lata u de legete-frenda.

Всюду, где жалобщик является стороной, мы констатируем наличность административной юстиции, но, само собой разумеется, от того, в какой мере это принципиальное требование последовательно проведено в жизнь, мы можем говорить или о лишь зародившихся, элементарных или, напротив, о сложных, законченных формах административной юстиции.

Вопрос о том, следует ли передать рассмотрение спорных судебно-административных дел специальным трибуналам или их нужно оставить в ведении общих судов, с нашей точки зрения, имеет второстепенное значение. Это вопрос не принципа, а техники, вопрос условий места и времени. Существенно лишь, чтобы были обеспечены необходимые процессуальные гарантии.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Еллинек. Общее учение о государстве I изд. стр, 217,

2) O. Meyer. Deutsches Verwaltungsrecht. 1914 I-я стр. 64.

3) Н. М. Коркунов. Очерк теории административной юстиции «Журнал гражданского и уголовного права». 1880 г. Тецнер в своей работе «О немецких теориях административной юстиции». (Die deutschen Theorien der Verwaltungsrechtspflege. 1901) разбивает определения этого института на следующие категории: административная юстиция, как решение публично-правового спора нескольких сторон перед органом публичной власти; как решение спора одной стороны с публичной властью; как судебная защита суб'ективных публичных прав; как справедливая охрана интересов администрацией в отдельных случаях; как функция административного судоговорения, присущая активной администрации. Множественность признаков, взятых Тецнером в основу своей квалификации, затрудняет обозрение основных течений в теории административной юстиции. Впрочем, Тецнера занимает не столько характеристика движения научной мысли в рассматриваемой области, сколько горячая защита своего определения административной юстиции, как судебной защиты суб'ективных публичных прав. Его критические замечания заслуживают, однако, большого внимания. В немецкой литературе вопроса он стоит особняком. Как во французской литературе Жаклен порицает излишнюю склонность французских авторитетов возводить факт в принцип, основывая отвлеченную общую теорию административной юстиции на исторических ее формах, свойственных Франции (Jacquelin. Les principes dominants du contentieux administratif), так и Тецнер иронизирует над обычным для немецких государствоведов злоупотреблением схематически схоластическими фигурами искусственных конструкций, за которыми забывается разнообразное содержание отдельных законодательств. От этого греха не свободен, впрочем, и сам Тецнер.

4) M. Haurion. Précis de droit administratif, стр. 878.

5) Berthelemy. Traité element de droit admin. 1908. 5 éd, стр. 874.

6) Moreau. Le droit administratif. 1909, стр. 1084.

7) «Господствующее мнение стоит на той точке зрения, что административная юстиция призвана исключительно к охране суб'ективных прав». G. Meyer. Verwaltungsrecht. 1893, I стр. 46. Ср. Bähr. Der Rechtsstaat, стр. 53; Sarvey. Das öffentliche Recht und die Verwaltungspflege, стр. 406; Stengel. Lehrbuch d. deutschen Verwaltungsrechts, стр. 218. Tezner. Die deutschen Theorien der Verwaltungsrechtspflege, стр. 72.

8) На точке зрения охраны об'ективного права, как исключительной функции административной юстиции, стоит Gneist, Rechtsstaat, стр. 240; Bornhak, Grundriss des Verwaltungsrechts, стр 95; Laband. Staatsrecht, III, стр. 379 и сл. Переходное положение занимают Jellinek, System d. subject. öffentlichen Rechtes, 2-е изд., стр. 358.

O. Meyer. D. Verwaltungsrecht, 1914, Bd, I стр. 135; Fleiner. Institutionen, стр. 213.

9) Проф. Н. М. Коркунов. Государственное право, т. II; цитированный выше очерк теории адм. юст. Н. И. Лазаревский. «Админ. Юстиц.» в полит. энциклопедии. В последнее время к ним примыкает проф. С. П. Покровский, «Административный процесс о превышении власти». Казань 1920 г.

На той же точке зрения стоит один из наиболее тонких современных административистов. Horion. Précis de droit administratif 5 éd., стр. 228 и сл.

10) Мы не хотим сказать, что только нарушение суб'ективного права дает право на иск,—в дальнейшем мы увидим, что процесс (административный) имеет самостоятельное значение (Ср. Рязановский. Единство процесса, 1921 г.), но все же полагаем, что нельзя отрицать принципиальной связи между суб'ективным правом и процессом, как совершенной, хотя в публичном праве вовсе не единственной, формой защиты.

11) Даже в тех случаях, когда в данном административном механизме нет специального судебно-административного органа, все же администрация, противостоящая гражданину, по крайней мере, в принципе, как сторона, теоретически должна предоставить ему некоторые гарантии для удовлетворения нарушенного суб'ективного права. Так возникает институт «формальной» жалобы, обязывающий органы активной администрации к определенным процессуальным действиям.

12) Jellinek, System der subjekt. öff. Rechte. 2 изд., стр. 118.

13) Rühler. Die subjektiven öffentlichen Rechte und ihr Schutz in der deutschen Verwaltungsrechtssprechung, 1914, стр. 21.

14) Здесь, конечно, речь идет только о т е н д е н ц и я х. В настоящее время, только в исключительных случаях, специальными постановлениями законодателя административный иск расширяется до значения actio popularis, см. Fleiner, Institutionen, стр. 221—222.

15) Redlich.—Englische Localverwaltung. 1901.

16) Fleiner—Op. cit, стр. 220.

17) Н. Н. Полянский—Цель уголовного процесса 1919. В. Рязановский—Единство процесса, 1920.

М. ЗАГРЯЦКОВ.

Коллективный договор, как юридический институт.

Коллективный договор, как законодательная проблема.

Как видно из вышеизложенного, попытки выяснить юридическую природу коллективного договора, путем обоснования его обязательной силы и правовых последствий, на почве общих начал обязательственного права, оказались безуспешными. Шаткость теоретических оснований, на которых базируются эти попытки, и неопределенное, неустойчивое положение, в котором оказывается практика применения коллективного договора, выдвинула мысль о необходимости подвергнуть этот институт специальной законодательной нормировке, дабы сообщить этому новому продукту промышленной жизни более прочную легальную основу и более устойчивую судебную практику.

Такая тенденция обнаруживается в последние десятилетия во многих странах, и вопрос о законодательном нормировании кол. договора стоит в настоящее время на очереди дня. Этот вопрос был предметом обсуждения на многих юридических с'ездах и в ученых обществах и также им занимаются законодательные учреждения, в которых были выработаны соответственные законопроекты.

Наиболее подробному обсуждению этот вопрос подвергался на 29-м с'езде германских, австрийских и швейцарских юристов, происходившем в Карлсруэ 9—13 сентября 1908 г. *). С'езду, поэтому, были представлены доклады двух немецких и двух австрийских представителей. Первый из них, председатель промыслового и купеческого суда в Берлине фон-Шульц, дал, опираясь на практику берлинского промыслового суда, богатый материал, характеризующий положение тарифных договоров в Германии. Ввиду большого разнообразия тарифных договоров по их содержанию, название «тарифный», принятое германскою терминологию, представляется, по мнению докладчика, неправильным. Он предлагает дать им иное обозначение, именно, «договор о нормировке труда» Arbeitsnormenvertrag. В качестве основного принципа тар. договоров докладчик рекомендует свободу их заключения, что вытекает, по его мнению, из свободы коалиций. Только в тех отраслях промышленности, где в общественных интересах стачки запрещены, должны быть введены обязательные примирительные камеры, которые и должны своим третейским решением (поскольку не состоится добровольного соглашения) устанавливать содержание тарифных договоров. Для остальных отраслей промышленности, тарифные договоры должны создаваться на почве свободного состязания рабочих и работодателей, ибо «осуществление права покоится на борьбе интересов». Но раз заключен тар. договор, он должен получить обязательную силу, не только моральную, но и строго юридическую, и тут законодательство должно дать ясную и бесспорную формулировку, на которой могло бы быть основано право иска к нарушившей его стороне. В особенности должно быть законом твердо установлено, что тариф. договоры не могут быть отменяемы частными сепаратными соглашениями. Круг влияния тариф. договора должен быть ограничен в том отношении, что обязательность его для неорганизованных рабочих должна быть признаваема лишь постольку, поскольку этот договор станет местным обычаем (Ortsgebrauch).

Второй докладчик, приват-доцент берлинского университета Циммерман, также высказываясь за необходимость законодательной нормировки тариф. договоров, полагает, однако, что закон о тариф. договорах должен держаться возможно более скромных и осторожных рамок. Между прочим, он—против установления в законе правила, чтобы предприниматель не имел права нанимать рабочих, не состоящих членами заключившего тариф. договор союза, и, наоборот, чтобы рабочие-члены такого союза не могли работать у предпринимателей, не входящих в состав предпринимательского союза, состоящего контрагентом кол. договора. Эта исключительность сношений союзов между собою (Ausschliess licher Verbandsverkehr) является, по мнению Циммермана, решительным вмешательством в свободу коалиций, она «устанавливает принуждение к вступлению в организацию, которая, отчаявшись в вербующей силе своей программы, пытается загнать в свою среду неорганизованных или членов иной организации, путем лишения их заработка».

*) Эти с'езды собираются периодически, начиная с 1860 г., и имеют своим назначением—подвергать публичной проверке вопрос о том, насколько законодательства Германии, Австрии и Немецкой Швейцарии стоят на высоте современных научных требований.

В противоположность этим двум немецким докладам, стоящим на почве свободы заключения тар. договоров и допускающим законодательную нормировку их лишь в ограниченных пределах, доклад австрийского адвоката Этингера стоит на принципе решительного вмешательства государства в дело заключения этих договоров. Современное производство основано на необычайной конкурренции, вызывающей стремление, как можно интенсивнее повысить продуктивность предприятий. Государство, берущее на себя социальные задачи, должно стремиться уменьшить или смягчить последствия, которые влечет за собою эта эволюция производства, оно должно помочь обеспечению за рабочим возможно более высоких средств существования. Поэтому оно должно широко поддерживать заключение тарифных договоров, должно законодательным путем установить: обязательность соглашений между рабочими и работодателями, недопустимость отмены тарифных договоров путем частных соглашений, автоматическое правовое действие этих договоров, исключительность сношений союзов между собою или, по крайней мере, отдачу при найме рабочих предпочтения организованным рабочим и т. д.

Положения последнего докладчика, однако, не встретили сочувствия с'езда. В принятой с'ездом резолюции было выражено пожелание о законодательной регламентации тариф. договоров на началах полной свободы их заключения и устранения какого-либо публично-правового принуждения, но с регистрацией их в промысловых судах.

Резолюция заключала, кроме того, еще два требования: 1) чтобы членам союзов, заключающих тариф. договор, было предоставлено право, в течении известного срока, заявлять о своем несогласии на принятие договора, и 2) чтобы тариф. договоры приобретали непосредственную силу для всех заключенных в районе их действия договоров найма» *).

Вопрос о законодательной нормировке кол. договоров обсуждался также на с'езде представителей германских промысловых и купеческих судов, происходившем в Кельне 15—17 сентября 1910 г. Докладчик, адвокат Sinzheimer выставил следующий тезис: законодательная регламентация тариф. договоров желательна, при условии, однако, чтобы была сохранена свобода заключения таких договоров. Еще раньше этот вопрос обсуждался на с'езде голландских юристов в 1904 г., также в Итальянском высшем совете труда в 1907 г. и в разных научных учреждениях, между прочим, в центральном Комитете Швейцарского Grutliverein, по поручению которого был выработан председателем кассац. суда, в Цюрихе, Георгом Зульцером и известным ученым Лотмаром, проект закона о коллективном договоре, и также во французской Société d'études legislatives, посвятившей в течение ряда лет много труда и внимания разработке проектов законодательной нормировки коллективного договора и др.

II.

Весьма тщательно был разработан вопрос о колл. договоре, как институте гражд. права, во французском законопроекте о рабочем договоре, внесенном в Палату депутатов 2 июня 1906 г., но не получившем законодательного движения в Палате. В этом законопроекте кол. договору была посвящена II глава, состоявшая из 10 статей. Затем 11 июня 1910 г. правительство Бриана внесло в Палату новый проект закона о коллективных соглашениях относительно условий труда (Projet de la loi relative aux couventions collectives du travail), состоящий из 11 статей,

*) Подробный отчет об этом с'езде см. «Право», 1908 г., № 38.

в которых получают законодательное разрешение некоторые вопросы, вызывающие сомнения и затруднения в практике кол. договоров *).

Наиболее спорный из этих вопросов—вопрос о суб'ектах кол. договора—разрешается в ст. 1 законопроекта, которая гласит:

Представители профессионального союза или всякой другой группы рабочих, могут заключать с работодателем или с представителями проф. союза или всякой другой группы работодателей коллективные соглашения об условиях, которым должны будут соответствовать индивидуальные договоры о труде, совершаемые кем-либо из участников коллективного соглашения.

Участниками (adhérents) коллективного соглашения признаются.

1) Работодатели или рабочие, которые индивидуально и в письменной форме дали лицам, ведущим переговоры, специальное полномочие (mandat special) договариваться от их имени.

2) Каждое лицо, которое в момент заключения соглашения состоит членом профессионального союза или группы, участвующих в соглашении,—если это лицо в течение трех дней от взноса соглашения на хранение (dépôt) предусмотренного ниже в ст. 3 **) не вышло из состава союза или группы, сделав добросовестное заявление о своем выходе и сообщив об этом заявлении секретариату или канцелярии, где совершен взнос на хранение.

3) Каждое лицо, которое после взноса соглашения на хранение, вступает в профессиональный союз, участвующий в соглашении, или присоединяются к соглашению.

Таким образом, согласно ст. 1 законопроекта, суб'ектами кол. договора могут быть не только проф.-рабочие союзы, но и группы рабочих (напр., данного предприятия или отдельной отрасли промышленности), не имеющие правовой формы, т. е. не представляющие собою юридического лица. При этом делается различие в том отношении, что договор, заключенный группой рабочих (не юридическим лицом) трактуется, как договор мандата-доверенности, т. е. суб'ектом его является не группа в целом, а каждый из участников группы, давший полномочие в письменной форме представителям группы, заключившим от его имени договор, и, таким образом, тут имеется множественность суб'ектов кол. соглашения; в отношении же кол. договора, заключенного профессиональным союзом, вопрос о том, кто является суб'ектом договора,—вопрос, как уже было упомянуто, вызывающий разногласие и в литературе, и в судебной практике,—разрешается законопроектом в том смысле, что суб'ектом являются и союз и каждый член союза (ст. 1, 8 и 9), при чем, для заключения союзом договора, не требуется специального полномочия от членов его, ибо предполагается, что самый факт вступления отдельного лица в профессиональный союз содержит уже в себе общее полномочие для заключения союзом кол. договора от имени его членов.

Соответственно этому, разрешается законопроектом спорный вопрос о том, кто является процессуальным суб'ектом по кол. договорам. Согласно ст. 10, «профессиональные союзы, участвующие в кол. согла-

---

*) Текст этого законопроекта и подробный критический обзор его—см. И. С. Войтинский. «Коллективные соглашения об условиях труда, как проблема законодательства».

**) Ст. 3, на которую сделана ссылка, содержит в себе правило о том, что коллективное соглашение должно быть—под угрозой недействительности,—изложено на письме и в течении одного дня оно вносится на хранение в секретариат промыслового суда (conseil de prud' hommes) или в канцелярию мирового суда того места, где соглашение состоялось, и всех тех мест, где оно должно применяться.

шении, могут пред'являть все иски, порождаемые этим соглашением в пользу каждого члена, не будучи при этом обязаны представлять полномочие заинтересованного лица, но при условии, что это лицо было предупреждено и не заявило протеста. Заинтересованное лицо может в любое время вступить в процесс, начатый союзом. Союз может также вступить в любой процесс, начатый одним из членов, с целью получить возмещение вреда, причиненного ему нарушением соглашения,—в виду коллективного интереса, представляемого исходом процесса для всех других членов союза». Кроме союза, право иска, по ст. 9, принадлежит также отдельным членам союза. Вместе с тем, по этой же ст. 9, и союз, и каждый отдельный член являются суб'ектами судебной ответственности за нарушения договорных обязанностей по кол. соглашениям, при чем они несут эту ответственность не только в отношении контрагента кол. договора, но и в отношении своих сочленов и также союза в целом.

Таким образом, правило ст. 9 связывает всех членов союза, признавая как за союзом право пред'являть иски к своему члену, нарушившему кол. договор, так и за каждым отдельным членом право пред'являть иски к своим сочленам за убытки, причиненные ему нарушением кол. договора.

Необходимость установления этого правила вызывается тем, что, как указывает Лотмар, «Коллективный договор, в отличие от других договоров, зиждется не только на взаимной верности сторон, но и на взаимной верности участников каждой стороны. В соблюдении тарифного договора, т. е. в том, чтобы заключались соответствующие тарифу договоры, заинтересована не только *одна сторона* тарифного договора по *отношению к другой*—иначе оне не заключили бы друг с другом тарифного договора,—но также *каждый товарищ* (Parteigenosse) *по отношению к другому*— иначе они не об'единились бы на одинаковых условиях для совместного заключения договора. Товарищи по договаривающейся стороне заинтересованы в исполнении обещания каждым из них, так как неисполнение может ухудшить их собственное положение» *).

Одним из правовых последствий кол. соглашения является, по ст. 8 французского законопроекта, обязанность каждого участника его соблюдать определенные в кол. соглашении условия во всех индивидуальных договорах, заключаемых им для предусмотренного в соглашении рода труда, *хотя бы с лицами, посторонними соглашению*. Правило это не распространяется на тот случай, когда прямо (formellement) установлено, что договорные условия обязательны для участников или только в их отношениях между собою или же в их отношениях между собою и к третьим лицам, но лишь в определенной местности». Таким образом, по правилу ст. 2, предприниматель не может заключить индивидуального рабочего договора на отличных от условий колл. договора условиях с рабочим, не состоящим членом союза—контрагента кол. договора и рабочий-член союза, заключившего кол. договор, не может заключать индивид. договора на худших условиях с работодателем, не состоящим контрагентом кол. договора.

Необходимость этого правила об'ясняется в мотивах к ст. 2 следующим образом: «Рабочим не было бы никакой пользы от обещания работодателей предоставить им некоторые выгоды, если бы результатом такого обещания было только то, что работодатели станут искать в другом месте более покладистых рабочих. С другой стороны, если бы рабочие могли наниматься к другим работодателям на более выгодных для последних условиях, чем условия, вытекающие из кол. соглашения, то работо-

---

1) См. И. С. Войтинский, «Коллект. соглашения, как проблема законодательства».

дателям, связанным кол. соглашением, не было бы обеспечено, что их клиентелла не будет отвлекаема конкуррентами, у которых, благодаря более дешевой силе, меньше издержек производства» *).

Законопроект разрешает этот вопрос в ст. 2 в смысле распространительном, т. е. в смысле обязательства предпринимателей применять тарифные условия ко всем без исключения рабочим и обязательства рабочих не наниматься на условиях, ниже тарифных, ни к каким без исключения работодателям,—за исключением случаев, когда противное прямо оговорено в кол. соглашении.

Весьма важное правило установлено в ст. 6 законопроекта. Как уже было выше подробно об'яснено, вопрос о соотношении между кол. договором и последующими индивидуальными договорами вызывает много затруднений, заключающихся в том, что ни из общих начал гражданского права, ни из действующих норм договорного права нельзя вывести того необходимого, соответствующего цели заключения кол. договора, положения, что индивидуальные договоры покрываются кол. договором, т. е., что противотарифные условия индивидуального договора не могут отменять условия тарифного договора. Согласно общим началам обязательственного права, последующий индивидуальный договор, заключая в себе условия, противоречащие условиям тарифного договора, должен был бы трактоваться, как отказ договаривающихся от прежних условий, как отмена тарифного договора. И таким образом, кол. договор лишается твердой юридической почвы и утрачивает свою социальную цель, направленную именно к тому, чтобы устранить заключение индивидуальных договоров на противоречащих ему условиях. Из этих затруднений невозможно выйти иначе, как путем специального постановления закона *о неотменимости* тариф. договора. Это начало неотменимости кол. договора установлено в ст. 6, которая гласит: «Когда между работодателем и рабочим, связанными кол. соглашением, состоится рабочий договор, то правила, установленные в кол. соглашении, применяются к отношениям, вытекающим из рабочего договора, несмотря на какие бы то ни было противоположные условия».

Следовательно, по ст. 6 законопроекта, признается абсолютная, автоматическая недействительность индивидуальных договоров, отступающих от условий кол. договора. Таким образом, суду достаточно только констатировать в каждом отдельном случае факт такого отступления, чтобы признать договор с самого начала, ipso jure, ничтожным со всеми последствиями его. И так как, согласно ст. 9 и 10, процессуальными суб'ектами являются и союз и каждый отдельный член союза, то иск о признании индивидуального договора ничтожным может быть пред'явлен не только союзом или кем-либо из членов союза, но даже тем членом союза, который участвовал в заключении этого, подлежащего уничтожению, договора.

Относительно возмещения убытков ст. 9 устанавливает общим образом, что профессиональные союзы и отдельные лица, связанные коллективным соглашением, обязаны возместить вред и убытки, причиненные нарушением договорных обязанностей, при чем, как уже указано, возмещения вреда и убытка могут требовать не только контрагенты кол. договора по отношению друг к другу, но также сочлены одного и того же союза, по отношению друг к другу.

Об'ем обязанностей контрагентов кол. договора определяется в ст. 8, в которой эти обязанности формулируются так: «Профсоюзы работодате-

---

*) См. И. С. Войтинский, «Коллект. соглашения, как проблема законодательства».

лей или рабочих, участвующих в кол. соглашении, обязаны воздерживаться от таких действий, которые могут воспрепятствовать добросовестному исполнению этого соглашения. Проф. союзы лишь постольку ручаются за исполнение кол. соглашения, поскольку это определено в соглашении». Из несколько неопределенного содержания этой статьи можно сделать тот вывод, что союз обязывается только за себя, в качестве исполнительного органа коллектива, отвечая только за *свои действия*, нарушающие договор; за действия же своих членов, нарушающие кол. договор, он не *ручается*, т. е. не отвечает, если это прямо не оговорено в кол. соглашении. В первой части обязанности союза выражены в отрицательной форме, во второй части—в положительной. Но практически отрицательные и положительные обязанности часто сливаются и отождествляются: если, напр., союз не принял надлежащих мер воздействия на своих членов, нарушающих договор, или мер против зачинщиков и виновников стачки или локаута, то такая отрицательная обязанность союза является вместе с тем положительною и потому союз должен нести ответственность, хотя первая часть ст. 8 говорит только о воздержании от положительных действий.

III.

В Германии вопрос о законодательной нормировке коллективного (тарифного—по германской терминологии) договора поставлен на ближайшую очередь. Вскоре после переворота последовал указ Совета Народных уполномоченных (Rat der Volksbeanfragten) от 23 декабря 1918 г. о тарифных договорах и о примирительных камерах. В этом указе тарифный договор не получил еще полной и окончательной нормировки, а указаны только общие основные положения, на которых имеет быть выработан будущий закон о тарифных договорах. По определению этого указа, тарифными договорами признаются письменные договоры между профессиональными союзами рабочих и служащих, с одной стороны, и отдельными работодателями или союзами таковых, с другой стороны, которыми устанавливаются условия заключения рабочих договоров. Применение таких договоров остается пока, впредь до выработки специального закона, по прежнему, под действием общих норм гражд. права, за исключением двух положений, которые на основании указа 23 декабря 1918 г. получили обязательную силу.

Во-первых, указ разрешил вопрос, составлявший предмет теоретических споров и затруднений в судебной практике, установив в форме положительного постановления закона принцип *неотменимости* (Unabdingbarkeit) норм, содержащихся в тарифном договоре. Согласно § 1 указа, все рабочие договоры, заключенные между работодателями и рабочими и служащими, поскольку они противоречат условиям тарифного договора, признаются недействительными. Эти недействительные договоры заменяются соответственными условиями тарифного договора. Уклонения от тарифных договоров остаются действительными только в том случае, если такие уклонения допускаются принципиально и предусматриваются самим тарифным договором, или, если они заключают в себе такие изменения, которые служат в пользу рабочих и служащих и тарифным договором определенно не исключены.

Во-вторых, указ устанавливает другой весьма важный принцип, сообщающий тарифному договору публично-правовой характер, именно: принцип *общеобязательности* (Allgemeinverbindlichkeit) тарифного договора. Именно, Министерство труда имеет право об'явить определенный тарифный договор, который получил преобладающее значение в данном округе или в данной отрасли промышленности, общеобязатель-

ным—вне круга лиц, участвующих в означенном договоре. Такому постановлению Министерства труда предшествует опубликование тарифного договора в оффициальной газете (Reichsarbeitsblatt) и при этом принимаются во внимание сделанные против него возражения. Об'явленный общеобязательным тарифный договор получает принудительный характер и распространяется на всех работодателей и рабочих, не состоявших раньше в тарифных договорных отношениях. Признанные общеобязательными тарифные договоры вносятся в тарифный регистр и опубликовываются в оффициальном органе Министерства труда *).

На основе этих положений в настоящее время вырабатывается законопроект для внесения в Рейхстаг. Предварительный проект «о регулировании юридических отношений, возникающих из тарифного договора», был опубликован в «Reichsarbeitsblatt от 15 апреля 1921 г. По этому проекту предполагается точно определить право профессиональных союзов на заключение тарифных договоров. Суб'ектом тарифных договоров могут быть только те союзы рабочих и работодателей, в уставах которых предусмотрено право заключения договоров и которые содержат также соответствующие правила, касающиеся органов для представительства и для вынесения решений. В проекте затрагиваются и многие другие вопросы, которые встречают столь непреодолимые препятствия к своему разрешению в судебной практике на почве действующего законодательства и общих начал гражд. права—о суб'ектах исковых требований и ответственности по нарушениям тарифных договоров, о судебном представительстве, о возмещении убытков и т. д. Между прочим в указе 23 декабря 1918 г. предуказывается неприемлемость неограниченной имущественной ответственности професс. союзов по нарушениям тарифных договоров, в виду того, что это препятствовало бы развитию тарифных договоров. Вместо нее предполагается ввести штрафы, налагаемые тарифным судом, которые должны итти на полное или частичное покрытие ущербов, причиненных нарушением договора, с установлением максимального размера этих штрафов.

В этом же указе от 23 декабря 1918 г. содержатся постановления об учреждении примирительных комитетов, имеющих своею целью не только разрешение споров, возникающих из уже заключенных договоров в области труда, но и посредничество по заключению тарифных договоров. В состав примирительных комитетов входят по два постоянных и по одному временному представителю от работодателей и от рабочих и служащих. Временные члены выбираются из различных профессиональных групп, в зависимости от каждого конкретного случая. Примирительное производство возникает вследствие обращения к местному примирительному комитету со стороны работодателей или рабочих и служащих. В некоторых случаях возникновения споров в области труда, имеющих общий характер, примирительные комитеты имеют право и даже обязаны по своей инициативе вмешаться, для достижения наиболее справедливого примирения между противоречащими друг другу интересами сторон и для поддержания мира в области труда. Если пред примирительным комитетом стороны приходят к соглашению, то это соглашение равноценно соглашению, состоявшемуся независимо от примирительного комитета. Последний должен только позаботиться о том, чтобы условия соглашения были правильно изложены письменно и подписаны. Если стороны не придут к соглашению, то примирительный комитет выносит свое решение, которое содержит в себе точку зрения комитета на способ

*) Из данных, опубликованных в «Reichsarbeitsblatt», видно, что в 1919 г. было об'явлено общеобязательными 638 тарифных договоров, в 1920—1.464 и из них 22 и 61 тарифн. догов. признаны обязательными для всего государства.

разрешения спора и по форме и по содержанию представляет из себя проект договора, который осуществляется или посредством добровольного принятия его сторонами, или посредством об'явления решения обязательным для сторон; об'явление решения обязательным заменяет недостающее заявление сторон о том, что они подчиняются решению, и создает, таким образом, между сторонами договорное отношение. Если затем это решение—договор не выполняется какою-либо стороною, то на основании его, как на основании всякого договора, может быть принесена жалоба в суд, который при рассмотрении этого правового спора, не обязан принимать во внимание основания, которые привели к тому или другому примирительному решению, а может подвергнуть рассмотрению самую закономерность состоявшегося примирительного решения и установления его обязательности.

В настоящее время, как видно из газетных сведений, уже выработан и внесен на обсуждение Рейхстага новый проект закона о примирительном производстве, который содержит в себе значительные изменения, сравнительно с ныне действующим.

Весьма интересный законопроект о тарифном договоре и о примирительных комиссиях был выработан в начале 1921 г. Чехословацким правительством. Законопроект содержит в себе 25 §§, разделенных на три главы, из которых первая (§§ 1—6) посвящена тарифному договору, вторая (§§ 7—10)—примирительным комиссиям, и третья (парагр. 17—25)—стачкам и локаутам.

В § 1 устанавливается понятие договорных сторон в тарифном договоре: на стороне работодателей—отдельные предприятия или организации предпринимателей, на стороне рабочих—только организации работающих, т. е. коллективы. В § 2 говорится о форме тарифного договора. Он должен быть изложен в письменной форме и втечение 8 дней экземпляр с нотариально засвидетельствованными подписями должен быть представлен в Министерство труда, которое ведет у себя тарифный регистр.

Заключенный тарифный договор обязывает всех принадлежащих к организации, включая и тех, которые вступают членами организации в течение срока действия договора, а со дня внесения тарифного договора в регистр,—также всех без исключения работающих у предпринимателя, связанного тарифным договором, независимо от того, принадлежат ли они к организации или нет. Для членов организации предпринимателей договор обязателен даже в том случае, если они после заключения договора вышли из организации, также он обязателен для новых собственников предприятия, которое связано договором. Минимальный срок, на который может быть заключен тарифный договор—3 месяца. Втечение этого времени он не может быть ни изменен, ни прекращен. Втечение срока действия тарифного договора отдельные рабочие договоры, поскольку они заключают в себе худшие условия для труда, признаются ничтожными.

В главе второй излагаются правила о примирительных комиссиях. Согласно § 7, предварительно об'явления забастовки или локаута, спорящие стороны обязаны обратиться в примирительную комиссию, которая обязана склонять стороны к примирению и в случае надобности разрешить спор. Учреждаются следующие примирительные комиссии: 1) для крупной промышленности и торговли, 2) для ремесленного производства и мелкой торговли, 3) для сельскохозяйственной промышленности, 4) для горной промышленности, 5) для остальных профессий и промыслов; для каждой из них образуется Местный Сенат, в состав которого, входят по два представителя от организации работодателей, от

организации служащих и от посторонних лиц (первые избираются организациями, последние назначаются окружным административным управлением) и председатель и его заместитель, назначаемые Министром Юстиции, совместно с министром социального обеспечения, из среды судебных деятелей. Решения выносятся большинством голосов, а в случае разногласия, голос председателя имеет решающее значение. Если стороны не пришли к соглашению, заседание откладывается с предупреждением, что если соглашения не последует, дело будет разрешено в следующем заседании в составе председателя и двух посторонних членов, без участия членов от организаций. Апелляционной и кассационной инстанции не имеется, но в течении 8 дней может быть недовольной стороной заявлен протест против состоявшегося решения.

Весьма интересны правила о производстве дел о стачках и локаутах. Стачка допускается только в том случае, когда вынесено решение примирительной комиссии и втечение установленного срока оно не принято работодателем или рабочими. Тогда рабочие должны избрать стачечный комитет, который является представителем пред работодателями и властями, формулирует требования рабочих, участвует в переговорах о заключении нового тарифного договора или об'являет о назначении забастовки и выбирает организацию для проведения забастовки. До истечения условленного срока или законом установленного срока для предупреждения, во всяком случае ранее трехдневного срока со времени об'явления забастовки, она не может быть начата. Всякие мероприятия предпринимателя втечение этого срока юридически ничтожны. Всякая стачка, начатая без предварительного обращения в примирительную комиссию или без заявления о непризнании ее решения, считается *незаконной*. При об'явлении стачек имеют право голоса только рабочие, достигшие 21-летнего возраста, причем холостые имеют один голос, а семейные—два голоса. Об'явление стачки должно последовать в помещении предприятия, в письменной форме и тайным голосованием. В течение ½ часа предприниматель имеет время оспаривать право голоса участвовавших в собрании. Для об'явления стачки обязательно абсолютное большинство голосов. Еженедельно должно быть повторено собрание при тех же условиях, причем, если последует абсолютное большинство за возобновление работы, стачка должна быть об'явлена законченной. В этом случае требование с чьей - либо стороны о продолжении стачки влечет за собою наложение штрафа до 300 крон или арест до 14 суток. Также предприниматели могут предпринять массовый расчет рабочих (локаут) только при наличии благоприятного для них решения Комиссии, которое рабочими отклонено.

При законной стачке рабочих государство обязуется запретить предприятиям, против которых об'явлена стачка, пользоваться рабочей силой. При незаконном массовом расчете рабочих, предприниматель обязан предоставить расчитанным рабочим безработное вспомоществование в течении 14 дней. Железные дороги и другие подобные предприятия, в которых безпрерывное производство требуется общественными интересами, находятся на особом положении. Тут, в случае спора, стороны обязаны в течении 24 часов обращаться в примирительные комиссии, которые должны в кратчайший срок вынести решение. Срок заявления протеста против состоявшегося решения сокращен до 3 дней. Если таким предприятиям угрожает стачка, государственная власть может предписать принудительное исполнение трудовой повинности под страхом штрафа до 1000 крон или ареста до 14 дней. Производство массового расчета рабочих в этих случаях запрещается и влечет за собою наложение штрафа до 1000 крон. Министр социального обеспечения может в

этих случаях об'явить решение примирительной комиссии обязательным для сторон или может постановить самостоятельно другое решение.

Также в России были выработаны правила, нормирующие коллективный договор, в составе проекта общего нового закона о трудовом договоре, который был составлен специально образованной комиссиею при министерстве труда Врем. Правительства. Правила о коллективном договоре занимают в этом проекте ст. 10—14 и устанавливают следующие общие положения: коллективное соглашение имеет обязательную силу для всех членов заключившего его союза, хотя бы они вступили в союз после того, как состоялось соглашение. Когда трудовой договор, заключенный с нанимателем, связанным коллективным соглашением, содержит условия менее благоприятные для нанявшегося, чем установленные коллективным соглашением,—обязательными для сторон признаются эти последние; условия трудового договора, по требованию нанявшегося, заменяются условиями коллективного соглашения. Если нанявшийся не воспользовался своим правом требовать применения условий коллективного соглашения, союз (надлежащим образом зарегистрированный), членом которого он состоит, может требовать от нанимателя уплаты суммы, равной выгоде, извлеченной им из нарушения обязательного для него коллективного соглашения; если размер извлеченной выгоды не может быть точно установлен, он определяется судом по справедливому усмотрению, основанному на соображении всех обстоятельств дела. Союзы обязаны принимать все зависящие от них меры к тому, чтобы их члены не нарушали условий коллективного соглашения, но они несут имущественную ответственность за нарушение ими коллективного соглашения в той мере, в какой она предусмотрена соглашением. Если в коллективном соглашении определено, что споры и разногласия по поводу толкования и применения этого соглашения должны разрешаться третейским судом или специально созданным для этой цели учреждением, стороны обязаны подчиниться решению третейского суда или указанного учреждения.

Заслуживает внимания, что проект приравнивает к коллективному договору—договор подряда и поставки, заключенный казенными учреждениями или органами общественного управления, и также договор концессионный, в которых определены условия труда в предприятии подрядчика, поставщика или концессионера. И к этим договорам применяются все вышеизложенные правила о коллективных соглашениях, причем в отношении правила о возмещении вреда, причиненного нарушением договора, проект дает два варианта: по одному, право требования принадлежит казенному учреждению, по другому—нанявшемуся или союзу.

В западной литературе такое расширение понятия коллективного договора приравнением к нему договоров, заключаемых не непосредственно между рабочими и работодателями, а посредственно между органами казны или общественного управления и работодателями,—не находит оправдания.

После октябрьской революции в России, в корне изменились экономические и социально-политические условия, которые теснейшим образом определяют как законодательную нормировку института коллективного договора, так и фактическое осуществление гарантий интересов труда, устанавливаемых коллективными договорами.

Поэтому опыты нормирования советским законодательством коллективного договора и претворения идеи коллективного договора в практику русской жизни в условиях 3-х периодов, на которые отчетливо распадается период Советской власти (первый—переходный период, вто-

рой—период военного коммунизма, третий—период новой экономической политики)—требуют специального рассмотрения в отдельной статье *).

Указанными проектами пока исчерпываются законодательные попытки нормировать коллективные договоры. До сих пор эти попытки получили лишь ограниченное осуществление в положительном законе. Первый по времени закон о коллективных договорах,—это голландский закон о договоре труда от 13 июля 1907 г., составляющий новеллу в гражд. уложению. Закон этот, регулирующий рабочий договор вообще, в числе других определений предусматривает также коллективный договор, которому посвящена всего одна статья (вошедшая в гражд. уложение в виде статьи 1637 п.). Закон дает следующее определение коллективному договору: «Под коллективным рабочим договором подразумевается нормировка, установленная соглашением между одним или несколькими работодателями и одним или несколькими—наделенными правами юридического лица—союзами рабочих и касающаяся условий труда, которые должны быть приняты во внимание при заключении индивидуальных рабочих договоров». Далее закон устанавливает начало неотменимости коллективных договоров, именно постановляет, что всякое соглашение, противоречащее обязательному для сторон коллективному рабочему договору, признается недействительным по ходатайству кого-либо из лиц, участвовавших в заключении последнего, кроме самого работодателя.

Между прочим этот закон в числе других норм, регулирующих условия труда в индивидуальном договоре, постановляет, что содержание договора распределяется, кроме соглашения сторон, еще правилами внутреннего распорядка, *тарифными или коллективными соглашениями* и принудительными нормами закона. Из этого постановления можно сделать заключение, что закон признает начало общеобязательности коллективных договоров, только в менее безусловной форме, чем оно выражено в германском законопроекте.

Начало неотменимости коллективного договора признается также Швейцарским обязат. кодексом 1911 г., который в ст. 523 постановляет: «Трудовые договоры, заключенные между лицами, связанными коллективным соглашением, недействительны в части, противоречащей постановлениям последнего. Недействительные условия заменяются соответственными постановлениями коллективного соглашения».

Более полно коллективный договор нормируется в законе, вступившем в силу, в начале 1920 г., в Немецкой Австрии. Согласно этому закону, всякий заключенный тарифный договор должен быть в течении 14 дней представлен в примирительную Камеру для регистрации, после чего он приобретает правовую силу. Особые соглашения, поскольку они прямо не противоречат содержанию тарифного договора, действительны только в том случае, если заключают в себе условия более благоприятные для рабочих или служащих, чем условия тарифного договора, или касаются предметов, которые не содержатся в тарифном договоре. Весьма существенным является постановление закона, по которому примирительная камера управомочена за всяким коллективным договором в целом или в отдельных частях его признавать силу действующего закона, аналогично применяемого и к другим договорам, в отношении тех условий труда, которые прямо и определенно в договоре не выражены, но имеют в существенных чертах одинаковое с условиями коллективного договора значение. Эти распространительные толкования коллективного договора, которые закон называет «Satzungen», имеют такую же обяза-

---

*) Ввиду большой важности указанной автором темы, Редакция предполагает посвятить ей особую статью в одной из ближайших книг журнала. **Ред.**

тельную правовую силу, как сами договоры. Примирительные камеры имеют целью миролюбиво улаживать возникающие конфликты между рабочими и работодателями. Круг дел, подлежащих ведению этих камер, весьма широк, обнимает рабочих и служащих всякого рода предприятий, как частных, так и государственных, за исключением лишь служащих в тех государственных учреждениях, деятельность которых имеет публично-правовой характер и регулируется особыми уставами. Каждая Камера, учреждаемая в отдельных областях государства, состоит из равного числа представителей рабочих и предпринимателей и председателя и его заместителя, назначаемых статссекретарем юстиции, по соглашению с статссекретарем социального управления, преимущественно из судебных дятелей. Камера приступает к разбору дела по просьбе сторон, но также, по усмотрению председателя, возникший конфликт может быть рассматриваем и без заявления сторон,—в особенности при вспыхнувшей крупной стачке или локауте. Если примирения сторон не последовало, камера выносит свое решение. Если втечение 14 дней стороны не заявят, что оне подчиняются решению, последнее признается отклоненным. Решение камеры не имеет обязательной силы, а только примирительное, и в случае его отклонения, дальнейший ход конфликта предоставляется воле сторон.

В других странах законодательная нормировка коллективных соглашений—вопрос ближайшего будущего.

Заключение.

Законодательная регламентация условий труда и, в частности, законодательная нормировка коллективных соглашений, является одной из наиболее характерных особенностей современной социальной политики, резко отличающей ее от политики эпохи либерализма. Либеральная доктрина распространяла и на договоры личного найма общий принцип договорного права, требующий свободного волеиз'явления сторон, который неукоснительно применяется во всех гражданских кодексах, основанных на традициях римского права. Основой для обсуждения гражданских прав и обязанностей рабочих в их отношениях к работодателям служил исключительно договор найма услуг, правовыми источниками которого служили исключительно общие нормы обязательственного права, содержащиеся в гражданских кодексах. Только для некоторых особенных родов наемных услуг имелись дополнительные специальные нормы, как постановления о корабельных рабочих и служащих, о горнорабочих, о железно-дорожных служащих, о сельско-хозяйственных рабочих и т. п.

Все эти законы предоставляли определение условий труда свободному соглашению сторон; установление договорных трудовых отношений подлежало индивидуальной нормировке—индивидуальной в двух отношениях: во-первых, в отношении суб'екта договора, каковым мог явиться только непосредственный носитель труда (отсюда наш старый термин—договор *личного* найма») и, во-вторых, в отношении нормирующего фактора договора, каковым являлось исключительно автономное *волеиз'явление* договаривающихся сторон. В общем трудовой договор конструировался по аналогии договора купли-продажи. Одна сторона доставляет рабочую силу, как товар, другая дает за это эквивалент в виде вознаграждения. Остальные вопросы об условиях труда, вытекающих из особенностей договора найма услуг и тесно связанных с личностью носителя труда, как продолжительность труда, отпуски для отдыха, прекращение договора при болезни и многие другие, отсутствовали в законодательной нормировке или находили себе законодательную санкцию в

очень ограниченном виде. И это было правильно и последовательно, если приравнивать договор найма, как его понимало прежде законодательство, по его договорному содержанию, договору купли-продажи; ибо тут, как и там, об'ектом договора служит товар и цена или работа и рабочая плата. Определение рабочей платы определялось тем же исходным пунктом, как всякое установление рыночной цены; тут все оставалось в том самом виде, как еще в 1775 г. было установлено Адамом Смитом, по учению которого рабочая плата определяется спросом на труд и ценами на средства существования.

С течением времени обнаружилось глубокое противоречие, вытекающее из трактования рабочей силы, как товара, и применения к договору о труде общих начал обязательственного права. В отличие от товара-имущества, рабочая сила, составляющая предмет двухстороннего договора о найме труда, неотделима от *личности* работника—контрагента договора; следовательно, вместе с рабочей силой вовлекается в гражданский оборот также личность суб'екта договора, которая таким образом становится и об'ектом договора.

Очевидно, что общие начала обязательственного права, расчитанные на товарно-имущественный оборот, не могут иметь применения к трудовому договору, без некоторых изменений и отступлений, так как тут мы имеем дело не с имуществом, а с личностью человека, которая стоит вне гражданского оборота и должна быть защищена в своих неот'емлемых правах. Отсюда возникла тенденция новейшей социальной политики, признающая необходимость сочетания в области отношений трудового договора норм публичного и частного права—с целью охраны трудящихся и ограждения прав личности от поглощения их целями предприятия и интересами работодателей. Вместе с тем, под влиянием социальных требований, современное государство считает себя обязанным, в целях установления равновесия между экономически неравносильными сторонами трудового договора,—работодателями и рабочими, принять меры к ограничению договорной свободы путем принудительных норм, заменяющих их или восполняющих диспозитивные нормы.

Осуществление этой политики идет по двум направлениям. Во всем, что касается санитарных условий труда, мер предупреждения несчастных случаев, женского и детского труда, социального страхования и т. п.—государство само, в силу требований и задач его полицейской деятельности, заинтересовано в принятии мер к охране труда. По отношению к этому роду условий, которые касаются охраны здоровья и жизни рабочих, государство не может предоставить разрешение этих вопросов частному соглашению сторон в зависимости от свободной борьбы сил между трудом и капиталом и соответственно той или другой стратегической позиции рабочих в этой борьбе. Тут государство может требовать, чтобы предприниматели гарантировали рабочим не только то, чего могут добиться от них рабочие, путем индивидуальных или коллективных соглашений, но и то, что признается необходимым в общих государственных интересах. Отсюда—так называемое рабочее законодательство, получившее в последние десятилетия столь широкое развитие во всех культурных странах и содержащее в себе разные правила об условиях труда, главным образом, на фабриках и заводах.

Таким образом мы тут имеем исключительно публично - правовой порядок охраны труда.

Иное отношение государства к имущественной стороне в отношениях между трудом и капиталом—к тому, что обнимается понятием *тарифа*, т. е. совокупности условий, касающихся вознаграждения за определенное количество и качество труда. Тут в значительной степени со-

хранился принцип свободного добровольного соглашения, принцип частно—правовой, основанный на спросе и предложении и на индивидуальной нормировке прав и обязанностей. Но и этот принцип потерпел крушение—в виду обнаружившегося полного несоответствия между его правовыми основаниями и современными требованиями защиты экономически слабых при найме труда. Этому принципу был противопоставлен принцип «достаточной для жизни заработной платы», принцип прожиточного минимума, заключающийся в праве рабочего требовать при всех условиях спроса и предложения и при всякой промышленной кон'юнктуре работодателя—того минимума платы, который давал бы ему возможность жить человеческою жизнью. «Мы считаем вопросом жизни и смерти,—говорил вицепрезидент федерации английских углекопов в 1892 г.,—вопрос о гарантировании рабочим средств к жизни. Мы считаем самым важным принципом тот, чтобы каждый человек мог жить своим трудом и—вопреки всем учениям экономистов, вопреки ходячей доктрине спроса и предложения—мы утверждаем, что есть несравненно более великая и важная доктрина—доктрина человеколюбия».

Поэтому и тут замечается стремление к государственному вмешательству, с целью сообщить гражданско-правовой охране труда некоторые черты публично-правового характера, могущие предоставить экономически слабым более действительные цивилистические средства при заключении и осуществлении договорных соглашений в области труда.

Тут возможен двоякий порядок: или порядок, основанный исключительно на публичноправовых началах—в виде принудительных норм рабочего законодательства, обнимающих собою все стороны взимоотношений между трудом и капиталом, в том числе принудительную нормировку тарифных условий с установлением обязательного посредничества и арбитража для установления тарифных условий. Такой порядок, как мы видели, принят в Новой Зеландии и Виктории.Проект подобного порядка был предложен в 1901 г. во Франции министром—социалистом Мильераном; по этому проекту устанавливалось, что выборному третейскому суду, разбору которого работодатели обязаны подвергать свои споры с рабочими, принадлежит право, когда стороны не приходят к соглашению, принудительно нормировать условия труда. Проект потерпел полную неудачу в Палате Депутатов.

Другой порядок—частноправовая нормировка индивидуальных и коллективных соглашений, т. е. определение в законе цивилистической стороны в общих пределах договорных отношений с установлением факультативного посредничества и арбитража; на этой почве стоит действующее право о трудовом рабочем договоре и отчасти выше рассмотренные проекты о коллективном договоре. Но современное право этим не ограничивается, а обнаруживает тенденцию и в этот частно-правовой порядок внести публичноправовые элементы, именно в двух направлениях: во-первых, путем весьма значительных отступлений от общегражданских начал, на которых зиждется договорное право, например, установлением принципа неотменимости коллективных договоров последующими индивидуальными договорами, отступлением от общих положений относительно суб'ектов исковых отношений и многими другими изменениями в порядке судебной защиты, также установлением принудительных, вместо диспозитивных, норм, ограничивающих их договорную свободу; во-вторых, путем установления, так называемых, *нормативных* функций частных соглашений, сущность которых заключается в том, что в отличие от частно-правовых волеиз'явлений (обязательства, договоры), устанавливающих только определенные конкретные правоотношения и только между определенными участниками их, нормативные волеиз'явления опре-

деляют в абстрактной форме известный правопорядок, которому должны подчиняться не только лица, вступившие в данное соглашение по предмету данного соглашения, но и неопределенный круг лиц, принимающих или имеющих принимать участие в данной сфере отношений. Такой нормативный характер сообщается коллективным соглашениям Германским законопроектом, устанавливающим принцип общеобязательности норм коллективных соглашений, т.-е. обязательность их не только для сторон, заключивших соглашение, но и для всех рабочих и работодателей в данном округе или в данной отрасли промышленности или во всей стране, вовсе не вступивших в такое соглашение. Таким образом, частно-правовое волеиз'явление превращается законом, при известных условиях, в публично-правовой акт, имеющий такую же общеобязательную силу, как постановление закона.

Такой же нормативный характер носят часто договоры концессий, в которых публичный коллектив—государство, община, город—предоставляет частному лицу или частному предприятию право функционирования какого-либо учреждения общего пользования, напр., общественного пользования средствами передвижения (железные дороги, трамвай, автобусы) или электрического освещения, телефонного сообщения и т. д. В таких концессионных договорах, кроме норм, регулирующих отношения между коллективом - концедентом и концессионером, содержится обыкновенно ряд общих постановлений, касающихся неопределенного круга лиц, посторонних договору, в нем не участвовавших, которые будут пользоваться данным учреждением общественного пользования или вступят с концессионером в какие-либо юридические отношения, напр., постановления, определяющие размеры тарифа или абонементную плату или устанавливающие условия труда рабочих и служащих концессионера. Юридический характер таких норм договора весьма трудно определить цивилистически, так как по основному правилу договоры имеют обязательную силу только для сторон его и, следовательно, на нормах концессионных договоров третьи лица (публика, абоненты, рабочие и служащие) не могут основывать никаких прав и притязаний. А между тем в действительности эти постановления концессионных договоров имеют обязательную силу и служат источником прав и обязанностей в взаимоотношениях концессионера и посторонних лиц. Тут нельзя усматривать договор в пользу третьих лиц, потому что включение в договор оговорки в пользу третьего лица имеет силу при условии принятия ее третьим лицом, следовательно, она должна иметь определенный и точно обозначенный предмет и создавать для третьего лица, принявшего ее, определенное основание для права требования; в концессионном же договоре это не имеет места. Таким образом, тут нет договора в пользу третьего лица, а имеется лишь установление известного правопорядка, который должен применяться при последующих индивидуальных договорных отношениях.

Поэтому, выше уже цитированный нами, Дюги видит тут не договорное соглашение, а постановление закона. «Это есть,—говорит он,—общее постановление, с общеобязательною силою, составляющею существенный признак закона. Это есть закон, касающийся учреждения общественного пользования, только установленный в форме соглашения. Здесь вовсе не следует применять общей теории договоров. Ее время миновало. Она была создана для того, чтобы регулировать индивидуальные отношения. Между тем, тут пред нами акт, который должен регулировать функционирование учреждения, имеющего общественное значение» *).

*) Les tranformations du droit privé, 1911.

Указанные новые правовые формы в области рабочего и хозяйственного права диктуются требованиями социальной политики и носят в себе плодотворные зачатки, способные к дальнейшему развитию для преобразования социального правопорядка. В частности, замечаемая ныне во всех странах тенденция к законодательной нормировке коллективных соглашений знаменует собою стремление—стихийную классовую борьбу между трудом и капиталом подчинить организованному действию правовых форм и превратить коллективные соглашения из чисто социального явления, направляемого случайным соотношением борющихся сил и имеющего своею санкциею стачки и локауты, в правовой институт, санкционируемый государственной властью и обеспечивающий социальный мир...

Я. КАНТОРОВИЧ.

Дарение по Гражданскому Кодексу Р.С.Ф.С.Р.*)

Дарение—одна из немногих частно-правовых сделок, обративших на себя внимание законодателя еще в эпоху, так наз. военного коммунизма. Подход к дарению был резко-отрицательным.—Декретом ВЦИК'а от 20—7 мая 1918 г. «О дарениях» были установлены весьма существенные ограничения дарений в зависимости от их суммы. Однако, этим самым в остальных случаях, не подходящих под запретительные нормы этого декрета, дарение признавалось вполне действительной юридической сделкой.

Проект Гражданского Кодекса, изданный в 1922 г. (осенью), ничего не говорит о дарении в обязательственном праве, и только в вещном праве, говоря о способах перенесения права собственности, ст. 64 Проекта (см. ниже), касалась косвенно и дарения.

Наконец ст. 138 Гр. Кодекса уже определенно говорит о договоре дарения, хотя и не дает его детального регулирования. Дарению уделено здесь весьма незначительное место в общей части договорного права, целый ряд сторон этого института не освещен. В связи с этим, судебной практике необходимо будет теми или иными способами восполнить пробелы наших гражданских законов в этой области.

В настоящем кратком исследовании я имею целью дать очерк дарения по действующему праву, поставленный в связь с историческим обзором предшествующего советского законодательства по данному вопросу.

Положительная регулировка дарений, очевидно, не входила в намерения законодателя, а отсюда—крайняя неполнота обрисовки этого института в нашем Гр. Кодексе. В сущности говоря, единственная статья о дарении (138), имеющаяся в Кодексе, говорит о дарении только ради установления определенной предельной суммы его и предписания нотариальной формы для определенных случаев дозволенного дарения.

Статья 138 Гр. Кодекса гласит:

«Договор о безвозмездной уступке имущества (дарение) на сумму более десяти тысяч рублей золотом недействителен. Дарение на сумму более одной тысячи рублей золотом должно быть, под страхом недействительности, облечено в нотариальную форму», т. е. эта статья устанавливает запрещение дарения на сумму более десяти тысячи рублей золотом, причем для дарений на сумму более одной тысячи рублей золотом предписывает нотариальную форму. Однако, вне зависимости от того или

---

*) Давая место настоящей статье, Редакция считает необходимым оговориться, что некоторые положения автора она считает крайне спорными.

иного подхода, законодатель вынужден был дать в этой статье и положительную обрисовку понятия дарения, определяя его как договор *о безвозмездной уступке имущества.*

Рассматривая это определение в целях конструирования понятия дарения по Гражданскому Кодексу, необходимо остановиться на отдельных его элементах, в целях выяснения их содержания. Таким образом, нам придется подвергнуть рассмотрению: 1) договорный характер дарения, признаваемый Кодексом; 2) безвозмездный характер договора дарения; 3) понятие имущества; 4) понятие уступки.

1) Прежде всего Кодекс, в полном согласии с большинством своих предшественников, и притом expressis verbis, признает дарение *договором,* т. е., выражаясь термином Кодекса (ст. 26),—взаимной юридической сделкой, и притом не односторонней, как завещание, а двусторонней.

Положительные законодательства и теория высказывают различные точки зрения по вопросу о месте дарения в системе. Некоторые из них рассматривают дарение, как способ приобретения и перенесения права собственности, и помещают его, сообразно этому, в вещном праве. См., например, Прусское Общеземское Право (1, 11, § 1058), Code Civil (articles 711, 893 etc) *). Таков же был подход к вопросу наших старых гражданских законов—I ч. X т. Св. Зак., в коих статьи о дарении находятся в книге 3-й: «О порядке приобретения и укрепления прав на имущество в особенности» (глава 2 первого раздела—«о дарении»—статьи 967—993). Та же точка зрения проводится и в Проекте Гр. Кодекса Р. С. Ф. С. Р., ст. 64 коего (в главе «Право собственности», среди статей, регулирующих переход права собственности), гласит:

«Безвозмездная передача права собственности (дарение) на имущество, ценность коего превышает 10.000 рублей золотом, недействительна». Однако, статья 64 лишь с внешней стороны разрешает вопрос о месте дарения в системе гражданского права, так как отнесение дарения к способам приобретеия права собственности, в сущности говоря, не определяет места дарения в системе: отдельные способы приобретения права собственности: завладение, находка, давностное владение, вещный договор и др.—относятся к самым различным группам юридических фактов.

Не больше дают для определения места дарения в системе и те учения, которые (Barm, проф. Мейер) отводят дарению место в общей части гражданского права, так как они ставят этим вопрос в совершенно иную плоскость; вместо вопроса о дарении, они обращаются к изучению более широкого понятия безвозмездности правоотношений и юридических сделок.

Несомненно, большим шагом вперед в деле классификации дарения является позиция тех законодательств и представителей науки, которые трактуют о дарении в обязательственном праве, среди отдельных договоров, как, например, Германское Гражданское Уложение в §§ 516—534, Швейцарский Code (revisé) des obligations 30 марта 1911 г. articles 239 et suiv., и другие.

В гражданском Кодексе дарение помещено в общей части договорного права, однако, в такой формулировке, которая позволяет говорить о дарении, как об особом договоре.

Однако, отнесение дарения к договорам ценно лишь, как признание их сделочного характера (rechtsgeschäftlichen Character), в крайнем случае оно может быть принято ad legem latam для большинства

*) Впрочем, Code Civil (art 1105 и др.) признают дарение договором.

современных законодательств, но оно ни в коем случае не может считаться нормальной, совершенной конструкцией, соответствующей природе рассматриваемого института.

По самому существу своему дарение представляется проявлением активности одного лица—дарителя, воля которого призывает к жизни данную сделку и, без всякого участия одаряемого, приводит ее к завершению. В виду этого, по моему мнению, следует в данном случае отказаться от фикции договора и заменить чрезвычайно искусственную договорную конструкцию дарения естественной и простой конструкцией дарения, как односторонней юридической сделки, именно, как односторонне управомочивающего волеиз'явления. Здесь должно быть признано одностороннее управомочение, т. е. обоснование правоотношения волеиз'явлением пассивного суб'екта—дарителя, который актом своей односторонней воли управомочивает одаряемое им лицо, ставя его, таким образом, в положение активного суб'екта правоотношения.

Такая конструкция была возможна, в частности, применительно к нашему дореволюционному гражданскому праву, которое ни одним словом не обмолвилось о договорном характере дарения. Несмотря на это, почти единогласное мнение русских цивилистов относило дарение к обязательствам из договоров, стараясь найти в законе хотя бы косвенные указания в этом направлении и основываясь, главным образом, на ст. ст. 973 и 974, I ч., X т., которые, однако, отнюдь не доказывают договорного характера дарения. Факт неотвержения или принятия дара одаряемым не может считаться обязывающим моментом, так как он не in obligatione, а in conditione, совершенно так же, как при публичном обещании награды (Auslobung), исполнение кем-либо того действия, за которое обещана награда, является лишь осуществлением условия.

Среди русских цивилистов, работавших по вопросу, приближается к высказанному мною взгляду, поскольку мне известно, лишь Н. Н. Товстолес («Дарение по действующему праву в связи с проектом Гражд. Улож.», Ж. М. Ю. 1906 г., кн. 8, стр. 18—20), который полагает, что в особой природе дарения, отличающей его от договора, убеждает еще «то обстоятельство, что дарственная запись у нас имеет форму одностороннего акта, подобно духовному завещанию». Указанный автор (стр. 18, 19 цит. статьи) обращает внимание также на то, что тот же вопрос о принятии и отречении, который приводит к признанию договорного характера дарения, фигурирует и применительно к завещанию, и тем не менее—никто не признает его договором, а не односторонней сделкой. Следует, впрочем, отметить, что Н. Н. Товстолес, исходя из отрицания договорного характера дарения, приходит к неправильному, на наш взгляд, выводу о необязательном характере дарения.

Вышеуказанные соображения представляют значительный интерес и для действующего права (Гр. Код., ст. 138). Как было уже сказано, Кодекс считает дарение договором, однако, неясно, в чем проявится этот договорный характер в том письменном акте, в который должно быть влито содержание этого договора при нотариальном совершении. Сколько ни будет законодатель называть и считать дарение договором,—его односторонняя природа выявит себя, несмотря ни на что. Дарение, как прижизненный дарственный акт, и завещание, как дарственный акт mortis causa, носят одинаково односторонний характер *).

*) Интересно отметить, что B. G. B (§ 518), рассматривая обещание подарить, как формальный договор, для принятия обещания формы не требует (см Crom. System Bd. 2 § 230, Cosak, Lehrbuch des deutschen bürg. Rechts, I Bd, 2-e Abt., § 139, III). Таким образом, требование формы установлено исключительно для самого обещания, т.-е. одностороннего волеиз'явления.

2. Как мы видим, дарение есть сделка о *безвозмездной* уступке имущества, договор безвозмездный. Безвозмездность является, несомненно, наиболее существенным элементом понятия дарения. Если мы отнимем у данной сделки ее безвозмездность,—она уже ни в коем случае не будет дарением и потому представляется особенно важной правильная расшифровка этого сложного понятия, возбуждающая бесконечные споры в науке права.

Возмездными мы называем такие сделки, в которых обязанности одной стороны соответствует обязанность другой стороны совершить встречное действие (в широком смысле), причем каждая из сторон принимает на себя обязанность совершить определенное действие или совершает это действие *) в пользу противной стороны (ей непосредственно, или указанному ею 3-му лицу), потому и ради того, чтобы обязать или побудить **) к совершению встречного действия противную сторону. Назовем такое взаимоотношение встречных обязанностей—действий в возмездном правоотношении—отношением эквивалентности (равноценности, равнозначности, соответствия), а каждую встречную обязанность—действие—эквивалентом. Последний мы можем, следовательно, определить, как обязанность совершать встречное действие (в широком смысле, следовательно, и предоставление), ради которой принята на себя обязанность (или совершено действие) другой стороной ***).

При этом эквивалентные обязанности сторон должны быть взаимно обусловленными (точнее, поставлены в причинную зависимость или условную друг от друга), т. е. должны находиться в таком взаимоотношении, когда каждая из них принимается на себя одной стороной, потому и ради того, чтобы создать обязанность противной стороны к совершению встречного действия.

Следовательно, возмездными мы назовем такие правоотношения, в которых обязанности обеих сторон совершить определенные действия—представления в пользу друг друга являются эквивалентами.

Наоборот, безвозмездными мы назовем такие правоотношения, в которых обязанности одного контрагента вовсе не соответствует обязанность другого или же соответствует такая обязанность другого контрагента, которая сама по себе не может быть признана эквивалентною, т. е., обусловливающей обязанность первого (Art . 239 Швейцарского обязательственного права считает существенным для безвозмездности отсутствие contreprestation correspondante).

В последнем случае мы будем иметь donatio cum modo, а в некоторых случаях,—когда modus является недоразвившимся эквивалентом (см. ниже),—negotium mixtum cum donatione.

Соответственно сказанному, сделку (в частности договор) мы назовем безвозмездной, когда и поскольку она обосновывает безвозмездное правоотношение.

Проф. А. А. Симолин, в своей докторской диссертации «Влияние момента безвозмездности в гражданском праве», Казань, 1916 г., на стр. 47 и след., следующим образом ограничивает и определяет возмездные и безвозмездные правоотношения: «...Для признания юридического отношения возмездным, необходимо, чтобы оно состояло из взаимных обязан-

---

*) В реальном договоре.

**) Например, при публичном обещании награды, которое мы, несомненно, должны признать возмездною сделкой, и правоотношение, вытекающее из него,—возмездным правоотношением.

***) При попытке дать юридическую конструкцию эквивалента, автор настоящей статьи исходит из бытового понимания безвозмездности, согласно которому дается «даром» тогда, когда дается просто для того, чтобы дать, а не в целях получить что-нибудь взамен, определенную компенсацию.

ностей обоих суб'ектов исполнить друг в пользу друга (или вместо них в пользу определенных 3-х лиц) известные действия, или из обязанности только одного суб'екта, но находящиеся в условной или каузальной зависимости от действия другого контрагента. Наоборот, безвозмездным будет такое юридическое отношение, которое состоит из обязанности только одного суб'екта, не находящейся ни в условной, ни в каузальной зависимости от действий другого контрагента, или, хотя из обязанностей обеих сторон, но если обязанность одной стороны является по своему содержанию лишь определяющей или ограничивающей обязанности противной стороны. Изложенные выше положения в целом ряде пунктов сближаются с приведенным мнением проф. Симолина.

Следует отметить, что безвозмездность не предполагается, а должна быть специально оговорена в законе (относительно определенного вида сделок) или в договоре: общим правилом современных законодательств, в частности и нашего Гражданского Кодекса, является возмездность. В Кодексе специально оговорена безвозмездность, как общее правило, для займа (212) и поручения (251 ст.).

Исследуя вопрос о возмездности или безвозмездности данной сделки, необходимо учитывать не только качественную, но и количественную сторону. Когда мы говорим о возмездности или безвозмездности данной сделки, перед нами должен вставать вопрос не только о том, возмездна она или безвозмездна,—но также и о том, поскольку данная сделка является возмездной или безвозмездной.

Как я уже упомянул выше, безвозмездность может быть умалена modus'ом и частично устранена присоединением к дарению элемента возмездности. Перейдем теперь к анализу указанного действия modus'а Необходимо отметить, что примеры modus'ов, которые приводит проф. Симолин (op. cit', стр. 40 и сл.), заимствуя их у Haymann'а, не носят однородного характера и могут быть разбиты на несколько групп.

Прежде всего следует выделить и противопоставить modus'ам, не устраняющим безвозмездного характера сделки, modus'ы, представляющие собою недоразвившийся эквивалент *). Влияние последних на безвозмездный характер сделки может быть определено, как частичное устранение безвозмездности, с заменой ее, в известных пределах, возмездностью. Подобные случаи, приводимые в качестве примеров modus'а, не являются таковыми по существу, будучи мнимыми modus'ами.

Что же касается modus'ов, не устраняющих безвозмездного характера сделки, то среди них мы можем произвести разделение на умаляющие и не умаляющие безвозмездный характер сделки. Последние не влияют на безвозмездность ни с качественной, ни с количественной стороны, так как выполнение modu'sa не требует имущественных затрат со стороны одаренного даже из полученного в дар **).

Наоборот, возможны такие modus'ы, которые, не устраняя безвозмездного характера сделки, тем не менее умаляют размер дарственного представления. В последнем случае следует иметь в виду стоимость выполнения modus'а для одаренного. От первого случая они отличаются тем, что в них нет никакого плюса для дарителя, и, следовательно, нет эквивалента даже в зачаточных, недоразвившихся формах ***).

---

*) Случаи, когда стоимость дара умаляется в пользу дарителя или определенного третьего лица. Особенно интересный пример: «Дарится капитал, с тем, чтобы половина процентов с него пожизненно выплачивалась дарителю». Это есть ни что иное, как пожизненный вклад, но за половинный процент.

**) Например, дарится верховая лошадь с тем, чтобы ее не употребляли в упряжи, дарится фамильная драгоценность с тем, чтобы она не отчуждалась постороннему лицу.

***) Например, содержание гробницы.

Эта количественная сторона вопроса о возмездности и безвозмездности имеет особенно важное значение применительно к нашим гражданским законам, в связи с их отрицательным отношением к договору дарения. Здесь для нас важно выяснить не только то, является ли данный договор дарением в смысле ст. 138 Гражданского Кодекса, но также—поскольку имеющаяся налицо уступка имущества должна быть признана безвозмездной, и, следовательно, насколько велик в данной сделке дарственный элемент. Выяснение последнего вопроса необходимо в связи с установленным в ст. 138 ограничением дарения определенной предельной суммой и предписанием нотариальной формы, в зависимости от суммы дарения.

Подводя итоги сказанному о безвозмездности, как элементе понятия дарения, следует притти к выводу, что безвозмездною мы должны считать уступку имущества тогда и поскольку, когда и поскольку данная уступка предпринята без расчета обязать противную сторону к представлению соответствующего эквивалента.

3. Итак, дарение является по Кодексу безвозмездным договором. Обратимся к дальнейшему рассмотрению элементов понятия дарения.

Что же именно понимает ст. 138 под имуществом, договор о безвозмездной уступке которого называется дарением?—Для определения понятия «имущества» обратимся к статье 87 Кодекса, которая гласит:

«Предметом залога может быть всякое имущество, не изъятое из оборота, в том числе долговые требования и право застройки».

Таким образом, понятие имущества по Кодексу обнимает не только вещи (т. е. право собственности на них), но и права (другие, кроме права собственности), и, следовательно, у нас возможна также дарственная уступка определенного права или же освобождение от лежащего на одаряемом долга (прощение долга).

Такое понимание термина «имущество» подтверждается также сопоставлением ст. 138 Кодекса и ст. 64 Проекта.—Последняя определяет дарение, как «безвозмездную передачу права собственности на имущество» и, следовательно, разумеет только дарение вещей (dando). То, что в Кодексе соответствующая статья говорит уже не о праве собственности, а об имуществе вообще, и говорит не о передаче, а об уступке,—все это говорит уже за желание авторов Кодекса расширить об'ем понятия дарения.

Таки образом, под имуществом понимаются в Кодексе не только вещи, т. е. право собственности на них, но и права, т. е. наделение одаряемого также и другими правами, кроме права собственности *).

4. Перейдем теперь к последнему элементу разбираемого понятия—«уступке». Термин «уступка» **) (римск. cessio герм. cession, фр. cession) означает переход прав от одного лица к другому, но именно прав наличных или выделяемых из наличных, так как уступить можно только то, что уже сам имеешь.

Такое понимание «уступки» подтверждается также сопоставлением со ст. 124 Кодекса, которая говорит о цессии требований.

---

*) Dernburg, Pandekten, Obl. r. § 106 Anm. 4.— перечисляет следующие способы дарственного предоставления: 1) передача вещей в собственность; 2) предоставление владения; 3) установление вещного права пользования; 4) уступка обязательствен. требования; 5) отказ от какого-нибудь права (все эти случаи представляют собой непосредственную передачу или установление права—абсолютного или относительного—или отказ от права требования или какого-нибудь абсолютного права) и 6) дарственное обещание (которое может касаться всех вышеуказанных способов).

**) Другие законодательства употребляют термин Zuvendung—предоставление.

Таким образом, к дарению мы должны отнести только, так наз. Verfügungsgechäfte, т. е. сделки о распоряжении существующим у распоряжающегося (в данном случае у дарителя) правом. К подобным распоряжениям следует отнести также установление вещного права на свою вещь, так как здесь мы будем иметь распоряжение своим правом собственности путем выделения из него некоторого Tochterrecht. На основании изложенного мы не будем считать дарением ссуду или беспроцентный заем.

Теперь необходимо разрешить вопрос о применении этой статьи к некоторым особым видам дарственных актов.

Прежде всего обратимся к вопросу о применимости норм о дарении к договорам в пользу 3-го лица. В последних может быть налицо элемент безвозмездности, а, именно, они могут рассматриваться, как дарения, если предоставление 3-му лицу носит безвозмездный характер. При этом встает вопрос, кого считать в подобном случае дарителем: обоих, договаривающихся в пользу 3-го лица, или же только того из них, который выговорил исполнение в пользу 3-го лица. Условимся называть его А, его контрагента В, а 3-е лицо С. Очевидно, дарителем будет А, если он не получает эквивалента от С, в то время, как В за свое действие или предоставление получает эквивалент от А. Их обоих вместе можно было бы считать дарителями только в том случае, если они находятся между собою в отношениях договора товарищества, во всех других случаях дарителем будет только А, для В сделка будет носить возмездный характер *).

Таким образом, дарственный элемент может быть присущ тем правоотношениям, которые возникают из договора в пользу 3-го лица, но самый договора будет возмездным, так как, наряду с порождаемыми им безвозмездными отношениями А и С, он непосредственно и в первую очередь порождает возмездное отношение между А и В. Так будет в подавляющем большинстве случаев; однако, возможно себе представить безвозмездный договор в пользу 3-го лица, когда договор, соединяющий А и В—дарение, причем В—даритель, А—одаряемый, а С—выгодоприобретатель **).

Несомненно, однако, что последняя комбинация чрезвычайно редко встречается в жизни. Поскольку же правоотношения между А и В носят возмездный характер, к договору в пользу 3-го лица неприменимы предписания 138-й ст. Кодекса.

К тому же, из самого договора между А и В в громадном большинстве случаев не будет видно, по каким именно соображениям А выговаривает В исполнение в пользу С: на поверхности здесь всегда будет возмездный договор А и В. Следует обратить внимание также на то, что по ст. 140 Кодекса «по договору, заключенному в пользу 3-го лица, исполнения обязательства могут потребовать, если иное не установлено договором, как сторона, возложившая обязательство на должника, так и 3-е лицо, в пользу коего договор заключен, и т. д.».

---

*) См. проф. А. А. Симолин (указ. книга, стр. 5), который полагает, что в вопросе о договорах в пользу 3-го лица следует отличать правоотношения между договаривающимися в пользу 3-го лица и правоотношение, в котором участвует 3-е лицо. В отношении этого последнего «сделка может быть и безвозмездной со стороны того контрагента, который обязал другого уплатить 3-му лицу,—здесь все зависит от тех отношений, которые существуют между первым контрагентом и 3-м лицом».

) Пример: перевод на себя чужого долга в целях дарения: **В по просьбе **А** (или без нее) переводит на себя долг **А** по отношению **С**. В этом случае—даритель, **А**—одаряемый, **С**—выгодоприобретатель.

Следовательно, при заключении договора А и В может еще и не быть известно, осуществится ли, непосредственно на основании вытекающих из него правоотношений, дарственный акт (если таковым является предоставление) в пользу третьего лица.

Возмездное правоотношение здесь стоит на первом месте, а потому порождающий его договор в пользу 3-го лица, даже в тех случаях, когда он наряду с возмездным порождает и безвозмездное правоотношение, а, следовательно, содержит дарственный элемент—под действие ст. 138 не подойдет.

Наша точка зрения находит себе подтверждение на частном случае договоров в пользу 3-го лица, а, именно, на договоре (личного, а также и имущественного) страхования. Последний может быть и в громадном большинстве случаев бывает (особенно личное страхование) договором в пользу 3-го лица (ст. 375) и к тому же—в отношении выгодоприобретателя он обычно носит дарственный характер.—Тем не менее Кодекс не устанавливает для него ни ограничения определенной предельной суммой, ни требования нотариальной формы (ст. 379—письменная форма). В отношении размеров дарственного предоставления (в отношении личного страхования) определенно сказано, что «страховая сумма устанавливается по соглашению при заключении договора» (ст. 369, 2-й абзац), причем в данном случае личное страхование и страхование от несчастных случаев противопоставляются имущественному страхованию, в коем страховая сумма не может превышать тех прямых убытков, которые страхователь и выгодоприобретатель могут понести при наступлении страхового случая».

Интересно отметить, что примеч. 2-е к ст. 5-й, декрета о дарениях гласит: «Страхование на случай смерти допускается, и после вступления в силу настоящего декрета, в народных сберегательных кассах без ограничения сумм в пределах, допускаемых их уставом и т. д.».

Таким образом, особый характер подобного типа дарственных предоставлений был соответственным образом отмечен и учтен авторами декрета 20—7 мая 1918 г.

Обратимся теперь к другому типу дарственных актов, к дарениям на случай смерти. Они отличаются от обыкновенных дарений только тем, что действие договора отодвигается в них до момента смерти дарителя, в остальном они с теоретико-конструктивной стороны являются такими же дарениями, как и дарения прижизненные. По своим целям они являются суррогатами завещания и относятся к сделкам о наследовании. Исходя из последнего, другие законодательства к дарениям на случай смерти применяют нормы о завещании и вообще нормы наследственного права B. G. B. § 2301, Шв. обязательств. право, art. 245 (12871).

Гражданский Кодекс не выделяет их в особую категорию, а потому к ним следует применять общие правила о дарениях 138 ст. Этот вывод подтверждается сопоставлениями Кодекса с декретом о дарениях. В последнем ст. 5-я и примечание 1-е к ней содержат категорическое запрещение дарений на случай смерти вне зависимости от суммы, за исключением предметов домашнего обихода и предметов, не имеющих рыночной ценности (фотографических карточек, частной переписки и т. д.). Учитывая, что такого запрещения Кодекс не воспроизводит *),—мы можем заключить, что наш законодатель отступил от своей прежней точки зрения относительно этого вида дарений и решил подчинить их общим

*) В наследственном праве Кодекс не содержит такого постановления, которое устраняло бы возможность других видов (или суррогатов) наследственного преемства.

нормам о дарениях. Об'яснить умолчание Кодекса о дарениях на случай смерти недосмотром его авторов, конечно, не приходится, принимая во внимание важность вопроса.

Таким образом, Кодекс допускает дарения на случай смерти в пределах десяти тысяч рублей золотом, с обязательным соблюдением нотариальной формы для дарений более тысячи рублей золотом. В этой форме возможно, следовательно, достичь практически тех же результатов, что и завещанием, с тем, однако, преимуществом, что здесь нет ограничений в отношении круга лиц, в пользу которых может быть совершен дарственный акт.

Перейдем теперь к вопросу о последовательных дарениях.

Если, с целью обойти запрещение закона, одно дарение разбито на несколько, в сумме превышающих норму,—все такие дарения по ст. 30-й Кодекса будут недействительными *). При всех подобных случаях складываются дарения от одного определенного лица к другому определенному лицу и притом совершенные одновременно или непосредственно одно за другим. Если же мы будем иметь последовательные дарения разным лицам или хотя бы одному лицу, но на более или менее значительном временном расстоянии—такие дарения будут вполне действительны, поскольку каждое из них в отдельности удовлетворяет требованиям 138 ст. В этом случае мы не будем иметь оснований говорить о притворной сделке и тем более о сделке, совершенной в обход закона, здесь на первом месте должен стоять суб'ективный момент—намерения сторон.

На другой точке зрения стоял декрет о дарениях, ст. 4-я которого гласила: «Дарения и безвозмездные предоставления имущества, совершенные одним и тем же лицом после вступления в силу настоящего декрета, не должны превышать в общей совокупности суммы в 10.000 рублей. Если совокупная стоимость предметов дарения достигает указанной суммы, то всякое дальнейшее дарение признается недействительным **).

30-й ст. Кодекса в общем соответствует, применительно к дарению, ст. 8-я декрета о дарениях, которая устанавливает недействительность всяких сделок, направленных в обход постановлений настоящего декрета, причем здесь, кроме угрозы недействительностью, установлена угроза уголовной карой, как за «растрату государственного имущества». Во всех этих постановлениях декрета 20—7 мая 1918 г. (ст. 4, 8 и др.) ярко сказалось стремление рассматривать имущество всякого частного лица, как государственное, а его самого, как должностное лицо, управителя этого имущества, выполняющего определенную социальную функцию.

На этом закончим рассмотрение понятия дарения по Гр. Кодексу и его применимости к некоторым особенным видам дарственных актов и перейдем к вопросу об условиях, значении и пределах недействительности дарений.

Выше было уже указано на то обстоятельство, что Кодекс интересуется дарением исключительно с отрицательной стороны, ради установления предельной суммы и предписания нотариальной формы совершения для дарений на определенную сумму. Обратимся теперь к детальному изучению условий, последствий и пределов указанной недействительности дарений.

Недействительность устанавливается: 1) для дарений на сумму более десяти тысяч рублей золотом и 2) для дарений на сумму более одной тысячи золотом, не облеченных в нотариальную форму, однако, как мы увидим ниже, с различными последствиями.

---

*) См. также ст. 35.

**) Последний абзац является, несомненно, весьма ценным в теоретическом смысле, как мы увидим ниже.

Возникает вопрос, как быть, если совершено дарение на сумму более десяти тысяч рублей золотом.—Действительно ли такое дарение в пределах десяти тысяч, или же оно недействительно в целом?

Если мы разрешим вопрос во втором смысле, т. е. признаем все дарение недействительным, то наступят следующия последствия: если это было дарственное обещание—оно потеряет связующую силу; если же сумма (или вещь) была передана одаряемому, то, на основании статей 30, 147 и 402, он обязан неосновательно полученное внести в доход государства *), причем, согласно ст. 400-й, «неосновательно обогатившийся обязан возвратить или возместить все доходы, которые он извлек или должен был извлечь из неосновательно полученного имущества с того времени, когда он узнал или должен был узнать о неосновательном обогащении». Такой момент может наступить и значительно позже совершения дарения или получения вещи, если одаренный добросовестно заблуждался относительно стоимости имущества, полученного им в дар. «С того же времени он отвечает за произведенное или допущенное ухудшение имущества. До этого времени он отвечает лишь за умысел и грубую небрежность. С своей стороны он вправе требовать возмещения произведенных им необходимых затрат на имущество с того времени, с которого он обязан возвратить доходы».

Таким образом, одаренный свыше предельной суммы обязан выдать не наличное только обогащение, но все полученное с плодами и доходами.

Однако, изложенное решение вопроса не может быть признано правильным. Помимо общих соображений о нелогичности инвалидирования всего дарения, из-за одного того, что сумма его на один рубль превосходит предельную норму, приведем еще ряд доводов в пользу противоположного решения.

Ст. 37-я гласит: «Недействительные части сделки не затрагивают прочих ее частей, поскольку можно предположить, что сделка была бы совершена и без включения недействительной ее части, «причем, очевидно, можно рассматривать дарение излишней суммы, как часть сделки, и соответственно этому признать ее действительность в пределах дозволенной суммы.

Ст. 402-я устанавливает обязанность внесения в доход государства лишь того, что неосновательно получено, в дарении же 12.000 руб. или вещи, стоющей эту сумму **), мы можем считать 10.000 рублей полученными *на основании договора дарения,* действительного на сумму до 10.000 рублей, и только 2.000 рублей полученными *неосновательно.*

Наконец, мы имеем здесь аналогию с наследственным правом, где на основании 417 статьи, «производится раздел или ликвидация наследственного имущества в части, превышающей предельную стоимость «наследства» в пользу заинтересованных органов государства», причем это правило относится, согласно 416 статье, к обоим видам наследования, признаваемым в нашем Кодексе—по закону и по завещанию. По анало-

---

*) Ст. 147 гласит: «В случае недействительности договора, как противозаконного или направленного к явному ущербу для государства (ст. 30) ни одна из сторон не вправе требовать от другой возврата исполненного по договору.

Неосновательное обогащение взыскивается в доход государства (ст. 402)», а ст. 402 перефразирует ту же мысль следующим образом: «Обогатившийся за счет другого лица, вследствие противозаконного или направленного в ущерб государству действия этого лица, обязан внести неосновательно полученное в доход государства».

**) Возможным будет фактически почти исключительно последнее, так как дарение суммы денег, превышающей норму, не должно быть пропущено нотариусом на основании ст. 7-й Положения о Государственном Нотариате от 4 окт. 1922 г.

гии, лицами, между которыми придется делить подаренное имущество, будут государство и одаренный (как в случае наследования—наследник), т. е., те же самые лица в обоих случаях. Аналогично должен быть разрешен вопрос о пределах действительности дарения в отношении суммы.

Таким образом, если подарено имущество, стоимостью выше 10.000 рублей золотом, то дарение будет действительно в пределах десятитысячной стоимости. Все, что сверх этой предельной суммы, должно быть передано государству на основании статей 30, 147, 400 и 402. Если подарена вещь, стоящая выше 10.000 руб. золотом, должна быть произведена ликвидация излишка стоимости между государством и одаренным, применительно к правилам 417 статьи.

Совершенно другие последствия и другой характер имеет недействительность дарения, являющаяся результатом несоблюдения нотариальной формы в отношении дарений на сумму свыше одной тысячи рублей золотом (ст. 138, часть 2). Отличия этого случая недействительности от только что разобранного проявляются в следующем.

Здесь не приходится говорить о частичной действительности, так как договор, совершенный с несоблюдением требований формы, считается вовсе не заключенным (ст. 130-я и примечание 1-е к ней), совершенно так же, как при отсутствии согласия по всем существенным пунктам (см. ст. 135 и др.).

Вторая особенность—согласно статьи 151, все полученное одаряемым по такому недействительному договору подлежит возвращению дарителю (а не государству). Так как в этом случае договор не состоялся, то полученное в результате его является неосновательно полученным, а потому, согласно ст. 399, должно быть возвращено с соблюдением выше приведенных правил ст. 400. При этом даритель не обязан воспользоваться своим правом обратного истребования исполненного по договору дарения, признанному недействительным вследствие несоблюдения формы, а потому практически это означает, что подаренное может остаться в руках одаренного.

В связи с изложенным, разберем вопрос о возможности применения, по аналогии к дарению, кроме положений ст. 417 о частичной действительности в пределах десяти тысяч рублей (в случае превышения этой суммы) и о разделе между государством и одаренным (в случае дарения вещи стоимостью свыше предельной суммы), также положений ст. 416-й и примечания к ней.

А именно:

1) Возможно ли, по аналогии с вычетом долгов умершего из общей стоимости наследственного имущества (ст. 416), производить вычет стоимости modus'a и прочих элементов, умаляющих стоимость подаренного имущества для одаренного, вне зависимости от того, будет ли это частный или недоразвившийся эквивалент или нет,—из общей суммы или стоимости дарения?

Учитывая сказанное выше о сущности безвозмездности и о значении количественного момента, является возможным ответить на поставленный вопрос утвердительно.

2) Возможно ли распространение на дарение правил о наследовании (по закону и по завещанию) прав, вытекающих из заключаемых органами государства с частными лицами договоров (арендных, концессионных, застроечных и др.), которые переходят в порядке наследования по закону и по завещанию, в пределах сроков, указанных в этих договорах, без ограничения предельной стоимостью?

При разрешении поставленного вопроса, необходимо обратиться к основанию той нормы, которую мы хотим применить по аналогии. В отно-

шении этого последнего (т. е. основания) примечание к статье 416-й теснейшим образом связано с общим основанием восстановления наследования, а, именно, стремлением, в целях развития и сохранения производительных сил страны, содействовать поддержанию известной преемственности и непрерывности в ведении хозяйств. Несомненно, государство особенно заинтересовано в том, чтобы таких перерывов не было в тех хозяйствах, с которыми оно особенно связано, именно, в хозяйствах его контрагентов (особенно долгосрочных). Однако, эти основания неприменимы к прижизненным дарственным актам, так как тут перерыв в ведении хозяйства наступает не с естественной необходимостью, а создается искусственно, ad hoc.

В виду изложенных соображений, здесь не может быть и речи о применении по аналогии нормы, заключающейся в названном примечании, к дарению.

Вот в каких общих очертаниях и деталях вырисовывается перед нами недействительность дарений—условия, характер и пределы ее применения.

В связи с представленным анализом ограничений дарений по действующему праву, полезно сделать маленький экскурс в область римского и пандектного права, которое также знало ограничения дарений, касающиеся отчасти формы их совершения, отчасти их материального содержания.

Для дарений свыше 500 solidi Юстиниан требовал их судебного засвидетельствования, частью, чтобы дать дарителю время еще обдумать предположенное дарение, частью, чтобы обеспечить судебное доказательство на случай возникновения споров. При проведении в жизнь означенных постановлений практика выработала ряд правил их применения, а именно:

1) из даримой суммы должны быть вычтены, по оценке, обязательства, возложенные на одаренного (R. G. E. Bd. 18, 5—180);

2) несколько дарений в пользу одного и того же лица, совершенные в разное время, считаются отдельно (l 34, § 3 c 8, 53), при этом не принимается в соображение, произошло это разделение «in fraudem legis» или нет;

3) дарение, не засвидетельствованное в суде, было недействительно, поскольку оно превышало 500 дукатов, и сохраняло силу лишь в пределах этой суммы (l 34, § 1 c 8, 53). Поэтому, незасвидетельствованное дарение вещи большей стоимости влекло за собой установление общей собственности дарителя и одаренного; собственник большей части мог потребовать продажи ему остальной части.

Интересно констатировать сходство, а подчас и тождество, многих только что изложенных постановлений римского права с теми положениями, которые установлены нами для действующего права. И это, несмотря на отсутствие тождества оснований и причин введения ограничений для дарений.

В римском праве эти основания сводились к охране интересов индивидуальных, именно интересов дарителя.

В русском праве основания означенных ограничений следующие: 1) желание воспрепятствовать чрезмерному накоплению имуществ нетрудового происхождения в руках отдельных лиц, и 2) тесно связанное с этим стремление к сосредоточению возможно большего количества имуществ в руках государства. Они могут быть сведены к одному основанию—к охране интересов общественных.

Покончив с понятиями дарения и теми ограничениями, применение и неприменение которых к отдельным жизненным случаям это понятие

призвано определять—необходимо в заключение остановиться, хотя бы вкратце, на состоянии вопроса о положительной регламентации договора дарения в действующем праве.

Уже отмечено, что Кодекс не дает такой специальной регламентации правоотношений, вытекающих из договора дарения, хотя бы в виде некоторых общих указаний. В виду этого приходится довольствоваться отчасти положениями, заимствованными из общей части Кодекса и общей части обязательственного, в частности договорного права, а отчасти—из норм, непосредственно относящихся к другим видам обязательств, но могущих быть распространенными на правоотношения из договора дарения или примененными к этим последним по аналогии. При этом относительно постановлений общего характера необходимо признать, что они в виде общего правила должны иметь применение и к договору дарения; относительно же применения к дарению постановлений, относящихся к другим договорам, этого сказать нельзя, ввиду резкого различия между хозяйственно-бытовым и юридическими укладом каждого из этих договоров с одной стороны и договора дарения—с другой, а потому, именно, здесь—каждого, кому придется столкнуться с этими вопросами на практике, ожидают наибольшие трудности.

Конкретное разрешение отдельных вопросов о правах и обязанностях контрагентов в договоре дарения наталкивается на два чрезвычайно существенных затруднения: с одной стороны, наш Кодекс не знает особых норм для безвозмездных отношений, кроме разобранной выше 138-й статьи и статей о наследовании; с другой стороны применение к дарению, договору безвозмездному, норм, установленных в Кодексе для договоров и правоотношений возмездных, будет часто вопиющей несправедливостью. В этом, несомненно, источник нескончаемых затруднений для судьи!

К сожалению, в рамках настоящей статьи, невозможно остановиться на деталях разбираемого вопроса, так как они требуют специальной разработки и углубленного анализа.

Б. ЧЕРЕПАХИН.

Эволюция русского кооперативного права.

I. В России кооперативные организации появились первоначально в виде артелей. Эта самобытная форма русской кооперации является исконным учреждением нашего экономического уклада. В силу этого, артели прежде всех других кооперативов получили в России законодательную нормировку их возникновения и существования. Так, Положение о лоцманских товариществах, вошедшее потом в Устав Торг. (Св. Зак., т. XI, ч. 2), появилось у нас еще в конце XVIII века. Устав о цехах, изданный еще в 1799 году и включенный потом, с некоторыми дополнениями, в Уст. Торг., содержит в себе первые законодательные постановления собственно об артелях. В 1836 г. изданы были узаконения об артелях бурлаков, в 1858 г.—об артелях на сибирских золотых промыслах, в 1885 г.—об артелях для нагрузки и выгрузки, в 1886 г.—в договоре о найме на сельские работы разрешено пользоваться артелью, в 1892 г.—узаконение о рабочих артелях на частных горных заводах и проч.

Что же касается рецепированных форм русской кооперации, именно товариществ кредитных, производительных, потребительных и т. п., то создание их является делом уже пореформенной истории России, особенно ее новейшей эпохи. Первыми упрочились в русской жизни коопе-

ративы кредитного типа. Возникши еще в 1866 г. (Рождественноское) и в 1869 г. (Феллинское), они первоначально вылились у нас в форму ссудосберегательных товариществ. Положением 1-го июня 1895 г. об учреждениях мелкого кредита у нас введен был новый тип кредитных кооперативов, без паевых взносов, а именно кредитное товарищество. С конца 70-х годов в России стали открываться деревенские сельскохозяйственные общества—сначала в Прибалтийском крае, среди латышей и немцев, а затем и в русской деревне. К концу 90-х годов относится возникновение у нас сельско-хозяйственных товариществ, в частности—маслодельных. Потребительская кооперация, хотя, подобно кредитной, возникла давно, и еще в 70-х годах у нас организовались потребительские общества кое-где в сельских местностях, но сколько-нибудь заметные успехи были сделаны ею только в начале 1900-х годов.

Представляя собою, таким образом, явление новейшей формации, русские кооперативы при своем возникновении не встретили готовых правовых форм для своего учреждения и существования. Правда, юридически ничто не мешало им организовываться по типу полных командитных и акционерных товариществ. Но фактически наше кооперативное движение не могло использовать этих форм. Товарищества полное и на вере, по своей структуре, расчитаны на небольшой, но зато прочный состав их участников. Сравнительно же с акционерным товариществом кооперативы, являясь, по преимуществу, соединением лиц, а не капиталов, не располагают столь значительными складочными капиталами, чтобы ответственность их членов могла, подобно ответственности акционеров, ограничиваться одними вкладами. Поэтому, акционерною формою у нас воспользовалось всего несколько кооперативных организаций, например, московский и варшавский банки. А, на основании правил о полном товариществе, у нас образовались только кооперативы с небольшим количеством участников и с ограниченным об'емом деятельности, как, например, трудовые артели и производительные сельско-хозяйственные товарищества (маслодельные, молочные, льнообрабатывающие, картофелетерочные и т. под.).

Правительство же, с своей стороны, опасаясь свободного развития кооперации, позаботилось с самого начала взять ее под свою опеку и до конца противилось изданию общекооперативного закона, отвечающего особенностям кооперативной формы товарищеских соединений.

В первую эпоху существования кооперативов административная опека шла так далеко, что тот или другой кооператив мог возникнуть не иначе, как с особого в каждом отдельном случае утверждения устава товарищества тем или иным министерством. Уставы потребительных обществ утверждались с 1865 г. министром внутренних дел. Разрешение учреждения сельско-хозяйственных обществ предоставлено было в 1866 г. министру государственных имуществ, по соглашению с министром внутренних дел. Разрешение уставов ссудо-сберегательных товариществ зависело, с 1869 г., от министра финансов, по соглашению с тем же министром внутренних дел. Самостоятельно министр финансов мог, с 1885 г., утверждать уставы кустарных и ремесленных артелей, а также артели грузчиков. Так же обстояло дело и с другими видами кооперативов.

Впоследствии внесение отдельных уставов на утверждение самих министров было признано обременительным как для них самих, так и для кооперативов, и разрешительный порядок был ослаблен в том смысле, что для возникновения кооперативов стали довольствоваться разрешением, данным со стороны местной власти в лице губернатора. Но это допускалось лишь при условии полного согласия принятого товариществом устава с нормальным уставом, изданным центральным ведомством.

В противном случае дело по разрешению товарищества восходило на усмотрение той же центральной власти. Отсюда второй период в правовом положении кооперативных товариществ характеризуется появлением целого ряда нормальных уставов. В 1896 г. появились образцовые уставы ссудосберегательных и кредитных товариществ, в 1897 г. утвержден был нормальный устав потребительских обществ, в 1898 г.—нормальный устав местных сельско-хозяйственных обществ. Нормальный устав сельско-хозяйственных товариществ издан был в 1897 г., но утверждение их уставов, на основании этого нормального устава, было оставлено за министром земледелия и государственных имуществ.

В дальнейшем была сделана попытка устранить указанное многообразие юридических основ существования разного рода кооперативов и внести нечто общее в условия их быта. При издании проекта гражданского уложения в 1899 году, Редакционная Комиссия сочла необходимым включить в него, в составе обязательственного права, особые положения «о товариществе с переменным составом» (кн. V, разд. II, гл. XVIII, отд. 6), под какой тип товарищества должны были, по мысли его авторов, подойти все кооперативы, кроме кредитных товариществ и артелей, которые нормировались особо. Но проект не получил силы закона, и законодательство пошло путем издания отдельных положений, отчасти заимствованных из того же проекта, и нормальных уставов. В 1902 году 1 июня был издан закон о трудовых артелях, в сферу действия которого отнесены были не только товарищества, целью которых является исполнение всякого рода работ личным трудом, но и производительные товарищества. Так как закон этот предполагал наличие нормального устава, при согласии с которым артели могли быть разрешены властью губернатора, то 30-го сентября 1904 г. выработан был для них нормальный устав. В 1901 г. Комитет министров издал Положение об утверждении союзов учреждений мелкого кредита. Особенно важным фактом в истории развития кооперативного права было издание, на смену положения 1-го июня 1895 г., Положения 7-го июня 1904 г. об учреждениях мелкого кредита, пополненного затем образцовыми уставами ссудосберегательных и кредитных товариществ, утвержденными министром финансов 14-го сентября и 24-го ноября 1905 г.

Наконец, 1908 г. (18-го ноября) ознаменовался изданием устава мелких сельско-хозяйственных товариществ, утвержденного главноуправляющим землеустройства и земледелия. В 1911 г. 5 мая последовало издание нового нормального устава для местных сельско-хозяйственных обществ.

II. Таким образом, единого кооперативного закона, который определял бы общие всем кооперативам правовые основы их жизни и деятельности, у нас в течение всей дореволюционной эпохи не было, и юридическое положение кооперативов представляло собою весьма неудовлетворительную картину.

Прежде всего кооперация много страдала от пестроты и многообразия юридических основ ее существования.

Наиболее посчастливилось в правовом отношении трудовым артелям и производительным товариществам, юридическое положение которых было урегулировано законом 1 июня 1902 года (Св. Зак. т. X, ч. I, ст. 2198*(1)*—2198*(27)*, ср. кн. X, ч. I, ст. 79—81). Закон этот допустил разрешение учреждения артелей при числе членов не менее 5 человек, определенно признал за ними права юридического лица (ст. 2198*(12)*, 2198*(18)*, допустил в состав их лиц даже в возрасте от 17 до 21 года (2198*(9)*, лишив их только права участия в управлении делами товарищества (2198*(10)*, разрешил не только денежные, но и вещные взносы

(2198*(16)*, допустил наемный труд (2198*(6)*, предусмотрел возможность замены общего собрания членов артели собранием уполномоченных (2198*(13)*, дозволил отсутствующим членам передавать голоса присутствующим (2198*(14)*, ввел неограниченную ответственность членов по делам артели, установил круговую поруку их при ответственности их за долги артели (2198*(19)*—2198*(20)*, наложил на членов артели определенные взыскания за их неправомерное и даже «предосудительное» проведение (2198 *(24)*. Все эти правила должны были внести известную ясность и определенность в положение артелей и с этой точки зрения обозначали некоторый прогресс. Значительным фактором для развития артелей являлось только сохранение для открытия их разрешительного порядка. Устав артели, с ответом на целый ряд вопросов (2198*(6)*, должен был представляться губернатору (2198 *(4)*, который, при встретившемся препятствии к утверждению устава, препровождая его, в течение 1 месяца, министру торговли и промышленности (2198 *(5)*. Вместе с тем закон допускал (2198*(2)* образование артелей и на основании постановлений о договорах. Однако появление этого закона не создало еще желательного единства в юридических основах существования артелей, и, после издания его, сохранили свое значение вышеупомянутые законодательные постановления об артелях, разбросанные чуть не во всех томах свода законов, именно: в т. I, ч. 2—об артелях посыльных; т. V—об артелях рабочих и проч.; т. VI—об артелях грузчиков, т. VII—об артелях горнозаводских рабочих; т. X, ч. I—об артелях для подрядных работ, т. XII, ч. I—о лоцманских артелях и артелях железнодорожных рабочих и т. д.

В благоприятное положение поставлены были и товарищества мелкого кредита. Образцовыми уставами 1896 г. кредитных и ссудосберегательных товариществ, изданными в развитие и дополнение Положения 1 июня 1895 г. об учреждениях мелкого кредита, введены были для них посреднические и залоговые операции, а также расширены пределы применения долгосрочных ссуд. По Положению 7 июня 1904 г. об учреждениях мелкого кредита, изданному взамен Положения 1 июня 1895 г. и дополненному затем мнением Государственного Совета 30 мая 1905 г., кредитные кооперативы разрешались, на основании образцовых уставов издания 1905 года, губернскими комитетами (ст. 23), а в случае отступления от них — центральным управлением (ст. 25); за ними твердо признаны были права юридического лица (ст. 3), точно определены источники для ссуд в основные капиталы (ст. 27—29), расширен был круг их задач введением посредничества по закупкам и сбыту, предусмотрена была—правда, в разрешительном порядке—возможность организации их в союзы (ст. 5), установлена систематическая правительственная ревизия кооперативов (ст. 6, 30, 48, 49). Конечно, этот закон, равно как и изданные в 1905 г. в развитие его образцовые уставы кредитных и ссудосберегательных товариществ, не свободны были от многих недочетов. Но он имел и свои крупные достоинства, которые весьма содействовали развитию у нас кредитной кооперации. Так, положительной стороной закона является облегчение порядка утверждения уставов, предоставление земским учреждениям права открытия кредитных кооперативов, на основании образцовых уставов, явочным порядком (ст. 24), предоставление им права, на основании таких же уставов, открывать—также явочным порядком—свои кассы мелкого кредита (ст. 52) и т. д.

В менее счастливом положении находились остальные категории кооперативных товариществ.

Относительно сельско-хозяйственных обществ и товариществ имелись некоторые постановления в законе (Св. Зак. т. XII, ч. 2, уст. сел.-хоз. ст. 40—47), но эти немногочисленные постановления регулировали

только порядок разрешения этих обществ, предоставив разрешение их губернатору,—на основании нормальных уставов 1911 г. для сельскохозяйственных обществ и нормального устава 1908 г. для мелких сельско-хозяйственных товариществ. Что же касается крупно-районных сельско-хозяйственных товариществ, то, хотя для них был издан нормальный устав 1897 г., но и по издании его разрешение их находилось во власти Главноуправляющего землеустройством и земледелием, а отступления их от нормального устава и предоставление им дополнительных операций могли быть произведены не иначе, как по соглашению с министром финансов. Точно также, хотя отделом сельской экономии при главном управлении земледелия и землеустройства выработан был целый ряд примерных уставов для товариществ по закупке, обработке и сбыту, но все эти специальные товарищества, несмотря на примерные уставы, разрешались властью Главноуправляющего землеустройством и земледелием. Товарищества для совместного пользования землею образовались и действовали на основании особых законов (Св. Зак. т. XI, ч. 2, уст. кред. разд. VII, прилож. к ст. 45, изд. 1903 г. и Высоч. Ук. 27 авг. 1916 г.). Некоторые мелкоработные сельско-хозяйственные общества, в особенности, так называемые «земледельческие кружки», предпочитали образовываться на основании временных правил 4 амарта 1906 г. об обществах и союзах, через губернское по делам об обществах присутствие, хотя эти правила не имеют ничего общего с кооперацией. Потребительские общества до 1897 г. рассматривались, как благотворительные учреждения, и разрешение их уставов, в силу 443 статьи об общественном призрении (Св. Зак., т. XIII) зависело от министра внутренних дел. С изданием в 1897 г. нормального устава, составленного не без влияния устава, выработанного самими же кооператорами на Нижегородском С'езде в 1896 г., положение их значительно улучшилось; в частности, разрешение их уставов, при согласии их с нормальным, было передано губернаторам. Но устав этот довольно скоро устарел и отстал от запросов кооперативного дела, почему правительством был выработан в 1911 г. для потребительских обществ проект нового нормального устава, который однако не был утвержден. В июле 1905 г. советом министров допущен был в отношении их явочный порядок учреждения.

Наконец, многие из кооперативных товариществ не только не были предусмотрены законом, но даже не имели нормальных уставов. Таковы: ремесленные и кустарные товарищества (сырьевые, складочные, подсобные и т. д.), производительные товарищества, не подходящие под понятие артелей вследствие неприменения в них личного труда членов (например, мельничные, картофелетерочные и т. д.), а также домостроительные товарищества. Последние первоначально возникали с утверждения совета министров; с изданием закона 4 марта 1906 г. им разрешено было образовываться по этому закону. Но вследствие неприспособленности его к их задачам, некоторые из них вынуждены были обращаться даже к нормальному уставу потребительских обществ. Остальные же могли возникать, очевидно, только в порядке составления договоров товариществ полного, на вере и на паях.

Кроме рассмотренной хаотичности правового положения кооперативных товариществ, глубоко отрицательное значение в развитии кооперативного дела должны были иметь практиковавшиеся, за самыми незначительными исключениями, концессионный порядок возникновения кооперативов, недопущение, по общему правилу, об'единения кооперативных товариществ в союзы, а также самое подчинение их деятельности постановлениям нормальных уставов.

Концессионный порядок, проводившийся с полной последовательностью, ставил в полную зависимость от административного усмотрения все основные моменты в жизни кооперативных товариществ—возникновение, условия существования и, наконец, прекращение кооперативных товариществ. Во власти губернатора было разрешить открытие товарищества или отказать в этом,, даже без об'яснения причин, утвердить представленный устав целиком или же внести в него ряд изменений, несогласных даже с нормальным уставом, терпеть дальнейшее существование кооперативов или же по своему обезвредить его. Недаром одни из кооперативов подчинены были контролю земских начальников (ссудосберегательные товарищества с 1889 г.—ср. ст 51 Положения 7 июня 1904 г.), а другие отдавались под надзор полиции (артели на основании указа 22 марта 1885 г.). А с какой потерей времени и сил, с какими хлопотами и расходами соединено было испрошение разрешения, об этом распространяться не приходится. Бывали случаи, когда разрешения приходилось ждать годами. Этому отчасти содействовало и то, что отдельные виды кооперативов находились, как указано выше, в ведении самых разнообразных министерств, и, даже в пределах одного министерства, многие из них подчинялись ведению разных департаментов. От разрешительного порядка учреждения кооперативов было сделано отступление только в 1904 году, когда, как упомянуто было выше, допущен был явочный порядок для учреждаемых земствами кредитных и ссудосберегательных товариществ. Затем, в июле 1915 года, советом министров, по представлению министра торговли и промышленности, разрешен был особый явочный порядок учреждения потребительских обществ. Но в том и другом случае явочный порядок допущен был лишь при соблюдении одного очень существенного условия—принятия утверждаемыми об'единениями обязательного устава.

Образование же кооперативных союзов обставлено было, конечно, еще большими административными препятствиями. Право образования союзов предоставлено было, как отмечалось выше, Положением 7-го июня 1904 г. ст. 5, учреждениям мелкого кредита с разрешения совета министров, по представлениям министра финансов. При этом, высочайше утвержденным 7-го июня 1904 г. мнением государственного совета об устройстве мелкого кредита (пункт VI) было предоставлено министру финансов, по соглашению с министрами внутренних дел, военным и юстиции, выработать и представить на законодательное утверждение правила о союзах учреждений мелкого кредита, но правила эти в законодательные учреждения представлены не были, и образование кредитных союзов, по разрешениям правительства, на основании принятого министерством финансов примерного устава, совершалось крайне медленно, далеко отставая от потребности в образовании союзов, выявленной в многочисленных ходатайствах о том. Все же остальные виды кооперации, за исключением кредитной, совсем лишены были возможности образовывать союзы, за отсутствием соответствующих норм.

Нормальные уставы неудобны были в том отношении, что они заранее определяли во всех подробностях все устройство и всю деятельность товарищества, не взирая на громадное различие экономических, культурных и местных условий, в которых приходилось жить и действовать отдельным кооперативам обширной России, с ее многочисленным и разнообразным населением. Тем не менее учредители, чтобы поскорее добиться разрешения устава, без доведения дела до центральной власти, вынуждены бывали, скрепя сердце, согласовать свой устав с нормальным. Закаменелость такого устава однако очень скоро давала чувствовать себя, и он превращался в клочок бумаги, с которым очень мало счита-

лись, подрывая, таким образом, и без того слабо развитое в России чувство права и законности.

III. Благодаря совокупности этих недостатков нашего дореволюционного кооперативного права, превративших его в оковы для кооперативного движения, лозунгом последнего в начале XX века сделалось свободное творчество форм его деятельности, на основе ясных и определенных велений закона.

Мысль о необходимости общего кооперативного закона была высказана и закреплена в особой резолюции еще в 1870 г., на втором с'езде сельских хозяев в Москве. Снова воскресла она на первом с'езде кооперативов, происходившем в Нижнем-Новгороде в 1896 г. Некоторую реализацию она получила в проекте гражданского уложения 1899 г. Когда затем в 1902 г., в связи с учреждением особого совещания о нуждах сельско-хозяйственной промышленности, у нас собирались местные комитеты, большинство их тоже признало настоятельную необходимость издания такого закона. Откликом на их пожелание явилось издание в 1906 г. министерством торговли и промышленности—труда И. М. Кулишера под названием «Обзор русского и иностранного кооперативного законодательства». На состоявшемся, после сдвига 1905 г., всероссийском кооперативном с'езде 1908 г., на второй же день по открытии его работ, организована была особая комиссия законодательных предположений, которая и выработала—правда, вследствие преждевременного закрытия с'езда, уже в Петрограде и в новом составе—особый законопроект о кооперативных товариществах. Всероссийский с'езд по сельско-хозяйственной и кредитной кооперации 1912 г. в Петрограде, с некоторыми изменениями, принял этот проект. Новому пересмотру он был подвергнут на II общекооперативном всероссийском с'езде 1913 г. в Киеве. Окончательное же обсуждение и редактирование его было выполнено особой комиссией при московском комитете о сельских ссудосберегательных товариществах и, петроградском отделении в 1914 и 1915 г.

Осенью 1915 г. последовало, в порядке думской инициативы, за подписью 75 членов, внесение проекта в Государственную думу, где он и был принят 24 марта 1916 г., лишь с самыми незначительными поправками. Будучи перенесен затем в Государственный Совет, он был там подвергнут комиссиями экономической и законодательных предположений столь существенным изменениям, что среди кооператоров стали раздаваться голоса о ненужности и даже вреде издания закона о кооперативах в редакции Государственного Совета. В то же время отдельные министерства стали спешно вырабатывать свои законопроекты касательно кооперативов, построенные, в общем, на прежних, осужденных кооперативным сознанием, началах. 14 октября 1913 г. министерство юстиции внесло в Государственную думу проект гражданского уложения, содержавший в себе и проект постановлений о кооперативных товариществах, почти не отличавшийся от первой его редакции 1899 года. Министерством торговли и промышленности, с своей стороны, летом 1915 г., было выработано специальное положение о потребительских обществах, предполагавшее ввести особое управление по делам потребительских обществ, по аналогии с управлением по делам мелкого кредита, а в следующем 1916 г. приступлено было к перестройке на тех же началах законодательства о производительной кооперации, именно об артелях.

Совершенно другой оборот получило дело после февральской революции: временное правительство, считаясь с огромным значением кооперации в деле укрепления провозглашенных им начал права и свободы, а также организации расстроенной хозяйственной жизни страны,

меньше чем через месяц после перехода власти в его руки, а именно 20 марта 1917 года, постановило утвердить проект общего кооперативного закона в редакции Государственной думы под именем «Положения 20 марта 1917 г. о кооперативных товариществах и их союзах». Кооперативный закон 20 марта предусматривал издание правил о регистрации. Таковые правила, при деятельном участии кооператоров, были утверждены 21 июня того же года, в дополнение к уставу Гражд. Судопр., кн. IV, разд. 12, ст. 1460*(62)*—1460*(85)*, под именем постановления «о регистрации товариществ, обществ и союзов», в том числе и кооперативных. Последним звеном в процессе обновления нашего кооперативного права при временном правительстве явилось издание—опять не без участия самих же кооператоров—«Постановления о с'ездах представителей кооперативных учреждений» 1 августа 1917 г.

Важнейший из этих памятников кооперативного творчества, Положение 20 марта, содержит в себе 68 статей, размещенных в двух разделах: разд. I—о кооперативных товариществах (ст. 1—51), разд. II—о союзах кооперативных товариществ (ст. 52—68).

Положение, как нормирующее, по мысли его составителей, совершенно своеобразные организации, не было внесено в состав законов гражданских, а издано было в виде самостоятельного акта.

Что касается области действия закона, то она очерчивалась весьма широко. В противоположность прежней практике, подчинявшей разные виды кооперативов разным нормам, закон 20 марта, вместе с законами 21 июня и 1 августа, стал единственным правовым источником, обязательным для всех кооперативов. Любопытно, однако, заметить, что эта точка зрения восторжествовала в законе не без энергичной борьбы против нее. Комиссии Государственного Совета предполагали из'ять из сферы действия этого закона целый ряд кооперативных товариществ, как-то: кредитные и ссудосберегательные товарищества, страховые товарищества, образуемые для совместного приобретения и пользования землею, а также трудовые и биржевые артели. За из'ятие из сферы действия закона кредитной кооперации высказалось не мало голосов и в литературе.

Сроком введения закона в действие определено было 1-е мая 1917 г.

IV. Чтобы уяснить себе внутреннюю сущность закона, так сказать, особый дух его, небесполезно сравнить его с его первоосновой.

Исходным пунктом и важнейшим источником, откуда рассматриваемый закон черпал свое содержание, послужил проект гражданского уложения в отделе, посвященном «товариществу с переменным составом», а через него немецкий закон 1889 г., под сильнейшим влиянием которого находились в свою очередь составители проекта правил о товариществах с переменным составом.

Но разница между обоими этими произведениями огромная. Наиболее значительные уклонения закона 20 марта от проекта гражданского уложения, продиктованные желанием его составителей поставить его постановления в большее соответствие с реальными потребностями кооперации, состоят в следующем. Закон 20 марта, называя кооперативные товарищества их собственным именем (а не «товариществом с переменным составом»), обнял в своем действии все виды кооперации, тогда как по проекту гражданского уложения предполагалось создать специальные правила для артелей и кредитных товариществ, зато общества взаимного кредита подчинялись общим правилам (ст. 943). В нем дозволяется кооперативам содействовать, наряду с материальным (ст. 943 пр. гр. ул.), и духовному благосостоянию своих членов. Полуявочный порядок учреждения кооперативов (ст. 945, 947) заменен явочным. Образование дого-

ворных товариществ может совершаться без соблюдения письменной формы (981). Число учредителей с 10 (ст. 946) понижено до 7. В состав членов их допущены несовершеннолетние. Отменен минимум и вообще обязательность (950, 951) складочного капитала, а также передача (960) паев. Паи освобождены от взыскания кредиторов (961). В отношении правления отвергнуты постановления, ограничивавшие его переизбрание (844), об'ем полномочий (847), порядок деятельности (849), представительство (851, 852), ответственность членов перед верителями (855, 856), а также требования о ведении ими дел «по примеру благоустроенного торгового дома» (857). Введена обязательность (964, 967) избрания ревизионной комиссии. В отношении общего собрания, отвергнуты ограничительные постановления, регулировавшие вторичные собрания (887), голосование (888), составление протоколов (890), кворум (969), передачу голоса (969), оспаривание постановлений общих собраний (970) и т. под. Не допущено прекращение кооперативов по постановлению суда, тем более, по решению административной власти (976). Упрощен порядок ликвидации (976) и т. д. и т. д.

Из этого сопоставления видно, что новый закон построен на началах, являющихся полным отрицанием прежнего порядка. Отдельные ручьи кооперативного движения, благодаря единству закона, слились в одно общее русло. На место административного усмотрения поставлены твердые и определенные нормы закона. Возникновение и деятельность кооперативов из акта милости администрации, особой привиллегии, превратились, благодаря явочному порядку и запрещению закрывать кооперативы по решению начальства, в их право на возникновение и существование. В отношении самых условий существования и деятельности кооперативов, им предоставлен большой простор. Закон ставит целый ряд вопросов касательно личного состава, имущественных средств товарищества, его организации, ответственности перед третьими лицами, условий деятельности его, и т. под., на каковые вопросы непременно должен был быть дан ответ в уставе товарищества (ст. 9). Но характер ответа на них отнюдь не предопределяется законом, число принудительных постановлений в нем сведено до минимума. За учредителями товарищества сохранена полная свобода самоопределения. В силу этого, за кооперативными организациями признается свойство юридических лиц, и правоспособность их во всех отношениях, не исключая целей товарищества, круга операций, а также об'единения в союзы и т. под., совершенно приравнивается к правоспособности физических лиц. Законодатель, исходя в своих построениях из принципа полного доверия, вместо прежней опеки, к самодеятельности кооперативов, довольствуется лишь требованием, чтобы о всех существенных моментах в их жизни и деятельности заинтересованные лица, вступающие с ними в отношения, своевременно были осведомлены посредством регистрации, на основании правил закона 21 июня.

Наряду с предоставлением кооперативам свободы самоопределения, закон много внимания уделил и охране интересов третьих лиц. К этой цели направлен, помимо упомянутых правил закона 21 июня о регистрации, помимо общих правил об организации товарищества, еще целый ряд других постановлений принудительного характера. Сюда принадлежат правила об образовании запасного капитала (ст. 11 и 12), о возврате выбывающим членам лишь паев, но не долей запасного капитала или какого-либо другого имущества (ст. 21), постановления об ответственности членов и по выбытии их из товарищества (ст. 20), освобождение паевого капитала товарищества от взысканий по обязательствам

отдельных товарищей (ст. 23), возложение на членов правления, а также на ликвидаторов, «совокупной ответственности за убытки», причиненные ими товариществу (ст. 30, 46) и т. п. К недостаткам закона следует отнести то, что он, отступая от иностранных образцов, не поставил ревизию кооперативов на ту высоту, на какой она находится за границей, и, так сказать, санкционировал полную безнаказанность членов администрации товариществ за допускаемые ими при исполнении обязанностей нарушения закона и устава, чем лишил третьих лиц очень действительных гарантий по охране их интересов.

В то же время необходимо иметь в виду, что, благодаря крайнему разнообразию юридических величин, охватываемых понятием кооперативного товарищества, закон 20 марта дает лишь общую характеристику соединений кооперативного типа, устанавливает самые общие нормы деятельности кооперативов, создает благоприятные условия для свободного выявления основных начал кооперации, но не содержит норм, касающихся деятельности товариществ различных видов, не нормирует их особенностей. Этим же об'ясняется отчасти наличие в законе множества неясностей, недомолвок и т. п. Особенно страдает ими закон 21 июня. С другой стороны, рассматриваемый закон почему-то не счел нужным упомянуть о каких-либо льготах, предоставляемых всюду кооперативам, для облегчения условий их существования.

Сознание этого рода дефектов не чуждо было и самому законодателю, почему уже в вводных правилах предусматривалась необходимость составления не только примерных уставов (ст. III), но и дополнительных законов по части финансирования и кредитования кооперативов (ст. IV). По мере ослабления, с течением времени, первоначального упоения, вызванного обновлением кооперативного законодательства, и сами кооперативные круги начали было проникаться сознанием, что ограничиваться одним устранением прежних помех к развитию кооперации законодательство не может, что на ряду с выполнением этой задачи, так сказать, отрицательного характера, законодатель должен проявить и положительное творчество. Вот почему образованный при совете всероссийских кооперативных с'ездов юридический отдел включил в программу своей деятельности не только разработку законов, предусмотренных в ст. IV самим законодателем, не только пересмотр законов 20 марта, 21 июня и 1 авг., но и подготовку законопроектов по целому ряду других вопросов, как-то: по отдельным видам кооперации (кредитной, артельной, домостроительной, страховой и др.), о договорных товариществах, о налоговом обложении для кооперации, о третейских судах для кооперативных товариществ и т. п.

V. Намеченные работы по пересмотру и дополнению Положения 20 марта были прерваны событиями, развернувшимися после октябрьского переворота 1917 года.

Какими путями пошло потом развитие кооперативного законодательства при Рабоче-Крестьянском Правительстве, на каких основах стало строиться советское кооперативное законодательство, в какие правовые условия поставило оно существование и работу кооперации, эти вопросы нуждаются в особом рассмотрении.

Г. КОЛОНОЖНИКОВ.

К вопросу о клевете и лжедоносе по Уголовному Кодексу Р.С.Ф.С.Р.

Целью настоящей статьи является проведение параллели между двумя близко соприкасающимися и, с первого взгляда, чрезвычайно похожими друг на друга преступными деяниями—клеветою и лжедоносом; в нашем Уголовном Кодексе они предусматриваются ст. ст. 174, 175, 177 и 179, расположенными в главе пятой, трактующей о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности.

Кажущаяся однородность этих преступлений, подтверждаемая их соединением, не только в нашем, но и в некоторых западных кодексах, в одни главы, невольно обращает на себя внимание криминалиста и как бы напрашивается на некоторое исследование их природы.

Не только древний мир эпохи развития юриспруденции, но и средневековье с его видными глоссаторами, не могли окончательно разграничить клеветы и лжедоноса, продолжая их смешивать как между собой, так и с другими формами личных обид; взгляд на лжедонос, как на какой-то квалифицированный вид клеветы, красной нитью проходит по истории этих деяний, и еще до сего времени он не утратил своего, безусловно ошибочного, значения. Некоторые криминалисты-практики и теоретики, а равно и кодексы запада, как, например, французский, голландский, бельгийский, швейцарский проект и др., смотрят на эти два вида преступных деяний сквозь призму посягающих на честь индивида поступков; на ту же самую точку зрения встал и наш новый Уголовный Кодекс.

Ошибка, простительная кодификаторам древности и средневековья, не может быть допустима кодификаторами двадцатого века, долженствующими разбираться в тонкостях каждого преступления и его всевозможных оттенках.

Такая искусственно созданная однородность этих деяний нередко приводит, на практике, к тому, что не только лишенные юридических знаний, широкие слои населения, но, часто, даже должностные лица смешивают их, видя клевету там, где, в действительности, имел место ложный донос, и наоборот; та кажущаяся близость клеветы и лжедоноса, при таком отношении к ним законодателя, как бы еще резче подчеркивается, как бы еще рельефнее выделяется. Чтобы было легче разобраться в природе этих поступков, мы остановимся в отдельности на признаках каждого из них и уже затем, имея перед собою основной материал, постараемся провести их надлежащую дифференциацию.

Первым признаком клеветы является заведомая ложность сообщаемого; этот признак, в свою очередь, допускает два из него вытекающих момента—это право обвиняемого в клевете доказать справедливость им оглашенного и ненаказуемость его, при отсутствии ложности сообщаемого. Действительно, нельзя допустить, чтобы, основанное на реальных фактах, позорящее обстоятельство, не было оглашаемо, ибо заткнуть рот говорящему правду значит делать поблажку неправде.

Вторым необходимым условием клеветы является оглашение позорящих честь лица обстоятельств. Для наличия клеветы достаточно, если позорящие ложные факты были сказаны хотя бы одному постороннему лицу. Оглашение позорящих обстоятельств играет в понятии клеветы весьма важную роль, так как состоит одним из оснований ее отличия от обиды. Последняя, как умышленное и противозаконное выражение неуважения другому лицу путем заведомо оскорбительного обращения с ним, предполагает, прежде всего, присутствие, в момент действия,

самого оскорбляемого; заочных обид, заключающихся в оскорбительных о ком-либо отзывах в его отсутствии, наука уголовного права не знает. Иное мы видим в клевете, для которой безразлично — совершено ли оглашение позорящих честь обстоятельств в присутствии или отсутствии об'екта посягательства.

Третьим условием клеветы является положение, в силу которого оглашаемые факты должны быть событиями прошлого или настоящего, но отнюдь не будущего; если кто-нибудь станет высказывать мнение, что то или иное лицо в будущем совершит позорные действия, то его нельзя будет привлечь к ответственности за клевету, ибо уголовному праву нужны только реально осуществившиеся факты, а не гадание относительно проблематичного будущего.

Четвертым условием понятия клеветы является требование, чтобы сообщаемые посторонним лицам сведения были противны правилам чести и, тем самым, подрывали социальный авторитет потерпевшего. Это условие особенно существенно в настоящее время, когда в науке и жизни господствует об'ективная оценка чести человека. Кроме того, самое понятие чести весьма относительного характера; вот почему, говоря о лживых и позорящих человека фактах, нельзя обойти молчанием желательности того, чтобы законодатель, в вопросах клеветы и обид, всегда предоставлял решающую роль усмотрению Суда, ибо обстоятельство, позорное для одного, может быть индифферентно для другого.

В довершение своего точного определения, клевета требует присутствия умысла, без наличия которого она не может быть инкриминирована; лицо, оглашающее позорящие кого-либо сведения, должно сознавать их лживость и оскорбительность; иными словами, клеветник должен сознавать, что он распространяет слухи, в правдивости коих он сам не убежден. Оконченной клевета считается с момента восприятия третьим лицом сообщенных ему сведений.

Резюмируя эти признаки клеветы, мы приходим к более или менее точному определению ее понятия, как заведомо ложного оглашения позорящих другое лицо обстоятельств. Это определение в полной мере совпадает с определением ст. 174 Уголовного Кодекса, в ясности и точности которой нельзя пожелать ничего большего.

Переходя к составным частям понятия ложного доноса, прежде всего, следует отметить необходимость той же заведомой ложности сообщаемого, что и в предыдущем деянии, ибо, если инкриминируемый поступок не был вымышленным, а действительно происшедшим, то и донос не стал бы называться ложным.

Вторым признаком лжедоноса является умышленность действий суб'екта преступления, т. е. намерение привлечь невинного к уголовной или дисциплинарной ответственности; отсюда вытекает, что неосторожного доноса не бывает, так как факт обращения к компетентной власти с определенной жалобой вполне ясно доказывает, что в психике доносчика уже сложилось известное настроение.

В качестве третьего условия существования лжедоноса, следует указать на определенность обвиняемого лица, т. е. оговариваемое лицо должно быть точно указано органу власти. В отношении этой составной части лжедоноса было вполне правильно допущено отступление проектами Германского Уголовного Кодекса 1913 и 1919 годов: они предусматривают случаи ложного заявления властям о каком-либо преступлении, без указания на якобы виновное лицо. В об'яснительной к последнему из проектов записке указывается, что от такого рода лжедоноса может легко пострадать ни в чем неповинный человек; наказуется этот новый вид лжедоноса тюремным заключением до одного года или штрафом;

обычный же лжедонос карается тюремным заключением не ниже одного месяца, с предоставлением потерпевшему права опубликовать приговор за счет доносчика.

Четвертым признаком разбираемого деяния является обвинение кого-либо в совершении поступка, могущего повлечь за собой уголовное или дисциплинарное преследование; по вопросу о дисциплинарном преследовании уголовные законодательства резко расходятся: одни (кодексы голландский, венгерский и др.) требуют для ложного доноса обвинения только в уголовно-наказуемых поступках, а другие (хотя бы Германское Уложение), расширяя его понятие, относят к нему и нарушения чисто служебного характера.

Пятым, более важным, условием лжедоноса будет необходимость его заявления перед компетентной властью, от которой зависит возбуждение уголовного преследования или привлечение обвиняемого к дисциплинарной ответственности. Этим признаком донос не только отличается от клеветы, но и резко подчеркивается его принадлежность к группе деяний, направленных против порядка управления, а в частности—противодействующих отправлению правосудия.

Шестое условие существования ложного доноса вызывает серьезные разногласия среди уголовных законодательств, разбивая их на две противоположные группы. Одни (германские, итальянские) считают вполне достаточным для наличия лжедоноса хотя бы устное заявление, сделанное компетентной власти, а другие признают лишь один формальный, письменный, донос. Безусловно, что взгляд первых является более правильным, ибо требуемая письменность есть, в данном случае, ничто иное, как пустая формальность, всегда устраняемая протоколированием устного заявления.

Кроме того, требуется еще, чтобы ложный донос не был показанием по уже возбужденному уголовному или дисциплинарному делу.

Оконченным он должен считаться с момента восприятия компетентной властью ей сообщенного.

Суммируя основные признаки лжедоноса, мы приходим к определению его понятия, как заведомого ложного обвинения кого-либо перед компетентной властью в деянии, могущем послужить основанием для возбуждения уголовного или дисциплинарного преследования.

Таким образом, понятие одного из интересующих нас деяний резко отличается от понятия другого; мало того, природа одного разнится от природы другого; в то время, как клевета исключительно затрагивает интересы отдельной личности, посягая на ее доброе имя, лжедонос, наравне с интересами индивида, посягает и на блага высшего порядка, требующие особо интенсивной охраны, а именно на интересы правосудия. Задевая отдельную личность, лжедонос, однако, далеко не всегда подрывает ее достоинство, ибо еще не всякое уголовно или дисциплинарно наказуемое деяние является деянием, позорящим его суб'екта; с другой стороны, введение в заблуждение органов власти, всегда связанное с напрасной затратой ими сил и времени, а равно и возможность ошибочного привлечения к ответственности ни в чем неповинного человека, требует самого серьезного к себе отношения. Вот почему нам кажется странным и абсолютно ни на чем не основанным то соединение клеветы и лжедоноса в одну группу преступлений против чести, которое имеет место в некоторых уголовных кодексах, в том числе и нашем.

Переходя к интересующим нас статьям Уголовного Кодекса, следует обратить внимание на исчерпывающий характер тех из них, которые говорят о клевете, и некоторую неудачность в построении и редакции лжедоноса. В то самое время, как ст. 174 трактует об оглашении заведомо

ложного и позорящего другое лицо обстоятельства, ст. 175 исключительно предназначена для преследования клеветы в печати или иным образом размноженных произведениях; карая устную клевету лишением свободы или принудительными работами на срок до шести месяцев, Кодекс усиливает репрессию за клевету в печати до одного года лишением свободы. Здесь наш законодатель вполне правильно учитывает то обстоятельство, что оглашение позорящих кого-либо сведений в печати бывает значительно опаснее для об'екта посягательства, как по способу своего осуществления, так и по вытекающим из него последствиям.

Ст. 177 Уголовного Кодекса говорит о ложном доносе органу судебной или следственной власти или должностному лицу, имеющему право возбуждать преследование, о совершении определенным лицом преступного деяния; наказуется этот поступок лишением свободы на срок до одного года.

Поскольку предыдущие статьи, несмотря на свою краткость, изложены весьма ясно и исчерпывающе, постольку в ст. 177 недостает указания на отнесение к лжедоносу обвинения кого-либо в совершении чисто служебных нарушений; не являясь преступными деяниями, в точном смысле этого слова, служебные нарушения могут, однако, иметь своим последствием причинение существенного ущерба интересам напрасно оговоренного; последний может, в случае если лживость оговора не будет выяснена, даже подвергнуться увольнению от должности, каковое, в свою очередь, бывает сопряжено с рядом других неприятностей.

Исходя из этих простых соображений, наш законодатель должен бы был несколько расширить рамки ст. 177 Кодекса, включив в нее и нарушения чисто служебного характера.

В ст. 179 Кодекс вновь возвращается к лжедоносу, предусматривая обстоятельства, его квалифицирующие; к последним он относит обвинение кого-либо в тяжком преступлении, корыстные мотивы и искуственное создание доказательств обвинения; перечень этот носит исчерпывающий характер. Санкционирующая часть статьи 179 предусматривает лишение свободы на срок не ниже двух лет. Не подлежит никакому сомнению, что эта статья лишняя; она могла бы быть включена в основную статью о лжедоносе, при условии некоторого расширения рамок ее наказуемости, что имело место в ст. 940 Уложения о наказаниях.

Из этого обзора интересующих нас вопросов, в связи с их освещением в нашем Уголовном Кодексе, мы невольно приходим к тому выводу, что в нем имеются два существенных недостатка. В качестве первого и главнейшего — следует отметить совершенно неуместное соединение клеветы и ложного доноса в группу деяний, посягающих на личность и ее достоинство. Если здесь место клевете, то лжедоносу было бы самое подходящее место среди преступлений против порядка управления; такого правильного положения вещей придерживаются не только большинство более ранних, по своему происхождению, уголовных кодексов, но и Германский Проект 1919 г. Вторым недостатком является чрезмерное с'ужение ст. 177, которая должна бы была не только предусматривать наказуемость лжедоноса по поводу служебных нарушений, но и включать в себя ст. 179, которую совершенно излишне выделять особо в Уголовном Кодексе.

Н. ГЕДЕОНОВ.

Очерки тюремной психологии*).

Половая жизнь в тюрьме.

Изучение тех условий, среди которых протекает в одиночных и общих камерах половая жизнь арестантов, раскрывает перед нами отвратительнейшие картины разврата в тюрьме в одиночку, парами, и безобразнейшие сцены общих оргий. В значительном большинстве случаев, тюремные обитатели принадлежали до их заключения к таким группам населения, где требования половой морали или совсем отсутствовали или были сведены к самым простым, можно сказать, почти первобытным. Постоянное пьянство еще более способствовало развитию их разврата и на рынке продажной любви к услугам такого потребителя всегда являлось предложение на всякие цены и всякого рода. Попав внутрь тюремных стен, представители мира преступлений и разврата отнюдь не склонны отказываться от своих «удовольствий». Условия же жизни в тюрьме, как в одиночной, так и в общей камере, не только не удерживают, но, наоборот, *способствуют* разврату; тюремное бездействие, отсутствие всяких развлечений и скука направляют внимание арестанта в сторону полового чувства, на поиски хотя бы грязных способов удовлетворения этого чувства. «Половой вопрос» становится одной из любимых тем разговоров арестантов в общей тюрьме, но он же не выходит из головы и у одиночного заключенного. Нередко он становится тою осью, вокруг которой идет тюремная жизнь: он властно захватывает все помыслы и желания арестантов и они отдаются ему без борьбы, без раскаяния, с легким сердцем, с радостью.

До какой степени весь мозг арестанта оказывается пропитанным мыслями о половом разврате, свидетельствуют многочисленные надписи на тюремных стенах и книгах из тюремных библиотек. Доктору *Лорану* пришлось видеть книгу религиозно-нравственного содержания с поучениями, которую арестант, благодаря приписке букв к словам и замене одних слов другими, превратил в сборник порнографического содержания. Нужно было обладать развивающеюся в тюрьме гениальною изобретательностью и колоссальным, чисто тюремным, терпением, чтобы, изменяя слово за словом, добиться превращения религиозно-нравственной книги в самую бесстыдную **). Нечто подобное рассказывает о надписях на книгах из тюремной библиотеки *Осоргин* ***): «большинство ремарок в тексте,—пишет он,—сального характера; подчеркиваются и сопровождаются такие места, где самый пытливый, но неболезненный ум не найдет ничего игривого или вольного». Автор отмечает, что даже случайно встретившееся в тексте слово «чулок» или сказанная между лицами разных полов фраза: «пойдемте гулять», способны привести в экстаз арестанта-эротомана. Сам *Осоргин* об'ясняет это направление мысли *психологией* тюремного заключения, извращающего природу тех, кому не доступны умственные занятия, и кто живет только инстинктами.

---

*) См. «Право и Жизнь» № 3 1922 г. и №№ 1, 2 и 3 1923 г.

**) Laurent. Le criminel 1908, 95—95 стр.

***) Осоргин. «Картинки тюремной жизни», «Русск. Богатство», 1907, № 12.

Однако, у нас нет уверенности, что возможность умственной работы всегда и везде гарантировала более развитого арестанта от неправильного развития в тюрьме его полового чувства. В анкете, произведенной среди интеллигентных политических заключенных, вопрос о половом чувстве оставлялся почти всеми заключенными без всякого ответа. Но некоторые заключенные не удержались от горьких жалоб на развращающее влияние тюрьмы в этой интимной стороне их жизни. Семнадцатилетний юноша ответил: «грубою рукою схватили самое прекрасное, что есть в жизни, самое чистое и нежное—первую любовь и разлучили нас, которых, казалось, сама смерть не могла бы разлучить. Тоска была так сильна, что я пытался покончить жизнь самоубийством, но не удалось. И того, что было, что отняла у меня тюрьма, уже не вернуть. Чистое стало грязным, я сам загрязнил свое прекрасное чувство грязной свинской мечтой, я осквернил то, что до этих стен мне казалось святыней. Проклятый острожный разврат, пробуждающий в человеке все свинское, все темное, все звериное... Пока я был в общем заключении с уголовными, ужасное острожное сладострастие только приводило меня в содрагание. Я слышал скверную острожную брань; здесь о женщинах говорили только худо, только в одном смысле. Жадная голодная страсть изливалась в скверной брани, и чувствовал я, как блекнут прекрасные тайные сказки моей первой любви. А в одиночку пошли со мною грязные, ревнивые видения, и прекрасные грезы сменили кошмары долгой тюремной жизни».

Помимо надписей на книгах тюремной библиотеки, об интенсивности половых запросов тюрьмы говорят тюремные рисунки и надписи на стенах, и самое содержание произведенных в тюрьме татуировок. Все это настолько порнографического содержания, что не может быть здесь воспроизведено или описано *). *Осоргин* рассказывает об арестанте-богомазе, который превратился в тюрьме в поставщика на всю тюрьму, не исключая надзирателей, порнографических произведений **).

В настоящее время мужские и женские тюрьмы строятся не только совершенно обособленно одни от других, но и на разных концах города. Там же, где они находятся на одном дворе или на близком между собою разстоянии, тюремная администрация оказывается совершенно бессильною помешать любовному общению заключенных арестантов и арестанток: знакомства завязываются с поразительною быстротою посредством мимики, перекрикиванием, посредством переписки и даже личными встречами, которые удаются не так редко, несмотря на все тюремные засовы и запреты. Завязываются романы. В поисках за успехом у намеченного предмета «любви» прибегают к обычным в таких случаях средствам: комплиментам, маленьким подаркам, в виде табаку, чаю, сахара и проч. Уверения в верности до гроба сменяются сценами ревности и острожною бранью.

В таких близко одна от другой расположенных мужских и женских тюрьмах, создается атмосфера постоянно повышенной половой возбужденности, не один раз описанной в русской и в иностранной литера-

---

*) Смотри образцы таких бесстыдных записей в книге Lombroso Kerker-Palimpseste 1899 г. 62, 107, 114 стр.

До какой болезненно-развращенной степени развивается фантазия арестанта-эротомана, можно видеть из рисунка в коллекции Лорана: лошадь пожирает половые органы женщины.

**) Осоргин. «Русское Богатство», 1907 г., № 11, 180 стр.

туре и выливающейся в одни и те же формы в сибирских рудниках и испанской тюрьме *). В записках арестанта Александра Малахова есть небольшой очерк, под заглавием «женщины». Автор удивительно ярко вскрывает психологию изголодавшихся самцов-арестантов, когда, по случаю ремонта женской тюрьмы, в камеры рядом с ними, в одном и том же корридоре, поместили несколько десятков арестанток. Мужчины прямо взбесились. Они рвались к женским камерам, «ржали, хрюкали, дрожали, как индюки». Восточный люд, населяющий корпус, окончательно сходил с ума: двадцать два горца готовы были выбить двери в камеры женщин и ринуться туда скопом; косой, высокий армянин Саркис Барбаньянц окончательно закатил под лоб глаза и, не видя уже ни женщин, ни надзирателей, бросал записки в женские камеры, которые он находил по инстинкту; за эти подвиги он получал затрещины и, наконец, попал в карцер. Грек Онуфрий Попандопуло выказывал склонность к тихому эротическому помешательству, а завоеватель Константинополя, турок Сулейман-Оглы, свирепо поводил на всех черными вытаращенными глазами, в которых сверкало явное бешеное помешательство и «дикая страсть». А когда женщин увели, арестанты гурьбою бросились в освободившиеся камеры, нюхая воздух, к еще теплым нарам, где сидели и лежали женщины...

При таком неудержимом стремлении заключенных обоего пола друг к другу, тюремная администрация оказывалась совсем бессильною помешать любовным связям, в особенности, там, где встречи заключенных были неустранимы, например, на этапах. Впрочем, этапы и переезды из тюрьмы в тюрьму давали простор разврату не только заключенных, но самого конвоя и тюремных надзирателей с арестантками. Об этом согласно свидетельствуют авторы и более ранних и более поздних тюремных воспоминаний. По словам Мельшина, солдат, конвоировавший женщин, смотрел на эту обязанность, как на веселый пикник, с рядом занимательных интрижек. Никакой дисциплины, никакой заботы! Сидит себе на подводе, бросив ружье, и, обнимаясь с каторжными прелестницами, орет во все горло песни, срамословит и знать больше ничего не хочет! Ночи проходят в попойках и разврате **).

Сходные сцены описывает и Мария Шеффер, но на этот раз уже не в далекой Сибири и на подводе, а в Европейской России, в вагонах железной дороги ***).

---

*) Мельшин. («Из мира отверженных», ч. 1, 347 стр.) рассказывает, как даже в такой суровой тюрьме, как Шелаевская, арестанты умудрялись устраивать любовные свидания даже с посаженными в карцер арестантками. О любовных похождениях заключенных в испанских тюрьмах см. Bycmére. La femne dans la prison 13 стр. Мария Шеффер, в качестве грамотной, оказалась посредницею в переписке арестанток с арестантами, прочла и написала «несчетное множество» записочек. «Несмотря на толстые стены, отделяющие мужчин от женщин, там влюбляются и ревнуют, целуются, изменяют, волнуются и ссорятся, словом, на бумаге в тюрьме происходит все то, что происходит между людьми на воле». Иногда желающий завязать знакомства сразу писал записки десятку каторжанок одинакового содержания, см. 89 и 90 стр. Ядринцев («Община в тюрьме и ссылке», стр. 81—82) вспоминает, как бесконечны были выдумки арестантов, чтобы добиться встречи с заключенными женщинами, причем мужчины не останавливались перед переодеваниями в женское платье и проламыванием стен. По двору сидели и лежали группы арестантов, «татары и черкесы», горящими глазами жадно пожирали женщин. Счастливые любовники ходили, закинув армяки, посвистывая и напевая удалые куплеты. Из окон дам сыпались скорлупа орехов, обрезки картофеля и разные сувениры д'амур, в виде отрепанных косоплеток и лоскутков, из-за которых шла страшная возня у обожателей». В тюрьме даже плодились.

**) «Из мира отверженных», ч. 1, стр. 17.

***) Мария Шеффер. «Среди арестанток». 42—43 стр.

Усовершенствовались средства передвижения пересыльных арестантов, но разврат остался прежний. Вообще, есть большие основания предполагать, что отношения мужского надзирательского персонала в местах заключения к женщинам не отличались и не отличаются безупречною чистотою *).

Но главное зло тюрьмы—противоестественный разврат во всех его видах. В одиночных камерах развит до невероятных размеров онанизм, который мало и скрывается. На жаргоне немецких арестантов имеются для обозначения этого порока специальные термины, отнюдь не носящие осуждения или даже порицания: «сожительствовать с рукою-Машею, с пальцем-Пепи» (Hand-Marie, Finger-Pepi).

В общих же камерах развита педерастия в форме парного сожительства, на подобие брачного, и в форме проституции, когда пассивные педерасты предоставляют себя всем желающим за сходную цену.

Часть арестантов приходит в тюрьму, уже зараженная этим пороком, но наибольшая часть их развращается *здесь, в самой тюрьме*. Выработалась целая система приемов развращения молодых арестантов более пожилыми рецедивистами. Все пускается в ход: и подкуп, и соблазны предоставлением своих порций, обещание своего покровительства, и защиты, застращивание и прямое насилие...

У пассивных педерастов вырабатывается своя особая психология, напоминающая женскую. Они следят за своею наружностью, не прочь помадиться и краситься. Торгующие собою ведут себя, как проститутки, вплоть до традиционного начала знакомства просьбою дать покурить. Пассивных педерастов зовут в тюрьме всегда женскими именами. Пока «падение» не совершилось, за ними «ухаживают», исполняют их желания и капризы, кормят их лакомствами, а затем глубоко их презирают, в прямом смысле плюют на них. В то же время активные педерасты не только не вызывают к себе презрения, но, наоборот, пользуются даже особым влиянием в тюрьме **). На это влияние указывает уже самое название активного педераста на жаргоне, например, немецкой тюрьмы: он носит почтенное название «старика», в то время, как пассивный педераст зовется «парнишкою, мальчишкою». На жаргоне французской тюрьмы активный педераст носит имя «pedé», а пассивный «grand» или «mômé». На языке русских арестантов пассивный педераст зовется «Маргариткою». Слово педерастия обозначается на языке тюрьмы термином «бульда», а самый акт этого противоестественного сношения—выражением «кормить узлами», или просто глаголом «харить».

---

*) О возмутительном случае рассказывает Мария Шеффер. Великим постом начальник тюрьмы «гнал» женщин на исповедь. Одна из арестанток заявила, что она не может итти в церковь, потому что есть причина. «Осмотреть эту мерзавку!—распорядился смотритель,—может итти на исповедь или нет. Он ушел, девушка перекрестилась. «Слава тебе, господи, хоть не сам будет осматривать».—«Да как же,—спросила я,—может он сам осматривать?».—«Да так. В прошлом году взял всех тех которые не хотели итти на исповедь, вывел в корридор, велел раздеться. Кто вправду не мог итти, тех оставлял, а иной просто не хотелось исповедываться, тех он силой гнал». (36 стр.).

**) Вопрос о педерастии в тюрьмах имеет обширную литературу на всех языках. См. Мельшин. «Из мира отверженных», II ч. 201—235 стр. См. также В. «Восемь месяцев в сибирской тюрьме». «Русская Мысль», 1908 г., № 10, 33—34 стр. Автор рассказывает о 16—17-летнем мальчике-арестанте «Катьке», развращенном тюрьмою и готовом со всяким лезть «под нары». Подробные сведения дают о педерастии уголовные арестанты в своих ответах, напечатанных в книге Hinter Kerkermauern» См. особенно Charles Perier-La pederastie en prison, Arkh d'Authr, crim. XVv; 373—400 p.

Хотя чувство нежности и не в почете у преступного мира, и над прочными противоестественными брачными сожительствами арестантов и подсмеиваются, но это не мешает развитию и укреплению в тюрьме отдельных случаев этих «брачных уз». Доктор *Перье*, специально изучавший развитие этого порока в тюрьме, нашел среди арестантов лишь очень немного педерастов по «призванию»: большая часть арестантов становилась ими лишь в тюрьме и переставала быть ими на свободе. Но с другой стороны известен из описания самих бывших заключенных случай, когда отбывший наказание активный педераст нарочно совершил новое преступление, чтобы провести в одной тюрьме со своим пассивным педерастом еще 2 года и 5 месяцев и выйти одновременно с ним на свободу. Заключенный, вспоминающий этот случай, подчеркивает, что превратившийся в упорного пассивного педераста попал в тюрьму девятнадцатилетним молодым человеком и краснел, когда слышал о тюремных гадостях, но тюрьма развратила его. В таких случаях тюрьма же приводит к развитию у противоестественно сожительствующих арестантов требования взаимной верности и сцен ревности при подозрениях в нарушении этой «верности», поножевых расправ и даже убийств.

Поножевые расправы и драки, впрочем, совершаются также на почве споров из-за модных и с'умевших прославить себя в этом мире противоестественного порока пассивных педерастов. Указания на таких прославившихся арестантов встречаем у многих авторов. Таков был, по сообщению одного из немецких заключенных, арестант по прозвищу «Черная Мария», из-за которого было разбито не мало голов *). Доктор Перье перечисляет несколько таких имен: «Красавицу-Нину» «la plus belle de la maison», «la Lionnaise», «la petite Grotte» и др. **).

Распространение педерастии по тюрьмам достигает громадных размеров. Об этом согласно говорят как сами заключенные, так и врачи и тюремные надзиратели. Арестанты ловят каждый удобный момент, не смущаясь местом, где они находятся. Конечно, чаще всего порок имеет место в общих спальнях. Но доктор *Перье* отметил среди мест, где были застигнуты арестанты, самые разнообразные помещения в тюрьме, начиная от клозетов и кончая канцелярией и даже церковью. Эти акты скрывают не друг от друга, а лишь от администрации. *Тан* сообщает, что ему самому приходилось видеть эти отвратительные картины во время своего заключения ***). До какой степени цинизма доходят эти картины, можно видеть из воспоминаний немецкого арестанта, неисправимого алкоголика, просившего перевести его в одиночную камеру из той общей, где его тошнило от всего, что он видел ****).

В глазах большинства заключенных, даже не знавших этого порока на воле, педерастия перестает быть пороком. Может быть, этим и особым развитием в местах заключения половой страсти можно об'яснить те факты, когда на глазах всей тюремной камеры насилуется молодой арестант и четырнадцать арестантов последовательно один за другим, в течение ночи, совершают над ним акты этого насилия.

Вполне понятно, что произвести точный подсчет распространения в тюрьме педерастии нет возможности. Вот почему, приводимые доктором *Перье* цифры 83 педераста на 859 заключенных, конечно, во много раз ниже действительных. Надо при этом иметь в виду, что в эту цифру

---

*) Hinter Kerkermauern 340 стр.

**) Perier—назв. ст.

***) Тан. Тюремные мысли, «Вестник Европы», 1911 г., ноябрь, 180 стр.

****) Auer Избр. соч.

автор включил не тех, кто был уличен в занятии педерастией, но лишь тех, кого он называет проституированными педерастами. Таких он насчитал 59, а 24 были указаны ему «председателем общества активных педерастов тюрьмы города Ним».

«Общество активных педерастов при тюрьме» обрисовывает перед нами своеобразную психологическую черту половой морали в тюрьме и вообще тюремной психологии. Такое общество—плод тюремной скуки и усиленного внимания заключенных к половому чувству. Образовавшееся в 1895 году это тайное общество имело, кроме председателя, своего особого секретаря и казначея. Цель его «служить наиболее успешному удовлетворению полового чувства его членов, для чего обществу сообщались имена пассивных педерастов и заболевших из них заразными болезнями, оказывалась помощь заболевшим и дисциплинарно наказанным товарищам и умерялась жадность тюремных дам». При вступлении в общество каждый новый член вносит особый взнос табаком, какими-нибудь продуктами и пр. Среди членов общества не было ревности; они занимались этим, по их словам, «за неимением лучшего». При своем основании общество насчитывало 20 членов.

Перечитывая сообщение доктора *Перье* об этом тайном обществе, мы вспоминали яркую картину из «Тюремных мыслей» *Тана*, описывавшего тюремную баню: «ходят голые вместе, молодые и старые, жадными глазами поглядывают одни на других, словно мужчины на женщин, на всякого, кто помоложе, телом побелее, чуточку понежнее, помягче на ощупь. Его окружают со всех сторон, гогочут, и щиплют, и хлопают с размаху по спине. Он вырывается, визжит и глазки строит, как будто бы девица легкого поведенья. Сыплются шутки и брань, простая, звериная. Это—острожная ласка» *).

Спрашивается, чем эта картина в русской тюремной бане отличается в психологическом отношении от описанного французским врачем тюремного общества? Как далеки некоторые из этих моющихся в бане арестантов с их гоготаньем, щипками, жадно взирающие на голые тела глазами, от членов французского тюремного общества? Здесь тот же, развивающийся на почве тюремной скуки, половой голод, готовый искать удовлетворения в противоестественном пороке.

Погоня за новыми переживаниями, половая пресыщенность, глубокая развращенность вызывают, вслед за педерастией, и другие еще более тяжелые формы разврата. Директор парижской тюрьмы Ля - Санте, в бытность его директором земледельческой пенитенциарной колонии, приказал удалить оттуда всех собак, так как арестанты совершали над ними акты скотоложства, наделяя их при этом всевозможными болезнями половых органов.

Также проходит половая жизнь и в женских тюрьмах. Есть все основания утверждать это, несмотря на очень слабую осведомленность об этом в литературе.

Среди собранных мною материалов по этому вопросу имеется два документа. Один из них представляет довольно пространное описание уголовною арестанткою московской женской тюрьмы ее наблюдений за половою жизнью заключенных в этой тюрьме женщин, а другой—письмо к ней арестантки по выходе на свободу. В первом документе, который, по соображениям морального характера, не может быть полностью воспроизведен здесь, автор описывает «приставание» к ней другой заключенной из числа «ковырялок»: так зовутся на жаргоне тюрьмы женщины-трибады, исполняющие, при противоестественных отношениях с товарками по

*) Тан, там же. 130 стр.

заключению, роль мужчин. По словам нашей корреспондентки, эти женщины «имеют все выходки мужчин, и ходят, и причесываются, как мужчины, и курят, и носят рубашки-косоворотки, подпоясанные шнурком». Ухаживание начиналось с записок, с уверений в безумной любви и просьб никому не принадлежать. В записках она писала, что «целует ее маленький ротик и глазки и хочет всю расцеловать». Корреспондентка, о которой тюремная администрация говорила нам, что ее товарка совратила ее, писала нам: «она мне нравилась, она ко мне приходила в одиночку, но здороваться с нею я боялась: она была прямо какая-то с'умасшедшая и сильная, схватит меня и на кровать и начинает целовать груди, ноги, руки и так неожиданно, что я не в силах ничего сказать».

Для характеристики развивающихся в тюрьме отношений между заключенными, приводим письмо, посланное по освобождении из тюрьмы к указанной заключенной: «Здравствуй дорогой друг, Тася, спешу узнать о твоем здоровьи и крепко, крепко... поцеловать и, крошка, поздравляю тебя с праздником христова воскресенья. Милочка Тася, прошу ответь на мое письмо хотя бы двумя словами. Тася, друг, я хочу теперь совершенно бросить и забыть и затушить все, что я имела до тебя. Ну, поняла, детка? И хочу быть с тобою совершенно задушевным другом. Да, Тася, ты будешь моею наставительницею, хорошо, милочка? Хотя и трудно все свои чувства теплые превратить в холодные. Ну, что делать. Правда?... Тася, милочка, может быть в чем и нуждаешься, то я тебе помогу. Хорошо детка? Ты в любое время пиши ко мне и я завсегда с великим удовольствием прибегну к твоему какому-либо горю. Я живу хорошо, очень работаю хорошо, пока, чем себя губила раньше, сидя, уже не употребляю, Понимаешь, Тася? Ну, детка, прошу, не стесняйся, пиши, Тася, прошу, пришли ответ на это последнее письмо. Ну пока до-свиданья, Тася. Или напиши, где нам встретиться и прокатиться на лихаче. Ну, прелесть, жду ответа (далее следует адрес). Целую тебя 1.000.000. Ф. К.».

Но в наши цели не входит выяснение в подробностях характера этих ненормальных половых сношений в тюрьме. Нашей задачею было лишь показать, что они неизбежно развиваются в обстановке тюремного заключения, что омерзительные, во всей их противоестественности, они находятся в полном соответствии с противоестественностью самого тюремного режима. И если вникнуть в этот режим, внимательно всмотреться в него, то, по совести, трудно решить: что противоестественнее и хуже: этот ли режим или развивающиеся в его условиях описанные нами извращения полового чувства?

МИХ. ГЕРНЕТ.

Библиография.

А. Н. Макаров. Лига Наций стр. 74. Петроград 1922 г. Издательство. «Academia».

Литература, посвященная Лиге Наций, на Западе, необ'ятна. Как в странах победительницах, так и государствах нейтральных и побежденных, политики и правоведы потратили не мало труда на изучение ее истории, юридической конструкции и возможных путей ее дальнейшей эволюции. Наоборот, русская литература, посвященная этому новому феномену международного права, чрезвычайно бедна. Вполне понятно, поэтому, что всякий новый труд в этой области встречается читателем с большим интересом.

Брошюра А. Н. Макарова посвящена главным образом догматическому анализу правовой структуры Лиги. В качестве предисловия автор предпосылает краткую историю развития идеи междугосударственного об'единения. «Идея организации человечества путем создания надгосударственного политического образования,—справедливо отмечает он,—идея не новая». С попытками ее реализации мы встречаемся во все эпохи культурного развития человечества. «Интересно отметить притом,—говорит автор,—что наиболее известные... из проектов относятся к годам длительных военных столкновений: реально ощущавшиеся ужасы войны естественно вызывали к жизни мечты о таком строе, который, охватывая в единое политическое целое все государства, делал бы войну между ними бесцельной и немыслимой (стр. 6)». Однако, до настоящего времени создать прочную междугосударственную организацию человечеству не удавалось. Самое большее, чего достигали культурные народы—это организация международных административных союзов и постоянных третейских судов. Это были, конечно, не более как «фрагменты», «отдельные кирпичи, пригодные для будущей постройки цельного здания надгосударственной организации».

Великая европейская война вновь поставила проблему надгосударственного об'единения народов во всей ее полноте. С самых первых дней войны дипломаты и политики воюющих стран заговорили о прочной международной организации мира, как ее конечной цели. К ним вскоре присоединили свои голоса и представители нейтральных стран. Автор указывает на проекты Брайса, Вульфа, Эрцбергера и др. авторитетов, которые пытались наметить возможные контуры международной организации, призванной об'единить в единый правовой союз культурные государства земного шара. «Подавляющее большинство проектов—отмечает А. Н. Макаров,—базируется на тех достижениях, которые связаны с обеими Гаагскими конференциями мира, развивая и углубляя те начатки международной организации, которые были заложены на этих конференциях (стр. 21)».

К перечисленным проектам автор относит также знаменитую программу мира, формулированную Американским Президентом В. Вильсоном. Программа Вильсона, как известно, и послужила основой для организации Лиги Наций. Передавая читателю историю Лиги, А. Н. Макаров отмечает, что не только инициаторами, но и созидателями ее на Версальской Конференции явились представители англо-саксонского мира—американская и английская делегации (стр. 23).

Ознакомивши читателя с правовой структурой Лиги, автор в заключительной главе своей монографии останавливается на вопросе о ее юридической природе.

Что представляет из себя Лига? «Вывел ли договор Лиги неорганизованно существовавшие дотоле государства из состояния естественного в состояние политическое»?—спрашивает он и, путем анализа статей договора, приходит к положительному ответу. «Лига Наций,—говорит он, — союз государств» (стр. 58). Но сам же впрочем добавляет: «союз менее интенсивный, чем до сих пор создавшиеся на протяжении истории союзы» (стр. 58). По мнению А. Н. Макарова, с момента организации Лиги человечество сделало огромный шаг по пути правового урегулирования своих международных отношений. Отныне «анархическое естественное состояние» осталось «позади» и мы стоим теперь перед реализацией старой мечты философов и политиков о едином общегосударственном и надгосударственном союзе. Чтобы убедить читателя в правильности своих выводов, автор, установив «типичные» черты конфедеративного союза, старается затем отыскать их и в правовой структуре Лиги Наций. Вкратце они сводятся для него к следующему: цель Лиги, как и всякого другого «союза государств»—поддержание мира и внутреннего правопорядка, средство—правовая организация органов союза (в данном случае собрания членов Лиги, ее Совета, Секретариата и т. д.). Автор признает, правда, что Лига «лишена самостоятельных правотворческих функций»,

но это не колеблет его выводов. Ведь и правотворчество «союзного государства», говорит он, «обычно замкнуто в весьма узкие рамки». Зато Лиге, как и всякой типичной конфедерации, принадлежит по договору право «координации и надзора» за действиями своих сочленов. А. Н. Макаров не отрицает, что и это право не выявлено договором с достаточной ясностью и определенностью и это, в конечном итоге, заставляет его же самого признать, что в структуре Лиги имеются «некоторые отклонения от трафаретного типа» конфедеративного союза. «Отклонения эти,—говорит он,—будут притом все в одну сторону: союзное целое Лиги Наций во всех отклонениях от трафарета ослаблено и, соответственно, самостоятельность составных ее частей во всех случаях укреплена» (стр. 57).

Прав ли, однако, наш автор в своих выводах? Не чрезмерно ли увлекается он, в угоду догматике, чисто внешними конструкциями, не замечая за ними истинного лица изучаемого им международно-правового образования?

Мы вовсе не склонны, конечно, отказаться от юридического метода, при помощи которого подходит к анализу Лиги Наций наш автор. Но ведь от признания юридического метода далеко еще до того губительного формализма, которым грешили старые догматики немецкой юридической школы и в который впадает в своем труде и А. Н. Макаров. Юрист-догматик никогда не должен забывать тех коррективов, которые неизменно вносил в свои догматические конструкции такой яркий представитель немецкой юридической мысли, как Г. Еллинек. «Еллинек, правильно отмечает проф. В. Кистяковский,—разрабатывая вопросы права с формально-юридической точки зрения и давая им свое решение, никогда не упускал из виду их условное и относительное значение»*). Наш повседневный политический опыт достаточно ярко подтверждает нам, как явления государственной жизни не укладываются в те правовые рамки, которые создают для них законодатели. Жизнь оказывается бесконечно разнообразнее их творческих замыслов. Судьба Лиги Наций является в этом отношении прекрасной иллюстрацией к сказанному. Рожденная в результате вооруженной борьбы народов, Лига, долженствовавшая, по точному смыслу своего устава, создать правовые гарантии для всеобщего мира, «сама, как говорит проф. С. А. Котляревский, носит печать войны.... Сила ее лежит не в новом сознании народов, изведавших ужасы войны, а в вооруженной коалиции, продиктовавшей беспощадный версальский мир»**). Лига оказалась в действительности не столько надгосударственным правовым союзом, сколько своеобразно сконструктированной политической коалицией держав победительниц, несомненно имеющей черты сходства с Священным Союзом 1815 года.

Насколько слаб ее правовой авторитет, показывают те многочисленные нарушения ее компетенции, которыми изобилует внешняя политика Европы в переживаемый нами послевоенный период истории. Не право, а сила попрежнему доминирует во всех конфликтах, вспыхивающих между государствами Европы, Америки и Азии в наши дни. Лига оказалась бессильной урегулировать греко-турецкий конфликт, ее голоса не слышно сейчас и в рурском и восточно-галицийском вопросе. Можно ли при таких условиях согласиться с автором, что с возникновением Лиги закончился период «анархического, естественного состояния» междугосударственных отношений и что с этого момента можно уже говорить о прочной международно-правовой организации, связывающей входящие в ее состав государства?

Таковы возражения, возникающие у нас по существу выводов автора. Переходя к оценке его труда, мы не можем не признать, что А. Н. Макаров разработал свою тему с большой тщательностью и добросовестностью. Нельзя не пожалеть только, что в главах, посвященных истории возникновения Лиги Наций, он не дал ничего нового по сравнению с тем, что известно уже русскому читателю из статьи Б. Э. Нольде*). Между тем, в западно европейской литературе о Лиге Наций есть, несомненно, много фактов, вносящих дополнительные детали в историю изучаемого им вопроса. Ознакомить с ними, как нам кажется, было бы не безинтересно даже в такой небольшой монографии, как разобранный нами труд А. Н. Макарова.

К брошюре приложен переводный текст «Договора Лиги Наций», впервые, насколько нам известно, опубликованного на русском языке.

Б. Д. Плетнев.

D-r Max Lion. Praktische Steuerfragen. 237 s. Berlin. 1923 г.

Среди различного рода правовых проблем, поставленных на очередь военной и послевоенной экономикой, видное место занимают проблемы налогового права. С одной стороны, громадный рост налогов, не ограничивающийся даже странами, которым, подобно Германии, приходится выплачивать неслыханные контрибуции. С другой—особые экономические условия, прежде всего падение валюты, господство спекуляции и неустойчивость торгового оборота, в чрезвычайной степени затрудняют установление справедливых и целесообразных ставок обложения. К этому присоединяется унаследованная от военного времени привычка разрешать диск-

*) Б. А. Кистяковский. Предисловие к русскому переводу книги Г. Еллинека «Конструкции, их изменения и преобразования» стр. XIII. СПБ. 1907 г.

**) С. А. Котляревский. Развитие международных отношений в новое время, стр. 100. Москва 1922 г.

*) Б. Э. Нольде «Лига народов» в журн. «Международная политика и мировое хозяйство», № 5 за 1918 год.

рекционным путем административных распоряжений вопросы, где индивидуальные интересы сталкиваются с реальными и воображаемыми требованиями государственной пользы. Но в то же время безмерно увеличилось искусство частных лиц уклоняться от выполнения этих требований, в частности изворотливость их в налоговой области. Книга Лиона преследует, как указывает автор в предисловии, чисто практическую цель—уяснение различных спорных вопросов, встречающихся в практике, но, несомненно, она имеет и теорический интерес.

Прежде всего автор выдвигает общие проблемы материального налогового права. Сюда относится, во-первых, влияние инфляции. Местный орган административной юстиции уже признал, что нелепо при взимании налогов на прирост ценности считать бумажную массу 1921 г. реализованной с золотой оценкой 1905 г. В действительности налог на прирост ценности признает возможность падения ценности денег на $1^1/_2$—2%, но никто не думал, что может быть падение на 1000% и еще большее. Очевидно, что, при невозможности перейти к твердой валюте, должен быть достаточно частый пересмотр всякого рода ставок налога, взимаемого с имущества и дохода. Далее, налоговое право Германии не учитывает в должной мере роли тех заместителей, которые заступают место подлинной заинтересованности лица (Treuhändler). Современный правовой оборот не может обойтись без них. Между тем, если при взимании прямых налогов принимается во внимание чисто служебная роль этих заместителей, то законодательство о налогах косвенных ее игнорирует. Здесь налоговое право просто отстало от условий оборота. Стремление во что бы то ни стало увеличить налоговые поступления сказывается между прочим и в том, что всякий обмен рассматривается, как двойная сделка купли—продажи. Если обмениваются два совершенно равноценные участка земли, то не только дважды уплачивается 6% налог на переход недвижимой собственности, но и налог на приращение ценности. Более сложный, но все же аналогичный случай является при обмене акций, обмене обязательств и т. д. Если здесь ничего нельзя возражать против налогов, имеющих в виду простую передачу собственности или имущества (Grunderwerb—Umsatzsteuer) то совершенно не подходят сюда налоги взимания с обогащения.

Здесь же автор поднимает чрезвычайно важный для Германии вопрос о вредных последствиях, которых не может не иметь увлечение фискальной точкой зрения в области налоговой политики для внешней торговли. Примером здесь автор приводит новеллу 8 апреля 1922 г. к закону о налоге с обществ, по которому этот налог уплачивает всякое иностранное общество, имеющее право юридического лица в Германии, если оно имеет там постоянного представителя. Автор считает, что эта мера не соответствует духу самого закона, препятствует открытию агентур и представительств иностранных обществ в Германии и грозит для представительств германских обществ за границей соответственными репрессиями. Надо сознаться, что при условиях Версальского мира, ставящего германские общества и предприятия в столь неблагоприятные условия конкурренции, соблазн облагать иностранные общества довольно понятен, хотя в данном случае, как и в случае обложения иностранной фирмы, имеющей какое-либо касательство к Германии,—хотя бы содержащей здесь комиссионера для продажи товаров,—и является нецелесообразным.

С другой стороны требуют пересмотра и административных мер, направленных против обхода налоговых законов. Высшие судебные инстанции Германии держались здесь до сих пор принципа, что гражданин должен нести только те обязанности и тяготы, которые на него возложены законом. «Положение о взимании имперских налогов» открывает здесь широкий простор, давая совершенно неопределенное и растяжимое понятие обхода закона, относя сюда и злоупотребления формами гражданского права. Злоупотреблением же признается всякий случай, когда закон облагает хозяйственные отношения, получившие соответственную им гражданско-правовую форму, а стороны избирают формы несоответственные и необычные. Особенно опасен § 50 «Положения», где вопрос о личности собственника данного предмета или о составе его имущества предлагается разрешать не столько по соображениям гражданско-правовым, сколько по хозяйственным. Вместе с тем здесь устанавливаются весьма суровые уголовные санкции даже при простой небрежности со стороны плательщика и при отсутствии у него какого бы то ни было dolus. Кара постигает даже наследника, если он узнает, что его наследодатель совершил, хотя бы по небрежности, наказуемый обход налогового закона и в течение 6 месяцев не сделал соответствующего заявления. Тем опаснее крайняя неопределенность вышеуказанных понятий «злоупотребления», «соответствующий», «обычный», «правовая форма» и т. д., все это каучуковые понятия. Тем более, что в столь необычное время, как настоящее, при совершенно новых экономических условиях, при невозможности гражданско-правового законодательства поспевать за этими меняющимися кон'юнктурами, критерий обычности совсем непригоден и может быть истолкован, как требование самой пагубной рутины. Правда, положение допускает и необычные формы, разони обеспечивают больший хозяйственный результат. Однако наличность этого результата очень часто не может быть усмотрена на слишком коротком промежутке времени, а запрет уже есть налицо. Наконец предоставление агентам фиска руководствоваться в разрешении правового вопроса соображениями не правовыми, а хозяйственными, также чрезвычайно опасно. Можно ли ожидать здесь с их стороны достаточного бес-

пристрастия и сумеют ли они отличить от этих хозяйственных соображений буквально понятые интересы фиска?

Лион оговаривается, что он вполне признает те тяжкие условия германской жизни, ту необходимость всячески нажимать налоговый пресс, которая вызвала это законодательство о налогах и которая особенно поддерживает действующую налоговую практику. Он понимает историческую обоснованность этого финансового милитаризма. Последний обнаруживается и в этих обысках, выемках, наложениях ареста на имущество, к которым так охотно прибегает современное германское налоговое законодательство. Но когда и слабая неисправность отдельных лиц приводит к тому, что налагается арест на денежные средства и запасы целого обширного предприятия и оно должно остановиться, а с ним и другие, связанные предприятия начинают испытывать величайшие затруднения, это становится настоящим хозяйственным бедствием. Большие злоупотребления связаны и с проверкой книг, когда и средства обычной бухгалтерии в современных условиях оказываются явно недостаточными. Широкий простор, предоставляемый здесь доносам, часто исходящим от конкуррентов, есть признак упадка самой государственной организации, которая начинает пользоваться такими средствами. Сверх того, на злоупотребления финансового агента можно жаловаться только его начальству. Особый финансовый суд еще не существует—следовательно, пока нужно было бы существенно ограничить компетенцию финансовых агентов и передать эти дела общим судам, а в то же время поспешить с созданием такой финансовой юстиции, которая, удовлетворяя общим правовым требованиям, обладала бы и необходимой здесь специальной компетентностью. Автор ссылается здесь на резолюции с'езда немецких юристов, которые указали на безусловную необходимость изменения положений о взимании налогов и вообще существенного смягчения этого финансового милитаризма. Замечательно, что около $^3/_4$ постановлений об арестах, сделанных местными финансовыми органами, высшими инстанциями были отменены. Вообще говоря, в этой области оказалось такое напряжение репрессивной деятельности государства, при котором гражданин, правильно или неправильно заподозренный в нарушении налоговых законов, в смысле обеспечения личности, находится в худшем положении, чем обычный уголовный преступник.

Совершенно неудовлетворительно поставлено и дело оценок: оне устанавливаются финансовыми органами произвольно, вовсе без производства, без того тщательного обследования, которого требует закон! Проверка книг делается по всякому ничтожному поводу. Самая процедура подачи деклараций необычайно затруднительна в современных условиях, ввиду слишком коротких сроков. Финансовый агент посылает длиннейший список вопросов, ответить на которые можно только по детальном обследовании предприятия, — притом вопросов о ходе этого предприятия за два года—и дает сроку только 8 дней. Вообще, финансовые агенты весьма склонны требовать слишком подробных показаний плательщика, а иногда даже сведений относительно других лиц. И от коммерческой тайны, даже понимаемой весьма ограничительно, здесь ничего не остается. Слишком произвольна и власть этих агентов налагать штрафы за опоздание при подаче требуемых сведений, независимо от причин этого опоздания.

Что касается уголовных санкций, то автор признает, что понижение налоговой морали неоспоримо и есть, конечно, результат некоей общей деморализации, которую принесла война. При этом в январе 1920 г. дана была даже своего рода амнистия за старые налоговые нарушения. Однако, эта амнистия едва ли не уравновесилась теми отчаянными переоценками налоговых недоимок, которые были произведены фанансовыми агентами. Затем, чрезвычайно широко применяется конфискация. При этом имущество, которое скрыто плательщиком, не только полностью конфискуется, но с него берется повышенный налог на приращение стоимости и, сверх того, штраф, достигающий 5-кратного размера неуплаченного налога. Получается тройная конфискация. И здесь не имеется в виду случай исключительно преднамеренного сокрытия. Об'яснение, что конфискация не есть уголовная кара, дела не меняет. Нужно помнить, что последствия этой конфискации поражают не только виновного—ей подвергается, например, имущество опекаемого, если опекун его скроет.

Эти общие соображения автор аллюстрирует рядом случаев, которые он об'единяет под словом «curiosa». Они действительно заслуживают этого обозначения. Сюда относится требование финансового агента, обращенное к одной даме полусвета, указать ее поклонников, сделавших ей ценные подарки, взыскание более 150% с полученной суммы, признание, что за постельное полотняное белье должен уплачиваться налог на роскошь, если украшения на этом белье составляют не менее $^1/_5$ его поверхности, и т. п., требование финансового агента мест в опере, дабы следить за лицами, которые скрывают свои высокие траты и т. д.

В остальной части своей книги Лион разбирает вопросы оценки и вопросы, связанные с видами отдельных налогов, взимаемых с промышленности, с недвижимой собственности, налога на наследство, подоходного и пр. Здесь дается богатый материал относительно налоговой практики в современной Германии.

Несомненно, что Лион в своей реакции против финансового милитаризма не всегда доценивает фискальные нужды государства, поставленного в такое положение, как Германия. Но во всяком случае здесь высказано много мыслей, над которыми должен

задуматься всякий, интересующийся налоговой политикой и понимающий все опасности, связанные такой исключительной точкой зрения.

С. Котляревский.

J. W. Hedemann. Schuldrecht des bürgerlichen Gesetzbuches. Berlin und Leipzig 1921. Vereinigung wissenschaftlicher Verleger. XXIV+410. (Из серии «Grundrisse der Rechtswissenschaft. Bd. 2).

Автор нового курса обязательственного права известен в цивилистической литературе своей работой «Die Fortschritte des Civilrechts im XIX Jahrhundert» Berlin 1910. Небольшие по об'ему (XXIV—140—11 стр.) «Fortschritte» не дают каких-либо особо важных, «открытий», но тем не менее любопытны в смысле оригинальной постановки вопросов, интересных обобщающих обзоров, подводящих итоги развития гражданского права на протяжении 19-го века, и т. п. В книге, предназначаемой (хотя бы отчасти) служить учебным целям, по этой именно причине меньше простора для выражения оригинальных точек зрения, чем в монографической работе: заботы автора направлены в этих случаях прежде всего на то, чтобы познакомить читателя с состоянием данной науки, при чем на первый план, естественно, выступают более или менее установившиеся и окрепшие положения в науке, а на этом пути есть опасность потерять чувство меры и сбиться на готовый шаблон. Hedemann в реферируемой книге счастливо избежал этой опасности. Его новый труд «Schuldreht des bürgerlichen Gesetzbuches», как с точки зрения плана построения книги, характера и приемов изложения, «научного стиля», так и по существу содержания производит приятное впечатление свежести и оригинальности. Останавливаясь, в частности, на плане книги, нельзя сказать, чтобы Hedemann вообще открыто порвал с системой II книги Герм. Гражд. Улож., посвященной обязательственному праву. В предисловии автор раскрывает по этому поводу коллизию стремлений и интересов исследователя и педагога. В качестве исследователя он не удовлетворен строением обязательственного права в Герм. Гражд. Уложении, воспроизводящим почти целиком систему учебников Пандект 19-го века; если, при самом издании уложения, в его обязательственном праве не сполна нашли себе выражение и удовлетворение потребности хозяйственной жизни, вследствие чего проблемы обязательственного права ставились и разрешались потом в ряде дополнительных специальных законов, то за последнее десятилетие, в связи с резкими переменами в социально-хозяйственной жизни и законодательстве, принесенными войною и революцией, II-ая книга B. G. B. вовсе устарела, и для исследователя заманчиво, отрешившись от B. G. B. построить совершенно новую систему. Признавая, таким образом, в качестве исследователя, дефектность и устарелость обязательственного права уложения, Hedemann, как педагог, считает себя обязанным, по его собственному выражению, взять для своего курса за основу именно систему B. G. B., Впрочем, на поверку оказывается, что это его утверждение имеет довольно условный смысл. Автор заявляет, что он старается не отходить слишком далеко от построения Гражд. Уложения, но нужно сказать, что он характеризует свой замысел слишком осторожно: можно, пожалуй, согласиться, что Hedemann не перевертывает систему B. G. B., т. сказ,, на голову, но что он отходит от нее на весьма приличное расстояние, это не подлежит спору. Именно, Schuldrecht распадается у Hedemann'а на три главнейших части: 1) существо обязательственного права, 2) отдельные виды (типические случаи) обязательств, 3) общие учения (т. наз. общая часть) обязат. права. Это построение задумано автором так, чтобы в первой части дать такой материал, из которого вытекали бы как специальные виды обязательств, так и общие положения относительно обязательств. При этом автор предпочитает предпослать конкретный материал специальной части обязательственного права более абстрактным положениям общей его части. В последнем отношении Hedemann не является новатором: достаточно назвать хотя бы Krückmann. Institutionen des bürgerl. Gesetzbuches, Gött. 1898, еще четверть века тому назад настаивавшего на том, что с чисто дидактической стороны ошибочно соединять в общей части понятия пропедевтического характера и высшие юридические понятия, а также излагать теорию юридических сделок раньше конкретных сделок, так как подобная система изложения делает для слушателя и читателя юридические понятия безжизненными. Можно даже признать, что Hedemann несколько сворачивает (по сравнению с тем же Krückmann) в сторону общепринятой системы расположения материала: он полагает, что после первой части можно, без особого ущерба для усвоения, читать прямо третью часть, и только затем вторую, так как по его мысли из первой части (Das Wesen des Schuldrechts) должны одинаково вытекать и вторая и третья части. Что же отнесено к этому «существу обязательственного права», играющему роль такого солидного фундамента? После предварительных замечаний о положении обязательственного права в общей системе уложения, о строении обязат. права в Уложении и, в реферируемой книге, Hedemann дает в первой части две главы: первая озаглавлена «Значение обязательственного права в человеческой жизни и в общем правопорядке», вторая трактует «об элементах, из которых составляется обязательственное отношение». В первой главе автор останавливается, между прочим, на следующих вопросах: о хозяйственном и культурном значении обязательственного права, о юридическом формовании обязательственного права и, что особенно интересно, на вопросе о влиянии на обязательственное право войны

и революции. В посвященном последнему вопросу параграфе (3-ем) автор дает, с одной стороны, картину тех конкретных изменений, какие, действительно, наступили за время войны и революции (колебание существующих договоров, ограничение круга имуществ, подлежащих распоряжению, проникновение идеи социализации), а, с другой стороны, обрисовывает влияние войны и революции на общий характер обязательственного права, при чем выдвигает следующие основные моменты: сокращение договорной свободы, возрастающее воздействие публично-правовых элементов, принцип обязательности заключ. договора (т. н. Kontrahierungszwang). Вторая глава первой части (об элементах, составляющих обязательственное отношение) содержит три параграфа, из которых один (4-й) посвящен предмету обязательственного отношения (при чем попутно автор останавливается,—что делают, к сожалению, очень немногие авторы,—на понятии делового оборота), другой (5-й)—участвующим в обязательственном отношении лицам и, наконец, третий (6-й)—говорит о связи, которая устанавливается в обязательстве. Здесь, между прочим, трактуется вопрос об источнике обязательства в более углубленном смысле корней обязательственного отношения, выясняется взаимоотношение моментов воли сторон и об'ективного правопорядка, при чем автор определенно становится на сторону теории об'ективного правопорядка. В связи с практической необходимостью известного посредничества между об'ективным порядком и суб'ективным воздействием на отношения сторон, автор затрагивает очень важную проблему, в какой мере судья влияет на образование обязательственного отношения; Hedemann констатирует растущую потребность в так называемом Gestaltungsrecht, сказавшуюся уже в Гер. Гр. Ул. 343, 655 и др. Далее автор анализирует самое строение обязательственной связи, выясняя в этом разрезе, между прочим, синаллагматические и абстрактные обязательства; наконец, он уделяет внимание вопросу о силе связи (принудительное исполнение, иск, отделение ответственности от долга). Вообще, параграф об обязательственной связи задуман очень оригинально и широко и выполнен, в основных чертах, удачно.

Вторая часть книги (отдельные обязательства) менее оригинальна в своих составных элементах, но любопытна классификацией обязательств. Все виды автор распределяет по трем группам: 1) обязательства, направленные на предоставление имуществ, 2) обязательства относительно содействия в образовании и сохранении имуществ, 3) обязательства, направленные на устранение или сглажение (Ausgleich) неправомерных и неясных положений права. Первая группа (обязательства о предоставлении имуществ) классифицируется по следующим рубрикам: окончательное предоставление имуществ (купля, мена и друг. возмездные отчуждательные договоры, дарение и обещание дара, игра и пари), предоставление на время (имущественный наем, аренда, ссуда), предоставление кредита (заем, договор о будущем займе, страховой договор, признание долга, обещание долга, бумаги на пред'явителя, перевод, чек, поручительство, закладной договор). Обязательства, сводящиеся к содействию в создании и сохранении имуществ, состоят из двух видов: трудовых договоров (рабочий договор, подряд, договор об услугах, издательский, договор о посредничестве, хранение, поручение, забота о чужих делах без поручения) и обязательств с централизующей тенденцией (право хозяйственных союзов, товарищества, общение, новые формы хозяйственного об'единения: синдикаты, тресты и пр.). Своеобразна постановка последней группы обязательств: устранение неправомерных и невыясненных правовых положений (мировая сделка, неправомерное обогащение, обязательство пред'явления вещей, обязательство из недозволенных действий). Не все в этой схеме можно принять без сомнений; так, напр., понимание страхового договора, как сделки о предоставлении кредита, довольно сомнительно: но, в общем, эта схема приемлема: в частности, при этой классификации, удачно разрешается вопрос относительно места для договора товарищества. Наконец, последняя часть (общие учения), хотя и отличается некоторыми оригинальными чертами в распределении материала, все же отступает от общепринятого шаблона не так резко, как две предыдущих части. В приложении трактуются вопросы международного частного права в области обязательств, а также значение в этой сфере мирного договора.

Изложенное позволяет, думается, признать, что новая работа Hedemann'а выгодно отличается от установившегося трафарета свежестью замысла, компановкой материала и т. п. Именно в этом, в оригинальном замысле построения, в своеобразном комбинировании и систематизации, открывающих, по выражению самого автора, путь к научной «нови»,—заключается, на наш взгляд, главное достоинство реферируемой работы. Этим мы не хотим сказать, что в смысле исполнения замысла, по самому существу, по содержанию своему, книга Hedemann'а не представляет интереса. Автор стремится (и в большинстве случаев не без успеха) так обрисовать обязательственное право, чтобы чувствовалась вся его многогранность, вся его неразрывная связь с житейским водоворотом. Излагая отдельные институты, отдельные явления обязательственного права, Hedemann далек от сухих схоластических формул, он всегда обращает внимание на культурное и хозяйственное значение явлений, на их функционирование, действительное проявление в жизни. Напр., автор останавливается (стр. 8 и сл.) на значении обязательственного права для внутренней политики (роль обязательственного права в разрешении жилищного, аграрного, финансового вопроса, значение обяз. права для достижения хозяйственной живости и т. д.), для внешней политики (связь между состоянием обяза-

тельственного права и большим или меньшим притоком иностранных капиталов) и т.д. Наряду с этой общей положительной чертой изложения Hedemann'а, по всей книге рассеяны интересные штрихи, которых не передать в краткой рецензии.

Есть, конечно, и недочеты. Автор скуп на исторические экскурсы и недостаточно широко пользуется судебной практикой; вовсе отсутствуют литературные указания. Отдельные положения, выдвигаемые автором, способны вызвать известные сомнения. Так автор признает допустимым (стр. 64—65), в дополнение к искам, предоставляемым покупщику по поводу недостатков проданной вещи, не только общий иск на основании B. G. B., 276 (об ответственности должника за умысел и небрежность), но даже и деликтный иск; в чем заключается необходимость такого переплетения договорной и деликтной ответственности, из изложения не видно; к тому же, в главе о неправомерных действиях (стр. 240), автор и сам становится ближе к общепринятому тезису, что деликтное обязательство имеет место или при отсутствии, или за пределами договорных отношений (между прочим, в главе об имущественном найме по поводу ответственности наймодателя за недостатки предмета найма, аналогичного замечания не имеется). Не вполне удовлетворяет изложение вопроса о трудовых договорах; нет достаточно выпуклого отмежевания трудового договора в тесном смысле от подряда и других договоров о труде (как это сделано хотя бы в книге Л. С. Таля «Трудовой договор»); с другой стороны, рабочий договор не приведен в согласование с договором найма услуг; напрашивается научное обобщение; смелый новатор в других случаях, Hedemann в этом вопросе оказался чрезмерно связанным положительным материалом германского права. Некоторым видам обязательств вообще както не посчастливилось: напр., договору поручения отведено непропорционально мало места, и в результате это правоотношение осталось плохо освещенным (вместе с тем, как раз в этом параграфе 27 есть любопытная страничка, посвященная попечению о чужих делах в качестве составного элемента в других правоотношениях—товарищества, душеприказчичества и т. д.).

Не останавливаясь на других возражениях, которые может вызвать книга Hedemann'а, еще раз повторим, что общее впечатление, оставляемое ею на читателя, благоприятное: книга задумана интересно и написана, в общем, удачно.

И. Новицкий.

П. Я. Гуров. Земельный кодекс РСФСР в вопросах и ответах. Издание 3-е НКЗ 1923 г.

Автор полагает, что его работа нужна будет не только земледельцу, но также и каждому земработнику и политработнику, которому придется проводить кампанию по раз'ясненню земельного кодекса. Что для последней категории деятелей (политработникам) книжка облегчит задачу, предлагая готовые формулы для ответов на вопросы политического и агитационного порядка, доказывается фактом третьего ее издания; компетентность составителя также вне сомнения. Но едва ли эта книжка, «написанная для земледельца, которому необходимо знать свод земельных законов», может и должна заменить этот свод.

Может ли? В этом сомнение вызывает отсутствие конкретных, так сказать, будничных вопросов-ответов повседневной жизни, напр. в главе «о порядке рассмотрения земельных споров» совсем отвлеченно, без пояснений, изложена компетенция земельных комиссий; отсутствует вопрос об обжаловании преступного превышения или бездействия власти, о прокуратуре и т. д. В отделе о дворе и о земельном обществе не детализировано отличие от бытового уклада функций сельского общества и крестьянского двора; не выявлены признаки и условия признания земельного участка «пустующею землею», а этим понятием автор оперирует нередко и притом вне связи с малоземельем и т. д.

Должна ли? Ответ может быть только отрицательный. У нас нет привычки заглядывать в текст закона, нет потребности доверять собственному непосредственному ознакомлению с текстом закона ранее обращения к власти или юристу за толкованием. Поэтому все пути, усугубляющие означенную привычку, а не искореняющие ее, нужно признать нежелательными. Автор считает, что «статьи закона, которые по необходимости написаны в краткой и сжатой форме, непременно требуют раз'яснения», *но вместо раз'яснения* подставляет *свой текст* закона тоже краткий и сжатый, тоже не выпуклый и не везде популярный.

Цена книжки не обозначена, в Москве она продается по 5 р. 10 к. Она напечатана слишком размашисто и могла бы, при желании, занять вдвое меньше бумаги и тогда продаваться дешевле. К тому же форма вопросов и немотивированных, обобщенных и лаконичных ответов ничуть не сообщает этой книге наглядности и рельефности, свойственных обмену мнений.

В. С. М.

Адресная книжка кооператора. 1923 г. Изд. Центр. т-ва «Кооперативное Издательство» в Москве. Цена не обозначена.

Книжка распадается на 4 части: рекламные об'явления в начале и конце, общая часть, кооперативная, справочная. Общая часть содержит адреса центральных и местных государственных органов в Москве, куда включены также, во-первых, «ученые, учебные учреждения, общества» (далеко, впрочем, неполно и довольно случайно), во-вторых банки, биржи, профессиональные организации и тресты. Кооперативная часть перечисляет союзы всех видов кооперации всей России, представительства их в Москве, кооперативные общежития в Москве

и т. д. Справочная часть указывает вокзалы и станции Московского узла, трамвайные линии, расписание поездов, гостинницы, театры, музеи, почтово-телеграфные конторы в Москве, указатель телефонов кооперативных работников и т. д.

Книжку нужно признать полною и полезною; опечаток почти нет, фамилии не искажены (кроме 2—3 случаев); справочные сведения расположены удобно и доведены до самых последних недель.

Можно пожалеть, что не везде указаны юрисконсульты (напр. в банках, во Всероссийском Союзе промысловой кооперации), не отмечены адреса нотариальных контор, районы отделений милиции и прокуратуры, а также народных судов и даже Советов.

В. С. М.

А. Ф. Кони. Память и внимание. (Из воспоминаний судебного деятеля). Петроград. Изд. «Полярная звезда». Цена не обозначена.

Книжка маститого автора появилась как нельзя более кстати. Она представляет собою перепечатку его работы, помещенной в Сборнике (из серии «Проблемы психологии»), носившем название «Ложь и свидетельские показания». Статья тогда была озаглавлена «*Свидетели на суде*». Но хотя она сейчас воспроизведена без изменений, новое заглавие точнее передает ее содержание, чем прежнее, так как содержание ее относится не к одним свидетелям. Анализируя переоценку содержания и методов уголовного расследования, А. Ф. Кони отмечает все значение личности судьи. «Чем разностороннее образован судья, тем менее предстоит ему опасность впасть в рутину и самодовольно успокоиться на аккуратности механического отправления службы без всякого признака «святого беспокойства» о правде в порученном ему деле»; если он любит свое дело, если он приступает к исполнению судебных обязанностей с сознанием их возвышенного значения и своей нравственной ответственности,— он усилит свои теоретические познания вдумчивою наблюдательностью и выработает в себе навык в распознавании свойств свидетелей и уменье делиться своим опытом в слове и на деле с присяжными заседателями». А судья, не облегченный участием последних? Он должен быть еще более образован, еще более об'ективно разносторонен, ибо ему приходится мотивировать приговор, резюмировать в нем существенные обстоятельства дела, устранять одностороннее толкование их сторонами, сделать юридическую оценку к выводу о силе доказательств. «При этом ему конечно приходится касаться свидетельских показаний и речей сторон, являясь, так сказать, свидетелем этих показаний и этих речей». Тут нужны напряженное *внимание и память*, т. е. свойства, обусловливающие качество свидетельского рассказа в смысле или судебного доказательства, или же напрасного балласта. «Если рассказ свидетеля о слышанном и виденном может незаведомо для него передавать то и другое в искаженном или неверном виде, то насколько же больших гарантий требует *рассказ судей* о том, что им пришлось выслушать, излагаемый в форме исторической и аналитической части приговора?»

Преступление изменяет *статику жизни*; перемещая или истребляя предметы, прекращая или искажая обладание ими, разрушая временно бытовой уклад и т. д. На это направлена преступная *динамика*, т. е. действия влияния, упущения—к тому, чтобы нарушить статику. Если установить первое бывает можно об'ективными способами, немыми вещественными доказательствами, то второе понять и выявить почти никогда не удается без показания свидетелей, экспертов, пострадавших, обвиняемых, особенность внимания которых, свойство наблюдательской восприимчивости, отличительные черты запоминания, удержание в памяти, способность воспроизвести наблюденное воспоминанием и оживить в словесном рассказе—вот что нужно учитывать и судье в судебном процессе, и историку при изучении мемуаров, автобиографий и т. д. Вот почему не каждый человек и не обо всем может быть на суде достоверным свидетелем и не каждый может быть истинным судьею, ибо «несомненно, что *критический анализ* судьи должен быть направлен на все стороны свидетельского показания, определяя в последовательном порядке его относимость к делу как доказательства, его пригодность для того или другого вывода, его полноту, правдоподобность, искренность, и, наконец, достоверность», а ведь не каждому человеку присуще в одинаковой мере критико-аналитическое дарование, не у каждого способность умственная подчиняет себе силы чувства.

А. Ф. Кони, на основании собственного опыта и изучения специальной литературы, очень интересно, живо и для каждого судебного деятеля поучительно—останавливается на родах и видах *внимания*, в связи с последствиями и отражениями на судебных показаниях. Из *общих свойств* свидетельского внимания он иллюстрирует причинную связь их с темпераментом, полом, возрастом, навязчивыми идеями, физическими недостатками свидетеля. Среди тонких наблюдений автора, рассыпанных здесь, можно, напр., указать предостережение его не считать сознательною фальшью, если свидетель не точно обозначает время преступного действия, ибо опытами Дюгаля установлено, что «мужчинам время кажется длиннее на 35%, женщинам же на 111%». Стоит из практики следователей и судей вспомнить ежедневные их требования, обращенные к обвиняемым, потерпевшим или свидетелям о точном определении времени под угрозою счесть их рассказ ложным, чтобы понять всю практическую ценность подобных предостережений. В связи с напоминанием о существовании у людей навязчивых идей, автор рекомендует осторожность в оценке поведения свидетеля на суде. Замешательство, неуместная

улыбка, нелепое заключение, покраснение и т. д. не всегда обнаруживают желание скрыть истину. «Надо в этих случаях слушать, что говорит свидетель, совершенно исключая из оценки то, чем оно сопровождалось» на суде, и не надо добиваться ответа о том, чего внимание свидетеля не охватило, а может быть, и не способно охватить. Добиваться тут точности математической—значит толкать на ложь. И ту же осторожность надо соблюдать относительно допроса потерпевшего и обвиняемого.

Индивидуальные особенности внимания стоят в связи с духовным складом людей. Сосредоточенное внимание бывает «эгоцентрическое», когда человек подмечает и запоминает все, делая себя центром, или «эгобежное» когда он интересуется окружающим не во внешних подробностях, а улавливая общий смысл. Первый невольно сосредоточивается на передаче того, что он сам делал или чувствовал, второй же на том, что случилось кругом с другими. Понятным и естественным должно быть иногда разительное забвение одним из наблюдателей того, что другой в том же событии запомнил отчетливо, и наоборот. И непростительно поэтому судье допытывать обвиняемых или свидетелей о неуловленных подробностях, подозревая умышленную ложь или утаивание. Таким же образом и рассеянное внимание может быть центробежным и центростремительным, только наблюдения тут идут не по прямой дороге, как у сосредоточенного человека, а зигзагами, цепляясь за второстепенное. Показание рассеянного может поразить с первого взгляда полнотою, но то мнимая полнота.—«Опытный судья предпочтет им неполное в частях, с пробелами и запамятованиями, показание свидетеля, чувствующего живо и, ввиду разноценности впечатлений различно на них реагирующего», но, распознавая людей, судья не станет выпытывать то, о чем добросовестного, ненадуманного ответа человек дать не в состоянии. В краткой рецензии нельзя передать всех метких наблюдений, какие приведены в данной книге относительно свойств внимания и наблюдательности у того, кто умеет слушать других и кто не умеет; кто вспыльчив и кто запальчив; кто властвует над собою и кто поддается внушению, и т. д. Попутно А. Ф. Кони ссылается здесь на свойства внимания Евгения в «Медном всаднике» Пушкина, Раскольникова в «Преступлении и наказании», Достоевского, Позднышева в «Крейцеровой сонате» Толстого, Крестьянки» Тургенева... Все это ценные вехи на путях судейских розысков правды, которые заставят судей «держать себя в струне» и не стремиться своими допросами об'ять необ'ятное.

В природе—затишье перед бурей, у потерпевшего бывает тоже затишье перед протестом. Оскорбленный иногда реагирует сразу, а другой собирается с духом прежде, чем воспрянуть,—в эти минуты, а иной раз, довольно длительно, он только кажется «таким, как всегда», в действительности же окружающее для него не существует. «Берите (убеждает А. Ф.) из показаний такого потерпевшего то, что сохранила его память до наступления в его душе «шума внутренней тревоги», и не смущайтесь в оценке правдивости его слов тем, что затем внимание ему изменило». Подобно этому ослабевает нередко внимание свидетеля, когда он попадает почему-либо в такое положение, что хочется провалиться сквозь землю из-за другого. «В этих случаях человеку с чутким сердцем, страдая за другого, инстинктивно не хочется быть внимательным». И он не утаивает, а попросту не запечатлел всего до конца. И сколько приходится такому свидетелю пережить горьких минут на суде, если следователь или судья не верит, что не до того ему было, чтобы всматриваться или вслушиваться. А моменты обостренности, притупленности или связанности внимания у людей случаются не очень-то редко.

Судье ни на минуту не нужно забывать, что пред ним «предстоит не мертвый фотографический механизм, а живой восприимчивый человеческий организм», что у человека бывает не в каждую минуту активное внимание, бывает дырявая память, разыгрывается фантазия или, наоборот, наступает инертное состояние, когда ни о чем не хочется говорить. «Как часто за внешнею словоохотливостью скрывается скудость соображения и отсутствие ясности в представлениях, и, наоборот, в сдержанном кратком слове чувствуется честное к нему отношение и сознание его возможных последствий».

«Лжец всегда твердо стоит на своем, а правдивец под конец начинает обыкновенно путаться и колебаться, смущенный возникшими сомнениями в правде своих слов. Очные ставки лучше всего это доказывают». Вот мнение А. Ф. Кони, приложимое к ежедневным судейским приемам, широко практикуемым при допросе обвиняемых, свидетелей, потерпевших, экспертов, и подсказываемым следователям и судьям их желанием возбудить в допрашиваемом желание сказать полную правду. Такое почтенное желание кроет в себе не малую опасность. В книге А. Ф. Кони не имеется анализа допустимости или вреда так называемых «наводящих вопросов». Но ознакомление с очерком А. Ф. Писемского «Русские лгуны» или с рассказом Анатоля Франса «Крэнкэбиль», не говоря уже о специальной научной литературе, начиная с Бентама (О судебных доказательствах),—дает серьезное предупреждение против легкого пользования ими. Ни на минуту нельзя и не должно забывать судье, что воспоминание не только акт воли, но и способность представления, что «судебная практика представляет много случаев, где пустое и незначительное обстоятельство сразу склоняло весы в ту или другую сторону, п. ч. замыкало собою цепь оправдательных или обвинительных соображений, слагавшихся среди сомнений и колебаний»; что на суде должно однако быть твердо обеспечено «получение доказательств без посторон-

них примесей»; что настойчивые вопросы судьи могут волю свидетеля настроить в том направлении, что, поддавшись незаметно для себя психическому воздействию, допрашиваемый перейдет от «так могло быть» к «так должно было быть» и, наконец, к «так было», т. е. свидетель удостоверит не факт, а лишь свой умственный процесс по поводу предполагаемого (мнимого) факта; что несогласно с правосудием принимать доказанным обстоятельство, рассказ о котором испорчен в источнике (внимание) и в движении (припоминание искусственно и принужденно).

Книга А. Ф. Кони выпущена кстати. Она предостерегает от многих ошибочных приемов и поспешных выводов. Вот почему следователи и судьи прочтут в ней много интересного и практически нужного. Кстати, было бы желательно переиздать полностью весь сборник «Проблемы психологии».

В. С. Малченко.

Dr Karl Birnbaum, Kriminal-psychopatologie. Systematiche Darstellung. (Криминальная психопатология. Систематическое изложение) 1921 г.

Birnbaum, главный врач тюремного психиатрического отделения Herzberge в Берлине, давно уже и справедливо заслужил имя крупного психиатра-криминолога рядом работ, имеющих, как клиническую, так и судебно-психиатрическую ценность. Новый труд Бирнбаума представляет, может быть, особый интерес, прежде всего, как систематическое изложение криминальной психопатологии, а затем и по тем обобщениям, которые являются итогом многолетняго криминально-психиатрического опыта автора. Автор ставит себе задачей «систематическое обозрение всей совокупности явлений, в которых находят свое выражение все отношения правонарушителя к патологическому». Это и есть, по определению *Бирнбаума*, задача криминальной психопатологии. Диапазон ее настолько велик, что не позволяет ему заниматься детальными описаниями криминально-психиатрических явлений, обычными для учебников по судебной психиатрии, но заставляет ограничиваться «строгим расчленением всего судебно-психиатрического матерьяла, разработкой основных криминально-психопатологических связей и установкой общих точек зрения». Вся книга распадается на три главные части, соответственно трем главным кругам криминально-психопатологического исследования.

1-ая часть посвящена криминальной психопатологии в тесном смысле слова; она занимается общими отношениями между психопатологией и преступлением, психопатологической основой, причинами и составом преступления.

2-ая часть—это психопатология наказания, предметом которой является изучение психопатологического действия наказания на преступника, психопатологических проявлений при отбывании наказания и психического влияния наказания на психопатического преступника.

Наконец, третья часть—это криминально-судебная психопатология, которая рассматривает вопросы взаимоотношений между психопатологией и юридическими нормами, судебное понимание и оценку психопатологических явлений на основании этих норм.

Первая часть, по выражению самого автора, составляет фундамент для остальных двух. В этой части автор начинает с рассмотрения отношений психопатологических *синдромов* к преступлению, затем переходит к криминальной психопатологии известных нам форм душевных болезней и психопатических личностей и в заключение поднимает наиболее интересный вопрос о патодиагностическом значении патоформного преступления. Хотя последнее и является только одним из симптомов душевной болезни, однако, диагностического значения оно не имеет. В криминальном отношении большинство душевных расстройств представляются *Бирнбауму* полиморфными. Можно говорить только о предпочтительном типе преступлений при некоторых формах душевного расстройства: так, например, преступлением врожденных плутов будет чаще всего мошенничество, при всякого рода алкогольных расстройствах—преступления, связанные с насилием над личностью и т. п. В этой же части *Бирнбаум* посвящает главу проблеме натуралистической доктрины о преступнике. Врожденного преступника, как его понимает Ломброзо, нет. Имеются разные типы дегенератов, истериков, инстаблей, возбудимых, фанатиков и т. п., неспособных к обычному приспособлению в жизни, и потому, под влиянием внешних неблагоприятных обстоятельств, легко соскальзывающих на путь преступления, а в дальнейшем, опять таки в силу своей больной природы, превращающихся в привычных преступников. Врожденным преступником в тесном смысле слова является дегенерат типа «moral-insanity», но как раз этот тип дегенерации представляется сравнительной редкостью. Нет и специфической криминальной наследственности, есть наследственное вырождение. Замечательно, что самые социальные факторы вырождения—алкоголизм, сифилис и т. д.—часто являются только выражением уже имеющегося налицо вырождения субъекта. Таким образом тут—порочный круг социально-психопатологических явлений. Социальное значение и происхождение вырождения делают то, что и задача психиатра в борьбе с вырождением совпадает с задачами социальной и расовой гигиены.

Вторая часть психопатология наказания обнимает две группы явлений: это 1) душевные расстройства тюрьмы и 2) изменение личности психопатического преступника под влиянием наказания—успех и неудачи наказания. Первая группа явлений определяет психическую сопротивляемость патологического преступника, вторая—его «моральную реактивность» в отношении к действию наказания. Большая часть патологических за-

коренелых преступников обнаруживает в тюрьме склонность к реактивным, психогенным, душевным расстройствам; эта тюремная невыносливость и тюремно-психопатическое предрасположение (диспозиция) представляют собой только признаки общедегенеративной основы патологического преступника. Таким образом, врожденная склонность к преступлению и тюремно-психопатическое предрасположение, как явления вырождения, выражают собой наиболее полно криминально-патологическую диспозицию психопатического преступника. Это и понятно, ибо оба свойства обозначают по существу одно и то же—недостаток способности приспособления к окружающим условиям жизни. Однако, полной и постоянной параллели между тюремной невыносливостью и криминальным предрасположением нет. Реактивно-психогенными психозами заболевают и не предрасположенные криминально преступники. Значение этих психогенных душевных расстройств, в вопросе о вменяемости, по мнению Бирнбаума, невелико, так как они развиваются после совершения преступления и, при благоприятных условиях (больницы), совершенно излечимы, не оставляя следов в психике перенесшего их.

Отдельную главу отводит автор вопросу о симуляции душевных болезней. Тут он присоединяется к общему для большинства немецких психиатров утверждению, что если перед войной симуляция признавалась чрезвычайной редкостью, то теперь военно-психиатрический материал убеждает почти что в противоположном, т. е. в сравнительно частой симуляции душевных болезней. *Бирнбаум* готов даже признать, что некоторые нации, склонные вообще к преувеличениям, как напр., славяне, обнаруживают большую тенденцию и к симуляции. Однако ни одного надежного приема разоблачения симуляции он не дает, а, напротив, указывает, с одной стороны, на существование психопатов, особенно склонных к симуляции, составляющей таким образом один из признаков их патологической природы, а с другой—на переход, путем самовнушения, сознательной симуляции в истинное душевное расстройство, описанное им еще в 1909 г., как «симуляционный психоз».

В главе о действии наказания на патологического преступника *Бирнбаум* подчеркивает, что основные тенденции современного учения о наказании, исправление преступника и защита общества от него вполне совпадают с задачами психиатрии. Однако тюремная невыносливость, неспособность подчиниться общему тюремному режиму, психические расстройства, неисправимость в условиях современной тюрьмы патологического преступника и т. п. выдвигают метод дифференциации и индивидуализации мер наказания или исправления и изоляции и не только по отношению к патологическому, но, совершенно естественно, и по отношению к нормальному преступнику.

В последней части, в криминально-судебной психопатологии, автор довольно много места отдает вопросу о вменяемости. Отбрасывая критерии, вытекающие из этического и философского понимания преступления, он принимает смешанный психолого-психиатрический критерий. Один психологический критерий, базирующийся обычно только на отдельных способностях психики, оказывается всегда односторонним. А так как, согласно мнению Листа, задача законодателя заключается не только в положительном определении понятия вменяемости, но, главным образом, в определении состояний, исключающих вменяемость, то этим самым и показуется применение психо-патологического критерия к вменяемости; этот последний черпается из клинической психиатрии. Психологический же критерий—только известное дополнение к психиатрическому.

Для психопатических личностей *Бирнбаум* принимает уменьшенную вменяемость и частичную условную невменяемость, обосновывая это тем, что психопатия без резких границ переходит в норму, и что некоторые преступления психопатов целиком определяются больной частью их психики (частичная невменяемость). Отрицательно относится он к частичной вменяемости при общей невменяемости, так как она противоречит психиатрическому пониманию душевной болезни, как болезни всей личности.

Отсутствие границ между больной и здоровой душой и совпадение целей и методов во многих отношениях у криминолога и психиатра ставят перед последним (правда, может быть, в будущем) задачу своим психолого-психиатрическим мировоззрением пропитать судебно-пенитенциарную систему первого и тем самым поставить борьбу с преступностью на натуралистическое основание.

Книга Бирнбаума в сжатой форме (всего на 14 листах—212 стр.). но вместе с тем достаточно полно и широко охватывает свой предмет и при этом во всей его современной новизне; это ее достоинство. Но у нее есть и недостаток, свойственный почти всем работам ее автора—это довольно тяжеловесный немецкий язык и некоторая сухость изложения.

Краснушкин.

Светлой памяти В. Г. Короленко—«О голоде».

Сборник статей под редакцией проф. К. Н. Георгиевского, д-ра В. М. Когана и проф. А. В. Палладина. Харьков. Научная мысль. 1922 г. 269 стр.

Инициатива издания этого сборника принадлежит редакции журнала «Врачебное Дело», посвящающей изданную книгу светлой памяти В. Г. Короленко, с именем которого связывается борьба в России с голодом, и который так много сам боролся за жизнь человека. Сборник распадается на две части. В первой помещены статьи с воспоминаниями о В. Г. Короленко, о его болезни, смерти, вскрытии его тела, отрывок из Дневника Короленко о голоде и два очерка о послед-

нем голоде на Украине. Вторая часть может быть названа медицинскою. Здесь более 200 стр. отведены врачами-авторами исследованиям голода с самых различных сторон его влияния. Но большинство этих статей, по их содержанию, имеют не узкий специальный интерес для врача, но широкий общественный для каждого культурного читателя. Таковы статьи А. А. Ивановского—антропол. исследование голодающих, Т. И. Юдина—о расстройстве чувствительности при голодной болезни, Д. Б. Франка—о влиянии голода на психику, Е. К. Краснушкина—подробное исследование случая людоедства, С. И. Винокурова—материалы к сравнительной физиологии питания и др. Отметим также две статьи из первой части. В. Когана «Жуть» и А. Дермана «Будни»—о голодающих детях, о «детях преступниках». Книга богато иллюстрирована фотографиями людоедов и других из голодных местностей и «жутко» смотреть на них. Следует пожелать, чтобы за этим коллективным исследованием поразившего Россию голода, последовали и другие работы, в том числе и социологического характера, в которых чувствуется большая нужда.

Мих. Гернет.

В последней книге Der Gerichtssaal (88 том, кн. 6) заслуживает быть отмеченной статья Альберта Гельвига об истине и вероятности в уголовном процессе.

Основные положения автора заключаются в признании невозможности достижения в уголовном процессе абсолютной истины, в признании относительной правильности судебного приговора и необходимости довольствоваться этим несовершенным приговором, при условии максимальной тщательности и добросовестности судей в отношении разбираемого дела.

Из приведенных в изложенном труде примеров полемики автора с различными теоретиками уголовного процесса, наиболее интересна его полемика с Боденом, который, ссылаясь на данныя экспериментальной психологии об относительной вероятности свидетельских показаний, каковая, по Штерну, равна, при благоприятных условиях, 94%, считает их недостаточным материалом для обвинения. Автор возражает, что если принять во внимание, что безусловное установление истины для суда невозможно, а только известная степень вероятности ее, то и показания свидетелей, при условии строгой проверки, могут служить материалом для того или другого решения, как известная степень вероятности истины.

Другая, а вместе с тем и последняя работа, напечатанная в отделе оригинальных статей журнала, принадлежит Горну «об интеллектуализме и волюнтаризме в наших представлениях о свободе воли».

Автор полемизирует с представителями теории детерминизма, в том числе и с Листом и утверждает, что отрицание свободы воли обессмысливает уголовную кару, как справедливое воздаяние за вину, и делает преступника жертвой, приносимой государством во имя общественного благополучия. Понятие вины низводится к простой формальности, и преступник жертвует свою жизнь, здоровье и свободу на том же основании, на каком и прочие граждане испытывают различные тяготы в интересах государства.

Автор является сторонником теории свободы воли и, опираясь главным образом на положения Вундта, утверждает ее несомненное бытие. Эта свобода воли, которую автор называет автономией, свободой самоопределения, психологической свободой воли, служит, по его мнению, достаточным основанием для оправдания и сохранения понятия вины.

С. Укше.

На помощь ребенку. Издание Центрального Комитета по организации недели беспризорного и больного ребенка под редакцией комиссии по улучшению жизни детей В. Ц. И. К. 55 стр. Петроград 1923 Москва.

Задачею издания этого сборника статей была подготовка недели беспризорного и больного ребенка (с 30 апреля по 6 мая), чтобы, указав на «беспросветное будущее, грозящее ребенку, «обратить на бесприютных детей необходимое внимание и побудить притти к ним «на помощь, пока не поздно». Сборник открывается статьею Н. Семашко, в которой он, между прочим, сообщает результаты обследования московских школьников, питомцев детских домов, садов и т. п. в 1922 г. Питание детей ниже среднего оказалось у 33, 7%, нервные заболевания были обнаружены у 20%, туберкулезом были больны или обнаруживали наклонность к нему 53% детей, больное сердце было у 26%. Автор приводит еще более удручающие цифры о детях из голодающих губерний (Казан. губ.) и, указывая на тяжелое экономическое положение государства, удачно называет детские учреждения больными и беспризорными и призывает на помощь детям путем поддержки этих учреждений. Все статьи сборника, небольшие по их об'ему, посвящены больному или беспризорному ребенку и при том статей первого содержания значительно более. Из статей о беспризорном ребенке помещены две работы г. Хазановой (о детской социальной инспекции и о росте детской беспризорности), В. Куфаева (о следствиях детской беспризорности), Н. Белугина (о помощи в борьбе с детской беспризорностью), Агриковой (о женщине-работнице и детск. бесприз.).

Центральный комитет комиссии при ВЦИК предложил ряд лозунгов в борьбе с детской беспризорностью. Эти лозунги правильно остаются теми же самыми, которые были провозглашены в 1918 г. и от которых неправильно отступил Уголовный кодекс: «нет детей преступников, есть дети больные

и заброшенные». В библиографии указаны работы лишь по охране здоровья детей, и следует пожалеть, что не сделано этого же в отношении беспризорности. Относительно внешней стороны издания, отметим неправильный набор статей одинакового интереса и значения разными шрифтами—крупным и мелким. Нам кажется также неудачным выбор рисунка для обложки: он годился бы на книжку для ребенка, а не на книгу о ребенке для взрослого, так как не останавливает на себе внимания тех широких слоев читателей, в руки к которым должна была бы попасть книга.

Мих. Гернет.

Законодательная хроника.

Дополнение к сводке декретов и постановлений, опублик. с 1 августа 1922 г. до 1 января 1923 г. в «Известиях ВЦИК» и Собр. Узак. и Распор. Правит.,—помещ. во 2 и 3 кн. журнала *).

Бюджеты государств. и местные. Порядок составл. ориент. бюджет. Собр. узак. № 77, ст. 962. Главн. основ. ведомств. фин. смет и росписи государ. дох. и расх. на 1922—23 г. Собр. узак. № 77, ст. 961.

Волховстроительство. Волхов. строительство. Собр. узак. № 72—73, ст. 909.

Государствен. гарантии. Гарантир. прав., капиталов и доход. Русско-Америк. Индустр. Корпорации. Собр. узак. № 78, ст. 979. *Государств. займы.* Условия займа, предост. прав-м Норвегии прав-ву РСФСР. Собр. узак. № 80, ст. 1005.

Государств. органы и учреждения (их структура и функции). Их делопроизводство. Полож. о губ. с'ездах советов и губ. исполкомах. Собр. узак. № 72—73, ст. 907. Положение о ВЦИК. Собр. уз. № 74, ст. 925. Полож. о Малом СНК. Собр. уз. № 75, ст. 927. *Гражданский кодекс.* Гражданский кодекс РСФСР, Собр. уз. № 71, ст. 904.

Денежное обращение. Соотнош. декрета 11 окт. 1922 г. (Собр. уз. № 64, ст. 827) и 25 июля 1922 г. (Собр. уз. № 46, ст. 578)—о праве выпуска Госбанком кред. бил. Собр. уз. № 77.

Золотопромышленность. Частич. натурализ. опл. арендатор. золота в Ленск. районе. Собр. уз. № 77, ст. 965.

Книжное и издательское дело. Продл. монопр. права Госиздат. на изд. русск. классиков. Собр. узак. № 77, ст. 969. *Кредит, кредитные учреждения, Госуд. Банк.* Банк. ссуда ГУТ'у для нефт. промышл. Собр. уз. № 79, ст. 992. *Красная армия и флот.* Ношение за гран. воен. формы РСФСР. Собр. уз. № 81, ст. 1041. Меры обеспеч. воен. моряков красн. флота. Собр. уз. № 75 ст. 933.

Лесное хозяйство, лесосеки. Натурализ. части попенн. платы за пользов. лесосеками. Собр. уз. № 75, ст. 932.

Налоги, пошлины, акцизы, повинности, трудгужповинность, таможни, льготы по налогам и пр. Наследственн. пошлины. Собр. уз. № 71, ст. 905. Порядок проведения трудгужповинн. по ликвид. стих. бедствий. Собр. уз. № 77, ст. 971. Контингенты (погуберн.) единоврем. общегражд. налога. Собр. уз. № 77, ст. 967. Директива ВЦИК'а НКФ'у о мерах к усил. налог. аппарата. Собр. уз. № 72—73, ст. 908. Пониж. тверд. цифр поступл. по проднал. для некот. местн. РСФСР. Собр. уз. № 80, ст. 1022. Поправка к декр. ВЦИК и СНК «об измен. разм. акциз. облож. и став. особ. патент. сбора». (Собр. уз. № 67, ст. 885 и Изв. 28 окт. № 244—1922 г.) Собр. уз. № 81. Доп. к пост. НКФ «о взим. в 1923 г. трудгужнал. в ден. форме» (Собр. уз. № 81, ст. 1027 и Изв. ВЦИК от 19 дек. 1922 г. № 287). Собр. уз. № 81, ст. 1028.

Национализация промышленности и торговли. Право губ'экосо на из'ятие закрыт. частновлад. муком. предпр. и на передачу в польз. сельск. общ-м. Собр. уз. № 76, ст. 944.

Памятники. Сооруж. в Петрограде памятника борцам революции. Собр. уз. № 72—73, ст. 910.

Печать периодическая. Право НК-та Рабкрин на бесплатн. получ. офиц. изд. Собр. уз. № 78, ст 975. *Подряды и поставки.* Инстр. о порядке обесп. исполн. по догов. госуд. подр. и постав. Собр. уз. № 77, ст. 970. Поправка к инстр. НКРабкрин «о порядке обесп. исполн. по догов. госуд. подряд. и постав.» (Собр. уз. № 77, ст 970). Собр. уз. № 80. *Почта, телеграф, радиотел. и телефон. сообщения.* Порядок расчета прав. учр. за почт.-тел. услуги. Собр. уз. № 80, ст. 1021. Поправка к «инстр. о льгот. пропуске почтов. посыл. с продов. одеждой и предм. дом. обихода» (Собр. уз. № 77, ст. 968 и Изв. ВЦИК 8 дек. 1922 г. № 278). Собр. уз. № 81. *Продовольств. органы, фонды и их расходов. Заготовки.* Заготовки хлеба в 1922 г. Собр. уз № 77, ст. 966. Порядок расходов, хоз. органами продов.

---

*) Печатается с опозданием в виду позднего выхода в свет последних №№ Собр. Узак. и Расп. Прав. за 1922 г.

фонда (полож.). Собр. уз. № 81, ст. 1032. *Публикация.* Порядок публич. отчетн. и обязат. публикаций в газ. «Экон. Жизнь», (с прил. форм). Собр. уз. № 78, ст. 983.

С'езды Советов. Полож. об губ. с'ездах советов и губ. исполкомах. Собр. уз. № 72—73, ст. 907. *Социальное страхование.* Из'ятие кредитов по соц. страх. из круга опер. отдела вз. расч. Госбанка. Собр. уз. № 80, ст. 1016. *Страхование.* Совет по д. страхов. (Полож.) Собр. уз. № 79, ст. 996. Гл. Упр. Гос. Страх. Собр. уз. № 80, ст. 1000. *Судоустройство и судопроизводство.* Полож. о судоустр. РСФСР. Собр. уз. № 69, ст. 902.

Топливо. Себестоимость и тверд. цены на уголь Подмоск. басс. Собр. уз. № 74, ст. 921. Резерв. дров. фонд ГУТ (Полож.). Собр уз. № 75, ст. 934. *Торговля. промышленность. Торг. и промышл. предпр. частн. и госуд. Внешн. торговля.* Постан., регулир. маслобойн. произв. Собр. уз. № 74, ст. 920. Запрещ. вывоза всех сортов шерсти, годных для обраб. на фабр. в РСФСР. Собр. уз. № 74, ст. 922. Товарные знаки. Собр. уз. № 75, ст. 939. Порядок произв. импорт.—экспорт. операций. Собр. уз. № 76, ст. 945. Поправка к декр. СНК «О товар. знаках». Собр. уз. № 80. *Транспорт.* Перечень предм., воспрещ. к перевозке по жел. дор. РСФСР. Собр. уз. № 74, ст. 919. Общие основ. постройки ж. д. под'ездн. путей. Собр. уз. № 75, ст. 938. Порядок рассм. ходат. о сооруж. под'езд. ж. д. путей спец. назнач. Собр. уз. № 75, ст. 931. Согласов. ведом. проект. декр. и постан., касающихся трансп., с НКПС. Собр. уз. № 76, ст. 948. Цент. комитет по перевозкам. Собр. уз. № 79, ст. 985. Доп. ст. 7 Пол. о правл. ж. д. (Собр. уз. № 37, ст. 444). Собр. уз. № 81, ст. 1036. Премиров. ж. д. агентов за успешн. работы по образов. запасов топлива. Собр. уз. № 81, ст. 1037. Порядок постройки ж. д. линий. Собр. уз. № 81, ст. 1038. *Труд. Рабочие и служащие. Заработная плата.* Полож. о расцен.-конфликтн. комиссиях. Собр. уз. № 74, ст. 911. Зараб. плата за ноябрь 1922 г. Собр. уз. № 74, ст. 912. Спец. фонд для увелич. содерж. тамож. служащих. Собр. уз. № 74, ст. 918. Распред. сотрудн., оплач. из гос. средств между центр. и подвед. учр. и размеры некомплекта (Прил. к декр. СНК о мерах сокращ. числа служ. и раб. на госбюдж., распубл. в Собр. уз. № 62, ст. 792). Собр. уз. № 74, ст. 926. *Утилизация.* Отмена декр. 26 мая 1921 г. о порядке использ. кишек убойн. скота. Собр. уз. № 76, ст. 951.

Сводка декретов и постановлений, опубликованных в «Известиях ВЦИК» за первую четверть (январь—март) 1923 г. и в Собр. уз. и распор. правит. с 1 января по 15 марта.

Авансовые выдачи. Порядок измен. пред. норм аванс. выдач в зависим. от изм. курса рубля. Изв. 21 февр. № 39. Предельн. суммы аванс. выдач. Изв. 1 марта № 46. *Администр. взыскания. Администр. высылка.* См. такж. *Чрезвычайные меры охраны револ. порядка* Инструкц. по примен. пост. ВЦИК об администр. высылке. Собр. уз. № 8, ст. 108. Измен. «Полож. о порядке изд. обязат. постан. и налож. администр. взыск.» (Собр. уз. № 48—1922 г., ст. 603). Изв. 14 января № 9. Выговор През. Воронеж. Губисполк. и Зав-му Губфинотд. Изв. 16 марта № 58. *Административное деление РСФСР.* Расширен. границ автон. Дагест. Соц. Сов. Респ. Изв. 14 янв. № 9. Измен. границ Тамб. губ. Изв. 14 января № 9. Границы Автоном. Чеченской обл. Изв. 18 янв. № 12. Административн. дел. Воронеж. губ. Изв. 18 янв. № 12. Районирование Моск. губ. Изв. 30 янв. № 20. Перенесение адм. центра Медвеж. у., Ставроп. губ., в г. Белую Глину. Изв. 30 янв. № 20. Организация район. исполкома в селе Ухта Кем. у. Карельск. труд. ком. Изв. 30 января № 20. Адм. дел. Петрогр. губ. Изв. 17 февраля № 36. Адм. дел. Новониколаевск. губ. Изв. 17 февр. № 36. Адм. дел. Алтайской губ. Изв. 17 февр. № 36. Адм. дел. Челябинск. губ. Изв. 17 февр. № 36. Адм. дел. Иркутской губ. Изв. 18 февр. № 37. Адм. дел автономн. Калмыцк. обл. Изв. 18 февр. № 37. Адм. дел. Орловск. губ. Изв. 20 февр. № 38. Адм. дел. Витебск. губ. Изв. 20 февр. № 38. Упразд. Быховск. у., Гомельск. губ. Изв. 20 февр. № 38. Слияние Рыбинск. и Ярославск. губ. Изв. 21 февр. № 39. Территор. перераспр. в Башкирск. С. С. Р., Екатеринбургск. губ. и Кирг. ССР. Изв. 4 марта № 49. Преобраз. селения Баксан (автоном. Кабард-Балкар. обл.) в г. Баксан. Изв. 9 марта № 53. Адм. дел. Донск. обл. Изв. 17 марта № 59. *Амнистия.* Льготы осуж. женщ. ко дню междунар. «Дня Работницы». Изв. 7 марта № 51. Расшир. действия амнист. к 5 годовщ. Октябрьск. Рев. Изв. 30 марта № 70.

Арбитраж. Допол. пост. ВЦИК и СНК от 21 сент. 1922 г. «О порядке разрет. имущ. спор. между гос. учр. и предпр.» Изв. 6 янв. № 4. Измен. ст. 16 «Полож. о порядке разреш. имущ. спор. между гос. уч. и предпр. (Изв. 23 сент. 1922 г. № 214). Изв. 27 янв. № 18. Сборы, взим. при произв. дел в Высш. и местн. арбитр. комисс. Изв. 27 янв. № 19.

Биржевое обращение товаров и фондов. Биржи. Подведомств. Моск. Тов. Биржи. Изв. 14 февр. № 33. Из'ятие из пост. «о регистр. внебирж. сделок» для догов. нефтепром. орг. с план. потреб. Изв. 9 марта № 53. *Бюджеты государ. и местные.* Открытие кред. на янв. 1923 г. по врем. расход. расписаниям. Собр. уз. № 1, ст. 14. Средства на содерж. домов отдыха. Изв. 4 янв. № 2. Измен. разд. VIII «Перечня расход., подлеж. отнес. на местн. средства» (Изв. 5 сент. 1922 г.). Изв. 6 янв. № 4. Допол. «перечня расход. подлеж. отнесен. на местн. ден. средства». (Собр. уз. 1922 г. № 56, ст. 711). Изв. 14 янв. № 9. Измен. источн. местн. дох. для Моск. губ. Изв. 4 февр. № 25. Измен. перечня местн. налогов и сборов. Изв. 10 февр. № 30. Отчисл. на усиленн. местн. средств 50% наследств. пошл. Изв. 25 марта № 66.

Виноделие и виноторговля. Выделка и продажа наливок и настоек. Изв. 3 февр. № 24. Инстр. о прод. вин распив. в рестор. и столов. Собр. уз. № 8 ст. 114. *Выставки.* Орган. всеросс. выст. предм. художс. промыш. Изв. 16 янв. № 10. Полож. о Всероссийск. художс.-промышл. выст. Собр. уз. № 9, ст. 115. Услов. участ. иностр. на Всероссийск. сел.-хоз. и куст.-промышл. выст. 1923 г. Собр. уз. № 9, ст. 116.

Гавани. Переимен. бухты «Императ. Гавань» в «Советск. Гавань». Изв. 22 февр. № 40. *Гербовый сбор.* Продажа герб. знаков и акт. и векс. бум. в почт.-тел. учр. Изв. 5 янв. № 3. Повышен. облож. герб. сбор. докум. по торг. сделкам вне биржи. Изв. 6 янв. № 4. Повышен. ставок герб. сбора. Изв. 24 янв. № 15. *Горное дело.* Передача Главн. Гор. Упр. дел бывш. горн. упр-ний и подвед. органов. Изв. 14 февр. № 33. *Государственные займы.* Продл. срока погаш. облиг. 1-го Госуд. внутр. краткосроч. хлебн. займа. Изв. 17 февр. № 36. Выпуск 2-го хлебн. займа. Изв. 24 марта № 65. *Государственные органы (структура и деятельность).* Орган. райисполкома в с. Ухта, Кемск. у., Карельск. труд. коммуны. Изв. 30 янв. № 20. Полож. о Наркомате Юстиции. Изв. 4 февр. № 25. Состав Колл. НК-зема. Изв. 3 марта № 48. Особое валютное совещ. при НКФ (орган. и функции) Изв. 10 февр. № 30. Упразд. Псекутск. окр. исполкома автономн. Адыгейской (Черкесск). обл. Изв. 9 марта № 53. Перевод Астраханск. уисполкома в Трусов. фабр. поселок, Изв. 31 марта № 71. *Госуд. сооружения.* Изм. п. б. ст. 3 пост. 26 янв. 1922 г. о Глав. Ком. госуд. сооруж. Изв. 25 февр. № 43

Денежное обращение и валютные сделки, оборотные денежные обязательства. Льготный срок обмена процентн. обязат. РСФСР в 1, 5, 10 милл. и расч. знак. в 50 и 100 тыс. руб. образца 1921 г. Изв. 6 янв № 4. Вып. в обращ. ден. зн. обр. 1923 г. в 250, 500 и 1000 руб. Изв. 14 февр. № 33. Валютные операции. Изв. 17 февр. № 36. Вып. в обращ. платеж. обязат. Центр. Кассы НКФ. Изв. 20 февр. № 38. *Добровольный флот.* Изм. ст. 19 «Полож. о Добров. флоте». Изв. 21 февр. № 39. Флаг Добров. Флота Изв. 28 марта № 68. *Дотационные фонды.* Увел. дотац. фондов. Собр уз. № 3, ст. 62.

Земельные дела и сельское хозяйство. Земельные органы. Состав К-та содейств. сел. хоз. Изв. 14 янв. № 9. Поправка к декр. «О восстановл. сел. хоз. и сел.-хоз. промышл. (Изв. № 291, от 23 дек. 1922 г.). Изв. 14 янв. № 9. Порядок введ. в действ. в автон. респ. и обл. РСФСР зем. кодекса. Изв. 19 янв. № 13 Передача функц. Всероссийск. сел.-хоз. ком. при ВЦИК и местн. комисс. соответств. зем. органам. Изв. 3 февраля № 24. Список узаконен., прекращ. свое действ. с введением зем. кодекса. Изв. 4 февраля № 25. Введение в действ. зем. кодекса в обл. Марийск., Адыгейск. и Коми. Изв. 4 марта № 39.

Книжное дело и издательство. Национал. изд. произвед. русских писат. (перечень). Изв. 21 марта № 62. *Концессии; органы, ведающие ими.* Учр. Глав. Концесс. К-та при СНК. Изв. 11 марта № 55. Полож. о Концесс. комисс. при Берл. торг. Предст. Изв. 11 марта № 55. Полож. о Концессион. Комис. при Лондонском Торг. Предст Изв. 31 марта № 71. *Кооперация.* Распростр. действия постан. о передаче имущ. б. экон. офиц. обществ в ведение военн. кооперации. Изв. 18 февр. № 37. *Красная армия и флот. Воинская повинность.* Освоб. от ответств. военнообяз., наруш. правила об учете. Изв. 19 янв. № 13. Праздн. 5-ой Годовщ. Кр. Армии (с прилож. инстр. губ. исполк.). Изв. 19 янв. № 13. Упразд. об'единен. командов. войсками в Сибири и Восточно-Сиб. Воен. Окр. Собр. уз. № 8, ст. 111. Всеросс. нед. помощи инвалид. войны. Изв. 25 февр. № 43. Отсрочка призыва гражд., род. в 1902 г. Изв. 24 марта № 65. Назнач. П. П. Лебедева членом РВСР. Изв. 28 марта № 68. *Кредит и кредитные учреждения. Госуд. банк.* Коммун. банки. Изв. 24 янв. № 15. Кредитн. опер. местн. сов. Изв. 27 янв. № 18. Порядок выдачи ссуд. из народн. казны. Изв. 11 февр. № 31. Отд. коммун. кред. при Госбанке. Изв. 3 марта № 48.

Лотерея. Отсрочка выпуска билет. госуд. лотереи. Изв. 14 марта № 56.

Международные дела и сношения. Международные договоры. Перечень догов. РСФСР с ДВР, утративш. силу с момента их об'единения. Собр. уз. № 1, ст. 3. Измен. порядка выдачи дипломат. паспортов. Изв. 6 февр. № 26. *Метрическая система.* Инструкция о мерах к введению метр. системы. Изв. 10 марта № 54.

Музейное дело. Перерегистрация и порядок постоянн. учета предм. искусства и старины Изв. 15 марта

Награждения. Порядок направл. ходатайств о награжд. орденом труд. красн. знам. Изв. 10 февр. № 30. Награжд. орден. красн. знам. т.т. Склянского, Антонова-Овсеенко и Подвойского. Изв. 25 марта № 66. Благодарность През. ВЦИК работн. по борьбе с вредит. сельск. хоз. Изв. 22 февр. № 40. Присвоение Л. В. Собинову и В. Э. Мейерхольду звания нар. арт. республ. Изв. 30 марта № 70. *Налоги, сборы, пошлины, акцизы. Трудгужповинность. Таможенная орган., таможенные постан. и тарифы. Льготы по налогам и проч.* Возврат пошлин за товары, возвр. обратно за гран. с Мурм. ярмарки. Изв. 5 янв. № 3. Порядок отпуска акц. бандер. из касс НКФ. Изв. 6 янв. № 4. Введен. в действ. декр. ВЦИК и СНК, опубл. в Изв. № 273 от 2 дек. 1922 г. об «акцизе с сахарина» Изв. 10 янв. № 5. Утв. погуберн. расч. заданий по труд. и гуж. нал., падающ. на сел. насел. в 1923 г. Собр. Уз. № 2 ст. 40. Доп. список губ., где трудгужналог в 1923 г. будет взим. в ден. и ден-натур. форме. Собр. уз. № 2, ст. 38.

Льготы по трудгужналогу для некот. местн. на 1922 г. Собр. уз. № 3, ст. 50. Измен. пред. сумм (континг.) ден. подворн налога на 1922—23 г. для Новгород. и Симбирск. губ. Изв. 10 янв. № 5. Погуберн. предельн. сумм (континг.) ден. подв. налога на 1922—23 г. Изв. 10 янв. № 5. Местн. налог с промышл. садов и огородов (с прилож. тарифа), Изв. 10 янв. № 5. Акц. сухих дрожжей Изв. 14 янв. № 9. Введение в действ. декр. об акц. с русск. коньяка (Изв. № 79 от 9 дек. 1922 г.). Изв. 16 янв. № 10. Измен. размер. акц. облож. Изв. 16 янв. № 10. Измен. оклад. общегражд. налога для воспособл. сел. хоз. и ликв. послед. голода. Изв. 16 янв. № 10. Из'ятия по уплате денежн. взпос., замен трудналог в городах. Изв. 17 янв. № 11. Измен. ввоз. тамож. пошлины на бумагу и бумажн. массу. Изв. 17 янв. № 11. Поправка к пост. ВЦИК и СНК «об акц. с сухих дрожжей» (Изв. 14 янв. № 9) Изв. 19 янв. № 13. Измен. разм. акц. облож. Изв. 21 янв. № 14. Допол. облож. некотор. торг. и прошл. предпр. Изв. 24 янв. № 16. Ставки патентн. сбора для Москвы. Изв. 27 янв. № 18. Льготы по госуд. промысл. налогу и мести. налог. и сбор. для торг. на Харьк. и Ирбит ярмарках. Изв. 24 янв. № 15. Взиман. налога с лиц, получ. высок. зар. плату. Изв. 24 янв. № 15. и Изв. 26 янв. № 17. Трудгужналог отчисл. на местн. нужды и трудгужналог. резерв. Изв. 24 янв. № 15. Промысл. облож. производ. и торг. предм. роскоши. Изв. 25 янв. № 16. Полож. о госуд. пром. налоге, росписание разряд. и поясн. став. патент. сбора для промышл. и торг. предпр., декр. о введении в действие. Изв. 25 янв. № 16. Облож. уравн. сбор. предпр., гос. трест., синдик. и комбин., акц. и смешан. общ., общ. взаимн. кред., банк. и союзов коопер. Изв. 25 янв. № 16. Роспись товар., коими не дозволяется торг. по патенту 2 разр. Изв. 25 янв. № 16. Роспись товар., коими дозвол. торг. по патенту 1 разр. Изв. 25 янв. № 16. Право НКФ на установл. сроков подачи деклараций по подох.-имущ. налогу. Изв. 27 янв. № 18. Измен. предельн. сумм (континг.) ден. подвор. нал. на 1922—23 г. для Пермск. и Челябинск. губ. и Башкирской ССР. Изв. 27 янв. № 18. Освобожд. от уравн. сбора мельниц, крупорушек и т. п. предпр., облож. натуральн. пром. нал. Изв. 28 янв. № 19. Поправка к «правилам о местн. нал. с промышл. садов и огородов (Изв. 10 янв. № 5). Изв. 30 янв. № 20. Эквивалент денежн. замены трудгужнал. на III период 1922 г. Изв. 31 янв. №21. Попуд. сбор с рыбо-промысл. груз. и подсоб. матер. и тары, предназн. для рыб.-зверин. пром. Изв. 1 февр. № 22. Изм. пред. сумм (континг.) ден. подв. нал. на 1922—23 г. для Псков. и Ярослав. губ. Изв. 3 февр. № 24. Взыскания за нарушение ответств. лицами трансп. и распор-ми груз. тамож. пост. Изв. 3 февр. № 24. Меры борьбы с несвоевр. получ. гос. организ-ми груз. из тамож. учрежд. Изв. 7 февр. № 27. Меры к обеспеч. поступ. тамож. дох. в казну. Изв. 10 февр. № 30. Акц. на спирт. напитки. Изв. 10 февр. № 30. Порядок взим. акциз. Изв. 10 февр. № 30. Изм. и доп. «Пол. о взим. нал. и сбор.» (Собр. уз. 1922 г., № 44, ст. 550). Изв. 10 февр. № 30. Ден. форма трудгужнал. для Северо-Двин. губ. на 1923 г. Изв. 14 февр. № 33. Введ. в действ. пост. об акциз. с сух. дрожжей. Изв. 16 Февр. № 35. Изм. пост. о введ. в действ. «пол. о гос. под.-поим. нал.» Изв. 17 февр. № 36. Денеж. замена трудгужнал. (прилож.: а) распис. район. по поясам для взим. трудгужнал. в ден. форме и б) перечень категорий плательщ. и разм. ден. облож.) Изв. 18 февр. № 37. Порядок налож. взыск. за наруш. постан. о косв. налог. (акциз.). Изв. 18 февр. № 37. Повыш. канц. сбора. Изв. 18 ферв. № 37. Освобожд. сибпр. сельск. ярмарок от промысл. нал. Изв. 21 февр. № 39. Освобожд. некотор. категорий населен. Севера от трудгужнал. на 1923 г. Изв. 21 февр. № 39. Погуберн. пред. суммы (континг.) ден. подв. нал. на 1922/1923 г. по Оренбург. губ. и Адаев. у. КССР. Изв. 21 февр. № 39. Изм. пред. сумм (континг.) ден. подв. нал. на 1922/1923 г. для Дон. и Зыр. обл. Изв. 21 февр. № 39. Поправка к пост. СНК «Об изм. ввоз. там. пошлин на бум. и бум. массу». Изв 28 февр. № 45. Акциз на изделия текст. пром. Изв. 1 марта № 46. Изм. разм. акциз. облож. Изв. 1 марта № 46. Доп. особ. патент. сбор с завед. распивоч. продажи вина и пива. Изв. 11 марта № 55. Поправка к пост. «об акцизе на изделия текст. пром.» (Изв. 1 марта № 46). Изв. 11 марта № 55. Поправка к пост. «об изм. разм. акциз. облож.» (Изв. 1 марта № 46). Изв. 11 марта № 55. Изм. став. патент. сбора с торг. и пром. предпр., склад. помещ. и личн. промысл. зан. и распис. пояс. такс пат. сб. Изв. 15 марта № 57. Льготы по трудгужнал. в сельск. местн. Татар. республ. и Пугач. у. Самар. губ. Изв. 17 марта № 59. Новый таможен. тариф по европ. торг. Изв. 21 марта № 62. Акциз. облож наливок и настоек и спирта, идущего на их изготовл. Изв. 24 марта № 65. Доп. акциз. облож. сахара — рафинада. Изв. 25 марта № 66. Передача взим. трудгужнал. в натур. форме Наркомфину. Изв. 25 марта № 66. Взим. тамож. учрежд-ми склад. и тамож. канц. сборов и сроки хранения тов. в тамож. Изв. 27 марта № 67. Натурализация трудгужнал. облож. в губ., переведенн. на ден. замену трудгужнал. Изв. 28 марта № 68. Погуб. пред. суммы (континг.) ден. подв. нал. на 1922/23 для област.: Адыгейск., Карачаево-Черкес., Сыр-Дарьин., Ферган., Самарканд., Джетысуйск., Аму-Дарьин., Туркмен. и для Енисейск. губ. Изв. 29 марта № 69. Пониж. ввоз. тамож. пошлин на шерсть. Изв. 29 марта № 69. Перечень пассаж. вещей, освобожд. от акциз. облож. при провозе из-за гран. Изв. 29 марта № 69. Поправка к пост. «о нов. тамож. тарифе по европ. торговле» (Изв. 21 марта № 62). Изв. 31 марта № 71 *Народное здравие и курортное дело.* Организация недели охраны матери и младенчества. Извест. 6 янв. № 4. Упразднение губ. санит.-тех. стан-

ций. Изв. 21 янв. № 14. Организ. курорт. дела. Изв. 23 марта № 64. Постан. о финанс. и продов. снабж. курорт. коек на 1923 г. и ассигнов. на строит.-восстанов. работы по курортам. Изв. 23 марта № 64. Об'единен. курорт Ижевск. минер. вод. Изв. 31 марта № 71. *Народное просвещение.* Право ВУЗ-ов и науч. учр. на обмен научными изд. с ВУЗ-ми и науч. учр-ми друг. стран. Изв. 28 янв. № 19. Полож. о порядке взим. платы за обуч. в учр. Наркомпроса. Изв. 25 марта № 66. *Нотариат.* Такса оплаты нотар. действий. Изв. 7 марта № 51

Общества. Регистр. об'един., преслед. цели удовлетв. эконом. потребн. Изв. 27 марта № 67. *Охота.* Право охоты. Изв. 3 марта № 48. Охотничий сбор. Изв. 3 марта № 48.

Пенсии. Пожизн. пенсия А. Л. Сазоновой (матери Е. Сазонова). Изв. 19 янв. № 13. Предоставление шлиссельбуржцу Н. А. Морозову в пожизн. пользов. имения «Борок». Изв. 28 янв. № 19. Пожизн. пенсия М. Н. Балмашевой. Изв. 20 февр. № 38. Персон. пенсии лицам, имеющ. исключ. заслуги перед Респ. Изв. 27 февр. № 44. Пожизн. пенсия З. С. Свирбеевой (доч. декабр. С. Трубецкого) Изв. 27 февр. № 44. Пожизн. пенсии участн. Морозовской стачки. Изв. 14 марта № 56. Назнач. пенсии Вере Глебовне Успенской. Изв. 28 марта № 68. *Передвижение граждан.* Порядок в'езда в погран. пункты. Изв. 31 марта № 71. *Пограничные войска.* Улучш. матер. полож. пограничных войск. Собр. уз № 9 ст. 118. *Печать и агентства.* Кавказ. отделен. Росс. Телегр. Агентства. Изв. 25 янв. № 16. *Посевные материалы и обсеменение полей.* Увелич. семен. фонда и план распред. семен. ссуды в весенн. камп. 1923 г. Изв. 21 янв. № 14. Возврат украин. экосо семен. ссуды, выд. из обще-федер. фонда. Собр. уз. № 3 ст. 48. *Почта, телеграф, радиотелегр. и телефон. сообщен.; почтово-тел. операц. и таксы.* Повыш. почт.-тел. такс с 1 янв. 1923 г. Изв. 10 янв. № 5. Порядок польз. прямыми проводами. Изв. 10 янв. № 5. Льготы для Росс. Акад. Наук и ее учреж. в отношении почтов. отправл. Изв. 21 янв. № 14. Безпл. хран. на террит. ж. д. станций предм. снабж. телегр. линий. Собр. уз. № 3, ст. 49. Взаимоотнош. между орган. НКФ и НК-почтель по перевод. операц. и снабж. ден. подкрепл. перев. сумм почт.-телегр. учр. (инструкция) Собр. уз. 1923 г. № 1 ст. 1. Правила польз. радиотел. иностр. судами во внутренн. водах РСФСР и союзн. сов. респ. Изв. 1 февр. № 22. Увелич. почт. и телегр. такс с 1 янв. Изв. 4 февр. № 25. Из'ятие из ст. 265 Гр. код. о порядке засвид. удостов личн. при почтов получен. Изв. 14 февр. № 33. Льготы для Соц. Акад. в отнош. почтов. отправл. Изв. 14 февр. № 33. Таксы весов. сбора за посылки. Изв. 21 февр. № 39. Почтов. льготы для Глав. Физ. Обсерв. и подведом. ей учреж. Изв. 2 марта № 47. Аннулир. некотор. знаков почтов. оплаты. Изв. 6 марта № 50. Повышение почтово-телегр. такс. Изв. 10 марта № 54. Передача приграничн. телегр.-телефон. линий погранвойскам ГПУ. Изв. 23 марта № 64. Порядок эксплоат. устроенных на местн. средства сооруж. радио-телегр. связи и телеф. сообщ. общ. пользов. Изв. 29 марта № 69. Образование Дальневост. округа связи. Изв. 27 марта № 67. *Продовольствен. органы; продов. фонды и их расходов. Заготовки.* Беспл. пользов. для нужд. органов НК-прода спец. помещ. в полосе ж. д. отчуждения. Изв. 13 янв. № 8. Предост. органам НК-прода беспл. польз. спец. помещениями. Изв. 6 янв. № 4. Безвозмездн. пользов НК-продом мин. тралерами. Собр. уз. № 3, ст. 52. Сред. ценны ржи и пшен. для расч. за продов., отпуск. из госуд. прод. фонда. Собр. уз. № 3 ст. 47. Назнач. М. И. Кальмановича Зам. Наркома Продов. Изв 24 марта № 65. *Переселение и иммиграция.* Сельскохоз. иммиграция. Изв. 11 февр. № 31. *Переписи.* Производство всеобщ. городск. переписи. Изв. 14 марта № 56.

Реквизиция. Ликвид. претенз. за реквиз. для нужд Кр. Армии имущ. без выд. квит. Изв. 16 янв. № 10.

С'езды Советов (организация, выборы и постановл.). Постан. 1 Союзн. С'езда Сов. и поправки к отчету о постан. С'езда, помещ. в Изв. № 1 от 31 дек. 1922 г.—I/1 23 г. Изв. № 1 от 3 янв. *Социальное страхование.* Врач.-Контр. Комисс. Собр. уз. № 4, ст. „84. *Судоустройство и судопроизводство.* Состав Верх. Суда. Изв. 30 янв. № 20. Подсудн. гражд. дел. суд. учр. РСФСР. Изв. 3 февр. № 24. Поправки и дополн. к полож. о судоустр. РСФСР. Изв. 6 февр. № 26. Поправка к ст. 88 ч. 2 «Полож. о судоустр.» Собр. уз. № 6. Угол. процесс. кодекс РСФСР. Собр. уз. № 7 ст. 106. Основные нормы гр. процесса. Собр. уз. № 8 ст. 107. Поправка к постан. ВЦИК о составе Верх. Суда (Изв. № 20, от 30 января) Изв. № 26 от 6 февр. Утвержд. угол. процесс кодекса Изв. 18 февр. № 37. Учрежд. Главн. Суда Дагест. Соц. Сов. Респ. Изв. 27 мар. № 67.

Таможен. организация, таможн. пост. и тарифы, см. налоги, пошлины и проч. Топливо. Сплав леса. Изв. от 10 янв. № 5. Оплата угля. Изв. 12 янв. № 7. Расплата за уголь, получ. НКПС из Кузнецк. басс. Собр. уз. № 3, ст. 64. Прав. о расч. за топливо, поставл. Гутом и Цулі'ом НКПС. Собр. уз. № 6 ст. 103. Программа работ древозагот. для госпотреб и резервн. дров. фонд 1922—23 г. Изв. 20 февр. № 38. Ориентиров. план топливоснабж. на 1922—23 г. Изв. 2 мар. № 47. Поправка к постан. СТО «по прогр. работ дров. загот. для госпотреб. и резерв. дров. фонд 1922—23 г.» Изв. 15 мар. № 57. *Торговля и промышленность, торг. и пром. предпр. частн. и гос. Внешняя торговля.* Огранич. ввоза предм. электротехн. промышл. Изв. 4 янв. № 2. Торговля (оптов. и розн.) медикаментами (цирк. Наркомздр.) Изв. 5 янв. № 3. Полож. о коммивояжерах госуд. торг.

и промышл. предпр. Изв. 10 янв. № 5. Порядок учрежд. и регистр. комиссион. предпр. Изв. 10 янв. № 5. Меры содействия экспорту. Изв. от 14 янв. № 9. Сообщ. домоуправлениями свед. о промыслах и торг., производим. в их домах. Изв. 21 янв. № 14. Поправка к цирк. Н. К. Здр. «о торг. медикамент.» Изв. 27 янв. № 18. Отмена монополии на запрод. и закупку хлопка на внутр. рынках Респ. Изв. 28 янв. № 19. Ассигнов. ВСНХ для акц. общ. «Турсар» 136.000 руб. зол. Собр. уз. № 8, ст. 112. Согласов. расп. местн. орг. с основ. принц. совет. полит. в обл. торг. обор. Собр. уз. № 6, ст. 105. Комитеты рыночн. торговцев Изв. 3 февр. № 24. Постановл. СТО по вопросу о Гидроторфе. Изв. 3 февр. № 24. Обязат. сдача сантонина и цытварн. семени НКВнешторгу Изв. 7 февр. № 27. Список промысл. угодий общегосуд. знач. Изв. 22 февр. № 40. Регистрац. товариществ полных и на вере. Изв. 2 марта № 47. Папиросные мастерские Изв. 3 мар. № 48. Повсеместн. введ. в действ. декр. «о папирос. мастерских» Изв. 7 мар. № 51. Меры к урегулир. торг. опер. госуд. учр. и предпр. Изв. 8 мар. № 52. Добыча и учет радия Изв. 8 мар. № 52. Распростр. действ. постан. СТО об учете и добыче радия, опубл. в Изв. 8 мар. № 52. Изв. 16 марта № 58. Введение в действ. пост. «о мерах содействия экспорту» Изв. 20 мар. № 61. Пост. о регистр. ненац. предприятий и о порядке возвращ. частным лицам их бывш. предприятий. Изв. 25 мар. № 66. Изм. п. 1 правил 29 авг. 1922 г. для вывоза за гран. предм. облагаем. акцизом. Изв. 27 мар. № 67. Сборы по регистр. акц. обществ. Изв. 28 мар. № 68. Увелич. основ. капит. Росс. Паев. Тов-ва розн. торг. «Ларек» Изв. 31 мар. № 71. *Транспорт. Транспортные тарифы.* Повыш. ж. д. тарифов с 20 янв. 1923 г. Изв. 18 янв. № 12. Меры для орган. снабж. ж. д. топливом. Изв. 28 янв. № 19. Беспл. проезд студ.-стипенд. раб.-фак. по ж. д. и вод. дор. во время праздн. отпуск. Собр. уз. № 3, ст. 66. Правления речн. трансп. (положение). Собр. уз. № 6, ст. 104. Организ. правл. госуд. речн. пароходств. Собр. уз. № 8, ст. 113. Порядок изд. обязат. постан. и налож. админ. взыск. в целях обесп. охраны, порядка и безопас. ж.-д. и водн. движения. Изв. 10 февр. № 30. Изм. п. 1 постан. Президиума ВЦИК от 8 февр. 1923 г. «о штрафах взим. в адм. пор. на транспорте». Изв. 14 февр. № 33. Повышение ж.-д. тарифов с 15 февр. Изв. 16 февр. № 35. Льготы для грузов ЦК Последгол ВЦИК, Росс. Об-ва Крас. Кр., и благотвор. орган. Изв. 28 февр. № 45. Упразднение Особой Контр. Комисс. при НКПС и центр. комисс. при М. С. Р. и Кр. Д. по снабж. транспорта рабоч. силой и строит. материал. Изв. 4 мар. № 49. Повышение транспорт. тарифа. Изв. 15 мар. № 57. Передача паротеплоход. переправ коммун. отделам исполк. Изв. от 16 мар. № 58. Обработка матер. по ж. д. строит. Изв. от 23 мар. № 64. Срок заявл. претенз. к правл. ж. д. и пароход. Изв. 27 мар. № 67. *Труд. Рабочие и служащие, зараб. плата.* Льготы для учащ. детей служ. и рабоч. транспорта. Изв. 16 янв. № 10. Перечень работ, не счит. совместительством (доп. к пост. СНК о врем. правилах о службе в гос. учр. и предпр., опубл. в Изв. от 26 дек. 1922 г. № 293). Изв. 16 янв. № 10. Максим. вознагр. служ. и рабоч. госуд. учр. и предпр. на январь 1923 г. Изв. 26 янв. № 17. Измен. пост. СНК о максим. размере содержания работник. госуд. учр. и предпр. Изв. 10 янв. № 5. Минимум зараб. платы на февраль. Изв. 8 февр. № 28. Фонд зар. платы на февр. 1923 г. Изв. 10 февр. № 30. Максим. мес. вознагр. госуд. служ. и рабоч. на февр. 1923 г. Изв. 21 февр. № 39. Пост. НКТр и ВЦСПС о порядке найма рабоч. и служ. высш. квалиф., а также требующих имущ., полит. и лич. доверия. Изв. 25 фев. № 43. Премиров. сотрудн. НК-та РАБКРИН. Изв. 16 мар. № 58. Распред. фонд зарплаты и разраб. тверд. штат. ведомств. Изв. 17 мар. № 59. Поправка к пост. «о премир. сотруд. Рабкрин». Изв. от 17 мар. № 59. Максимум зарплаты на март 1923 г. Изв. от 24 мар. № 65.

Уголовные репрессии. Уголов. кодекс. Изменен. редакции ст. 33 Угол. код. Изв. 18 февр. № 37. Порядок использов. лиц, приговор. к принуд. раб. без заключения. Изв. 28 февр. № 45. *Утилизация.* Отмена декр. «о порядке использ. кишек убойн. скота» (Собр. уз. 1921 г. № 49, ст. 257). Изв. 17 марта № 59.

Цензура. Комитет по контролю за репертуаром. Изв. 4 марта № 49.

Чрезвычайные меры охраны рев. порядка (см. также *Администр. высылки*). Полож. о чрезвыч. мерах охраны револ. порядка. Изв. 10 мар. № 54. Перечень декр. и пост., отмененных с введением в действ. «Пол. о чрезв. мер. охр. рев. порядка». Изв. 10 мар. № 54.

Эвакуация. Эвакуац. пункты. Ликвидация Центроэвака Изв. 14 янв. № 9. Состав Комисс. по разгр. Москвы. Изв. 25 янв. № 16. Изм. и доп. постан. от 27 окт. 1922 г. о передаче Наркомзему свертыв. пункт. Центроэвака (Собр. уз. 1922 г. ст. 879) Изв. 29 мар. № 69. *Электрификация.* Товарищества по электроснабж. с ограничответствен. Изв. 6 янв. № 4. Прав. автон. и независ. республ. РСФСР и обл., губ. и уездн. исполком. на непоср. заключ. договоров с гос. электр. предпр. и об'единен. Собр. уз. № 1, ст. 22.

В коллегии защитников.

В Президиуме Московской Коллегии составлен отчет о работе юридических консультаций за 6 месячный период их существования.

В самой сети консультаций, сравнительно с нашим предыдущем сообщением (см. кн. 2), произошли некоторые изменения и значительные расширения.

Быв. Консультация при Совнарсуде и Центральная слиты в одну Центральную консультацию при Губсуде. С января м-ца функционируют вновь организованные две консультации: 1) по оказанию юридической помощи малолетним и несовершеннолетним, 2) при Верховном Суде для оказания помощи по тем важнейшим делам, в коих не имеется защиты ни по назначению ни по соглашению. Кроме того, подготовляется создание консультаций в местах заключения; в ближайшее время уже начнет функционировать консультация при Сокольнической тюрьме. Соответствующее положение уже выработано и принято в согласии с НКВД и НКЮ.

Предположена также организация юридической помощи в форме консультации через периодическую печать.

Самая работа консультаций за отчетный период развивалась в полном согласии с инструкцией, выработанной Президиумом Коллегии (см. 2-ую книгу журнала). Проводились следующие основные принципы: 1) полная бесплатность юридической помощи неимущим из трудового населения и доступная плата для всех остальных категорий трудящихся; 2) отчисления из доходов консультаций в центральный фонд Коллегии по организации юридической помощи населению; 3) обязательное участие всех членов Коллегии в работе консультаций; 4) строгий надзор со стороны Президиума за возможно полным выполнением задач консультационной работы и требований инструкции. Интересные цифровые данные, характеризующие фактическую картину, приведены ниже.

Большую деятельность проявила Комиссия по делам о консультациях, которая в 31 заседании рассмотрела много вопросов—общего характера, о структуре консультаций и их отчетности, о единой форме регистрации даваемых советов, взаимоотношениях с судебными органами, о поднятии уровня знаний защитников, о борьбе с подпольной адвокатурой. Значительная часть этих заседаний была проведена с участием заведывающих консультациями и посвящалась, между прочим, и взаимной информации о ходе работы, что в большой степени способствовало, как свидетельствует отчет Президиума, укреплению всей организации, обогащало опыт членов Коллегии и повышало у них чувство ответственности.

В виду незначительного числа защитников в уездах, Президиум с декабря пр. года организовывал выездные сессии консультаций. Сессии эти, в составе 2—3 членов, приурочивались к местным базарным дням, работа производилась в помещении нарсуда или уисполкома. Расходы покрывались Президиумом Коллегии.

В марте м-це 53 выездными сессиями были обслужены 12 уездов.

С увеличением числа защитников в уездах (до 65 чел.) явилась возможность организовать местные консультации, которые в настоящее время переживают начальную стадию своего развития (по 10 уездным консультациям за март месяц зарегистрировано 287 обращений, в то время как выездными сессиями было обслужено за тот же март более 308 лиц).

Следует также отметить периодические общие собрания членов консультаций, которые, помимо организационных вопросов, обсуждали, совместно с судебными работниками, доклады по вопросам права и наиболее интересные юридические казусы из живой практики консультаций.

Интересной иллюстрацией к изложенному являются следующие цифровые таблицы.

I. Число обращений за советами.

	Центр и совнарсуд (с января слитые в одну).	Замоскв.	Красно-Пресненс.	Сокольнич.	Хамовнич.	Рогожско-Симон.	Бауман.	Крест.	По делам малолетн. и несовер.	При Верховном Суде.	Итого.
Октябрь	1168	205	606	419	330	268	275	303	—	—	3574
Ноябрь	865	287	602	421	252	235	248	274	—	—	3184
Декабрь	839	313	691	350	288	206	326	310	—	—	3323
Январь	562	253	587	297	252	181	426	315	15	—	2887
Февраль	505	221	652	276	343	179	596	365	8	—	3145
Март	580	300	852	435	396	225	803	396	41	5	4033
Всего . . .	4519	1579	3990	2198	1861	1294	2673	1963	64	5	20446

II. Число защит.

	Центр и совнарсуд (с января слитые в одну.	Замоскв.	Красно-Преснен.	Сокольнич.	Хамовнич.	Рогожско-Симон.	Бауман.	Крест.	По делам малолетн. и несовер.	При Верховном Суде.	И т о г о.
Октябрь	59	—	279	207	—	16	109	38	—	—	708
Ноябрь	35	31	307	87	—	42	122	27	—	—	651
Декабрь	32	56	669	264	88	55	159	80	—	—	1403
Январь	31	104	716	70	77	47	128	89	—	5	1267
Февраль	28	140	649	236	104	46	160	76	1	37	1477
Март	36	41	238	72	107	29	181	61	3	28	806
Всего . . .	221	372	2858	936	376	245	859	371	4	70	6312

III. Классификация обращений и защит по всем Московским консультациям.

1) Общее число обращений . . . . . 20146 (помимо защит).

из них { трудового элемента . . . . . 13715 »
нетрудового элемента . . . . 6431 »

из них { гражданских . . . . . 11120 »
уголовных . . . . . 4520 »
административных . . . . . 4506 »

из них { платных . . . . . 10782 »
бесплатных . . . . . 6364 »

2) Провод. защитн. . . . . 6312 »

из них { платных . . . . . 737 »
бесплатных . . . . . 5575 »

Таблицы I и II интересны своими *абсолютными* цифрами, ибо относительное их значение (для оценки удельного веса юридических консультаций во всей совокупной работе Коллегии защитников по обслуживанию населения, включая и работу вне консультации) может быть выяснена лишь путем сопоставления с общими цифрами дел, поступающих к членам Коллегии. Поэтому даже устойчивость месячных цифр не может служить отрицательным показателем при оценке роли консультаций. Абсолютный смысл приведенных цифр заключается в увеличении интенсивности работы самых консультаций (особенно заметно это усиление в Бауманской, в консульт. по крест. д., в консул. по делам малолетних и несовершеннолетних).

По поводу таблицы II следует иметь в виду уменьшение требований судебных мест о предоставлении защитников в связи с изменением ст. 59 (ст. 55 новой ред.) Угол.-Процесс. Кодекса.

Таблица III указывает, что 67,5% общего числа данных советов относятся к трудовому населению; 67,9% лиц трудового населения, обращавшихся за советами, получали их бесплатно. Затем, предполагая, что бесплатная защита оказывалась только трудовому населению, следует заключить, что бесплатная защита оказывалась в подавляющей массе случаев (88%) именно, трудовому населению.

Небезинтересно также и то, что каждый член Коллегии отбывает дежурство в консультации, а по данным таблицы III в среднем на каждого члена Коллегии приходится 2—3 бесплатных защиты от имени консультации.

Ю. Д.

В местах заключения.

Обследование населения арестных домов города Москвы. По инициативе отдела Управления Московского Совета, особой комиссией в составе психиатров—В. О. Громбаха, Е. Н. Долбини, Е. К. Краснушкина, Л. А. Левина, А. М. Терешковича, а также П. А. Минакова, как антрополога, и М. Н. Гернета, как криминалиста, была выработана подробная анкета для обследования населения арестных домов г. Москвы. Анкета заключает в себе три части: 1) уголовно-социологическую, 2) психиатрическую и 3) антропологическую. Все три части занимают восемь страниц бумаги обыкновенного писчего размера и содержат свыше 200 вопросов. Уголовно-социологическая часть имеет своею целью выяснить социальные условия жизни арестованного до ареста, начиная с его детских лет и кончая временем совершения преступления, а также юридическую сторону инкриминируемого деяния. Психиатрическое обследование, наиболее обширное по его об'єму, выясняет с особою тщательностью наследственность, физические болезни исследуемого, злоупотребление алкоголем и другими наркотиками, детские годы, юношеский и взрослый период, половую жизнь, другие влечения, темперамент, интеллектуальные способности, душевные болезни и особенности по Кречмеру. Антропологическая часть включает в себе, кроме 35 антропометрических измерений, исследование волос, когтей, ушных раковин, зубов и пр. Каждая часть заканчивается выводами исследователя. Во второй половине апреля и в начале мая было произведено уголовно-социологическое обследование в девяти арестных домах из десяти имеющихся. Обследование производилось приблизительно сотнею студентов и студенток факультета общественных наук, из числа работающих в семинарии М. Н. Гернета, для чего они были разбиты на группы по 10—15 человек при особых инструкторах. Обследование, пробудило очень большой интерес среди учащейся молодежи. Одновременно было начато психиатрическое обследование. Уголовно-социологическое уже дало свыше 2000 заполненных анкет. Ценные материалы этой анкеты дадут возможность выяснить облик преступного мира Москвы в данный момент, а периодическое повторение таких обследований позволит учесть изменения этого облика и выяснить его причины и характерные особенности. Следует пожелать, чтобы не задержалась научная сводка и обработка полученных материалов.

Из иностранной жизни.

Законодательство о промышленных конфликтах.

Условия военного и послевоенного периода с особой остротой поставили перед законодательством проблему обеспечения правильного и непрерывного течения промышленной жизни.

До войны эта отрасль законодательства в европейских странах почти совершенно отсутствовала. Установленные законом примирительные учреждения действовали лишь в Австралийской федерации да Канадский Industrial Disputes Investigation Act 1907 г. предусматривал, в отношении некоторых общественно необходимых предприятий, разрешение конфликтов в особых Boards of Conciliation and Arbitration. Запрещая начинать стачку до окончания разбирательства, закон оставлял исполнение решений на волю сторон. Правда, во Франции существовал закон 18/2 г. Sur la conciliation et l'arbitrage facultatifs en matiere de differents collectifs entre patrons et ouvriers et employés», но он был составлен в форме столь осторожной и расплывчатой, что применение его было минимально (в 1912 г. из 1116 стачек с 267½ тысяч участников к закону 1892 г. прибегали в 159 случаях с 26½ тыс. участников, причем только в 95 конфликтах с 6½ тыс рабочих состоялось примирение). Подобную же участь испытали и аналогичные законы, появившиеся в первом десятилетии 20 столетия в некоторых Швейцарских кантонах и в Скандинавских странах. Несколько более разработанная система официальных третейских судов, действовавших на началах полной добровольности, существовала и имела некоторое практическое применение в Северо-Американских штатах. Но в общем и целом во всех странах, поскольку мирное улаживание промышленных конфликтов вообще имело место, оно происходило в совершенных добровольных организациях самих заинтересованных сторон, учреждаемых ими по договору, решения которых не имели никакого юридического значения и поддерживались моральной и фактической силой создавших их профессиональных об'единений рабочих и промышленни-

ков. Классическим образцом такого рода учреждений являлись известные Boards of Conciliation and Arbitration в английской железоделательной промышленности и Joint Committees в каменно-угольной и металлургической промышленности Дургэма и Нортумберленда.

Это положение было сразу изменено разразившейся войной. Потребности войны и обороны повсюду заставляли государственную власть, как в странах воюющих, так и нейтральных, брать на себя непосредственное регулирование многих отраслей жизни страны, которые до того оставались вне ее прямого воздействия. Наряду с введением всякого рода государственных монополий, сильнее всего прямое вмешательство государства в экономические отношения сказалось в появлении особых законов о принудительном регулировании заработной платы и о принудительном разрешении промышленных конфликтов в предприятиях, связанных с войной. При издании этих законов постоянно подчеркивался их «временный военный» характер, подлежащий отмене по миновании необходимости, вызванной войной. Примером военного закона о регулировании заработной платы являются английские «Munition of War Act 1915» и Wages temporary Regulation Act 1918». В силу последнего, обязательный минимум заработной платы устанавливался особым Комитетом, назначаемым министром труда из равного числа представителей рабочих и предпринимателей с нейтральным председателем. С 1 октября 1920 г. (с окончанием демобилизации) Комитет распущен.

Германский закон 1916 г. «Ueber den vaterländischen Hilisdienst» установил характерный для военного времени порядок принудит. разрешения конфликтов. Согласно этого закона, конфликты на предприятиях, причисленных к «Hilfsdienst», разбирались в окружных комитетах, состоявших из равного числа представителей рабочих и предпринимателей с председателем, назначаемым военной властью. Комитет, в случае несогласия сторон на примирение, выносил свое обязательное решение. Подобные же методы регулирования заработной платы и разрешения промышленных конфликтов применялись и в других странах, прямо или косвенно затронутых войной.

С окончанием войны напряженность социальных отношений заставляет кое-где поддерживать идею принудительного государственного арбитража. В настоящее время принудительный арбитраж действует в Норвегии, в силу продления действия военного закона 1919 г. «Об обязательном третейском разбирательстве трудовых споров», и в Румынии, где законом 1920 г. установлен принудительный арбитраж для общественно необходимых предприятий, а для всех прочих—система, заимствованная из канадского закона 1907 г. (см. выше). Ту же канадскую систему установила для ряда производств Межсоюзная Рейнская Комиссия. Необходимость принудительного государственного арбитража выдвигает французский проект и примыкающий к нему чехо-словацкий. До сих пор, однако, французский проект (принудительный арбитраж для общественно-необходимых предприятий и канадская система—для всех прочих), встречающий сильнейшее сопротивление рабочих кругов, возражающих против столь значительного ограничения свободы стачек, не получил одобрения Палаты. В Америке, в штате Канзас, с 1920 г. проведен принудительный арбитраж для весьма значительного круга предприятий и во многих других штатах выдвигаются аналогичные проекты (о германском проекте 1922 г. см. ниже). Однако, законодательство крупнейших промышленных стран Европы с окончанием войны систематически возвращается к принципу добровольного разрешения промышленных конфликтов. На этот путь встали: Англия, Германия, Швеция, Австрия.

Устанавливаемый новым законодательством порядок разрешения трудовых конфликтов значительно отличается от довоенных законов. Эти последние сводились к установлению совершенно факультативного порядка мирного улаживания возникшего конфликта. Участие в нем тех или иных должностных лиц не давало сторонам никаких преимуществ по сравнению со всяким другим способом разрешения конфликта, так как роль этих лиц сводилась к чисто пассивному посредничеству, а юридическое значение принятых при их посредстве решений также ничем не отличалось от юридического значения соглашений, достигаемых другими способами. Новые же законы о примирительно-третейском разбирательстве трудовых конфликтов характеризуются, во-первых, большой активностью и инициативностью уполномоченных на участие в разборе конфликта должностных лиц—государственные посредники следят не только за возникшими, но и за грозящими только возникнуть конфликтами, и немедленно принимают меры с целью склонить стороны к мирному разрешению спора—и во-вторых, закреплением за создаваемыми учреждениями и определенного публично-правового значения: решения их, вынесенные при соблюдении известных условий, имеют силу судебных решений, иногда—силу обязательных постановлений (см. ниже Австрийский закон).

Сказанное выясняется из более подробного изложения действующих законов.

В Англии разрешение трудовых конфликтов регулируется законом 20 ноября 1919 года «Industriel Courts Act». В силу первой части этого закона, создается постоянный «Промышленный Суд». Состав его назначается министром труда из представителей работодателей и рабочих (паритет не оговорен в законе) и из нейтральных членов. Из числа последних министр назначает председателя пром. суда и председателей всех его отделений. О каждом возникшем или угрожающем возникнуть промышленном конфликте любой из сторон может быть заявлено министру. В таком случае министр

должен ознакомиться с делом и предпринять шаги, которые он признает целесообразными для улаживания спора, а именно: 1) передать дело промышленному суду; 2) назначить одного или нескольких третейских судей, 3) передать дело трет. суду, состоящему из равного числа лиц, избираемых сторонами, и председателя, назначенного министром. Для принятия всех этих мер необходимо согласие обеих сторон. Кроме того министр по собственному усмотрению может передать на заключение промышленного суда всякий вопрос, если найдет это нужным. Если в какой-либо профессии или производстве существуют какие-либо примирит. или третейские учреждения, созданные сторонами по договору, то постановления закона о Пром. суде применяются к спору, возникшему в данном производстве, лишь в том случае, если он был предварительно рассмотрен и не получил разрешения в установленном договорном порядке. Правила делопроизводства в Промышл. суде и в трет. судах, назначаемых министром, издаются министром или, по его уполномочию, самим Пром. судом. В случае, если члены Пром. суда не могут притти к соглашению относительно решения, то председатель разрешает дело с полномочиями третейского судьи. Вторая часть того же закона «о следственных судах» предоставляет министру труда право, по собственной инициативе, независимо от заявления сторон, исследовать причины и обстоятельства возникшего или грозящего возникнуть промышленного спора. В таких случаях министр может назначить особый «следственный суд» из одного или нескольких лиц. Порядок делопроизводства в следственном суде, вызова свидетелей и назначения комиссий, а также право суда требовать пред'явления нужных документов регламентируются министром. Сведения, полученные следственным судом, и выводы, к которым он пришел, могут, с разрешения министра, быть опубликованы. Однако для опубликования сведений, которые не могут быть получены иначе, как путем свидетельских показаний на суде, требуется согласие заинтересованных лиц.

Закон распространяется как на промышленных рабочих, так и на правительственных служащих, за исключением лиц, состоящих на государственной службе, в морском флоте, в армии и в воздушном флоте. Общие отчеты министра, отчеты Промышл. суда и следств. судов, а равно и отчеты меньшинства представляются обеим палатам.

Шведский закон 28 мая 1920 г. близок по духу и содержанию к английскому. В каждом округе учреждается специальная должность мирового посредника. В его обязанности входит: 1) наблюдать за условиями труда; 2) содействовать улаживанию конфликтов; 3) содействовать предпринимателям и рабочим при заключении соглашений. По просьбе сторон Департ. Обществ. Дел может назначить в отдельном случае вместо мирового посредника какое-либо другое беспристрастное лицо. В случае конфликта, грозящего привести к стачке или локауту, посредник обязан войти в сношения со сторонами лично или письменно, требуя от них сведений о предмете и обстоятельствах спора (каковые сведения стороны обязаны ему сообщать) и убеждая их разрешить конфликт мирным путем. При этом посредник может обращаться, как к самим сторонам, так и к авторитетным организациям и лицам, печатать в газетах, вывешивать об'явления и т. п. Если переговоры сторон под руководством посредника не приведут к соглашению, то последний может побудить стороны к передаче спора в арбитражную комиссию или арбитражный суд, учрежденные законом, или же к избранию специального доверенного лица для вынесения третейского решения. Мировой посредник содействует работе третейских судов, как государственных, так и избранных сторонами, не имея, однако, права сам выступать в роли арбитра. В тех отраслях производства и в тех предприятиях, где существуют специальные, созданные по договору, примирит. или арбитражн. учреждения, вмешательство посредника возможно лишь по желанию обеих сторон, а также в тех случаях, когда рассмотрение спора в договорном порядке не привело к соглашению.

Поручение вмешаться в конфликт, с целью его улаживания, может быть дано королем также отдельному лицу или специальной экспертной комиссии. Указанные лица и комиссии могут действовать, как совместно с посредником, так и вместо него.

Законом 20 мая того же 1920 г. создан в Швеции Центральный Третейский Суд, в составе 7 членов. Трое членов—среди них председатель—назначаются королем, двое избираются профсоюзами рабочих и двое—об'единениями работодателей. Один из назначенных членов должен обладать юридическим образованием и удовлетворять требованиям, пред'являем законом при занятии судейской должности. В Центр. Трет. Суд дела поступают с согласия обеих сторон. Решения его выносятся квалифицированным большинством и имеют силу законных судебных решений. Допрос свидетелей и экспертов Центр. Трет. Суд может производить через общегражданский Суд первой инстанции. По отношению к членам Центр. Трет. Суда, имеют силу те же основания лишения права занятия должности и те же основания для отвода, которые действуют в отношении членов общегражданских судов.

В Австрии примирительные учреждения строятся на несколько иных основаниях. По закону 18 декабря 1919 года «Ueber die Errichtung von Einigungsämter und über collective Arbeitsverträge» создаются примирительные камеры (в настоящее время их существует 10, из них 2—в Вене). Члены камер назначаются Госуд. Секретарем Обществ. Дел по равному числу лиц из списков, представляемых проф. об'единениями рабочих и предпринимателей. Председатели

и их заместители назначаются непосредственно Госуд. Секретарем Обществ. Дел и могут быть им отозваны. В задачи примирит. камер входят: 1) улаживание споров, касающихся условий труда, 2) регулирование условий труда, 3) содействие заключению кол. договоров. Конфликты рассматриваются в прим. камерах или по просьбе одной из сторон, или по заявлению общественных властей, или по инициативе председателя. Дела, поступающие в прим. кам., рассматриваются комиссиями, назначаемыми по каждому делу председателем из равного числа членов камеры от рабочих и от предпринимателей, под председательством или самого председателя камеры или его заместителя. Если соглашение не достигнуто, то примирит. камера выносит свое арбитражное решение, принимаемое по большинству голосов. В двухнедельный срок стороны обязаны сообщить, согласны-ли они подчиниться решению. Отсутствие сообщения толкуется, как отказ. Решение, о подчинении которому заявили обе стороны, а равно и соглашение, достигнутое в прим. камере, приобретают силу законного судебного решения и могут быть приведены в исполнение в принудительном порядке. Административные и судебные органы обязаны оказывать прим. камере содействие в осуществлении ее функций. Прим. камера имеет также право публиковать свои решения и ответные заявления сторон.

Содействие прим. камер заключению коллективных договоров, кроме рассмотрения возникающих при этом конфликтов, выражается в участии в переговорах сторон по поводу заключения или изменения кол. договоров, а также в регистрации и хранении подписанных соглашений. Кроме того, по запросам судебных или административных органов прим. камеры дают заключения по вопросам толкования кол. договоров.

И, наконец, наиболее широкое право австрийских прим. камер—участие в регулировании условий труда—заключается в издании ими постановлений о распространении условий того или иного кол. договора, целиком или частично, за пределы первоначального применения, и придании ему обязательной силы закона в отношении сходных производств и предприятий. Заинтересованные лица могут в месячный срок заявить протест. Окончательное решение вопроса принадлежит Центр. Прим. Камере. Центр. Прим. Камера аналогичного состава учреждается, в силу того же закона 1919 г. при Департ. Обществ. Дел. В ее задачи входят: 1) надзор за деятельностью прим. камер, в частности—за единством их делопроизводства, 2) рассмотрение протестов по поводу обязательных постановлений прим. камер, касающихся придания коллективным договорам силы закона, 3) регистрация указанных обязат. постановлений и 4) издание таковых в тех случаях, когда действие их распространяется на несколько округов.

Право издания обязательных постановлений, регулирующих условия труда, и связанная с этим некоторая централизация и служебная подчиненность придают австрийским прим. камерам черты государственных административных учреждений. Английские и шведские примирительные органы в гораздо большей степени сохраняют характер организаций самих спорящих сторон, государство же лишь юридически оформливает их и через своих представителей содействует их деятельности.

В Германии, после ноябрьского переворота и отмены закона 1916 г. «Vaterländische Hilfsdienst», был издан 23 декабря 1918 г. «Verordnuug. über Tarifverträge, Arbeiter-und Angestelltenausschüsse und Schlichtung von Arbeitsstreitigkeiten». Это постановление должно было регулировать улаживание трудовых споров временно «bis zu anderweitiger gesetzlicher Regelung». Постановление это изъяло разрешение промышленных конфликтов из ведения военных властей, сохранив округа, установленные законом 1916 г., и прежний личный состав примирит. комитетов. Право замещения выбывающих членов, по возможности на основании кандидатских списков, экономич. об'единений работодателей и работников, предоставлено центральной власти каждого государства (Landeszentralbehörde). Кроме постоянных членов комитета, к разрешению споров привлекаются непостоянные члены из профессиональных групп, затронутых данным конфликтом. Привлечение нейтрального председателя и выбор такового зависят от желания самого комитета. Для государственных предприятий и учреждений могут быть созданы особые примирит. комитеты по постановлению соответствующих правительств Reichsregierung или Regierungen der Länder).

Правом обращения в примир. комитеты пользуются органы представительства работников (таковыми по зак. 4 февр. 1920 г. являются «Советы предприятий»—Betriebsräte), работодатели, а также экономические об'единения работодателей и работников. Однако, примир. комитет должен также и сам содействовать тому, чтобы спор был передан на его разрешение или на разрешение какого-либо другого согласительного учреждения, существующего на основании тарифного договора или иного соглашения. Последние также, как и в других странах, пользуются преимуществом, и подведомственные им споры разбираются в государственных прим. ком-тах лишь после того, как они не были разрешены в установленном по договору порядке. Явка участвующих в конфликте лиц по вызову прим. ком-та обязательна под угрозой штрафа. При рассмотрении дела, прим. ком-т прежде всего делает попытку привести стороны к соглашению. Если соглашение не состоится, то прим. ком-т выносит свое решение. В назначенный срок стороны обязаны заявить, подчиняются-ли они решению, или нет. Постановления примир. ком-та и сделанные по поводу его заявления сторон опубликовываются. В виду отсутствия в законе спе-

циального указания на юридич. силу соглашений или принятых сторонами решений, последние приравнивались к обычным коллект. соглашениям и не пользовались юридической защитой. Таким образом, элемент принудительности ограничивался лишь процессуальным моментом в форме небольшого штрафа за неявку.

Условия германской жизни требовали, однако, значительных коррективов, котор. и были внесены путем предоставления комиссарам по демобилизации широких прав в деле улаживания промышленных конфликтов, в том числе права об'являть постановления примир. комитетов обязательными. Об'явление решения обязательным создает между участниками спора определенную юридическую связанность и дает право на пред'явление гражданского иска. Кроме того, законом 10 ноября 1920 г. для предприятий, обеспечивающих население газом, водой и электричеством, установлена обязательность обращения в пром. ком., соединенная с запрещением начинать стачку или локаут во время разбирательства и до истечения трех дней после вынесения прим. к-том решения.

Германским министерством труда разработан и представлен в Рейхстаг проект закона о примирительном разбирательстве Schlichtungsverordnung. Проект содержит подробно разработанную (в 126 статьях) систему принудительного государственного арбитража: стачка или локаут может быть об'явлена лишь квалифицированным большинством участников, путем тайного голосования, производящегося под наблюдением инспектора труда (Gewerbeaufsichsbeamte), и не ранее 3 дней после об'явления прим ком-том решения. Кроме того, особыми постановлениями верховных примирительных учреждений (Landesschlichtungsämter и Reichsschlichtungsamt) всякое решение местных примирительных учреждений может быть об'явлено обязательным.

Проект предусматривает также существование специальных присутствий для обжалования и отмены состоявшихся решений (Einspruchskammern), благодаря чему за всем делом улаживания промышленных споров окончательно закрепляется административно-бюрократический характер (ст. 16 проекта, перечисляя учреждаемые Schlichtungsbehörden, прибавляет: «Sie sind öffentliche Behörden»).

Разработанный в марте 1920 г. проект этот в течение 2 лет подвергался многократным обсуждениям в различных организациях и учреждениях. В марте 1922 г. он внесен в Рейхстаг, где и находится поныне.

Стоит отметить, что в то время, как условия экономич. жизни Европы выдвигают в некоторых странах организацию принудительного государственного вмешательства в разрешение промышленных конфликтов,—в классических странах государств. арбитража—в Австралии и Нов. Зеландии назревает отказ от прежних методов. На основании данных опыта высказываются мнения о бессилии госуд. арбитражных судов, о паллиативном характере их вмешательства, и выдвигается идея регулирования условий труда и разрешения споров договорным путем,—соглашениями сторон, представляемых сильными и авторитетными организациями.

В заключение, отметим еще румынский закон 1920 г., интересный тем, что среди прочих действующих в европейских странах законов он является единственным, имеющим некоторые черты сходства с законоположениями, установленными Кодексом Законов о Труде РСФСР: обязательный арбитраж для предприятий государственных, муниципальных и общественно-необходимых и факультативный—для всех прочих (Кодекс Законов о Труде РСФСР различает в этом отношении государственные предприятия и учреждения от всех прочих) и отсутствие примирительных учреждений с постоянным составом; в каждом отдельном случае примирительная камера организуется из представителей самих спорящих сторон с председателем, назначенным Министерством Труда.

М. Ж.

Чехо-Словацкий проект уголовного кодекса 1921 г.

В русской печати еще не появлялось никаких сведений о новом проекте уголовного кодекса для Чехо-Словацкой республики (1921 г.), а поэтому считаем не лишним привести их из статьи на эту тему проф. Митюка *).

Как и другие новые проекты, Чехо-Словацкий проект уделяет свое внимание в борьбе с преступностью, наряду с наказаниями, также и мерам социальной защиты. В то время как наказания являются оценкою зла или вреда преступного деяния, мера социальной защиты, чуждая элементов возмездия, назначается не на точно определенный срок, а до достижения цели безопасности. К числу таковых мер проект относит учреждения для принудительного труда, для обучения в них таким практическим знаниям, которые дали бы возможность честной трудовой жизни. Суд приговаривает в эти учреждения на неопределенный срок, который, однако, не может быть короче 1 года и продолжительнее 10 лет. Сюда могут быть направляемы лишь те трудоспособные, кои, отбыв дважды наказания лишением свободы за преступления по лени, пьянству, вновь совершили такое же преступление. Отсюда возможно условное освобождение, но не ранее как через год.

Для душевно-больных преступников и преступников-пьяниц предназначены особые больницы, для содержания в них на неопределенные сроки.

---

*) Zeitsch. für die Str., 1922.

Для опасных рецидивистов предположены особые изоляционные учреждения, с содержанием в них не менее 5 лет и без указанного в законе высшего срока задержания. Эта мера применяется по отбытии наказания лишения свободы, но присужденные к лишению свободы на срок до 5 лет могут быть направляемы судом прямо в эти учреждения. Условное освобождение допустимо лишь по истечении 5 лет.

Создаются особые учреждения, на подобие американских реформаторий, для исправления взрослых преступников в возрасте до 30 лет, если совершенное преступление карается исправительным домом на срок 1-8 лет.

Названные учреждения состоят в ведомстве Министр. Юстиции и особого Совета при нем. При каждом карательно-исправительном учреждении образуется особый совет из судьи, адвоката, некоторого числа представителей от народа, под председательством комиссара. Совет наблюдает за учреждением, а судья, защитник и комиссар составляют тюремный суд для наложения дисциплинарных наказаний, постановления которого могут быть обжалованы в коллегию суда первой инстанции-где дело расматривается с соблюдением процессуальных гарантий. Заключенные не имеют права на заработную плату, но некоторая часть дохода от их труда идет на помощь их семьям и на возмещение причиненного их преступным деянием вреда. Приговоренные к арестному заключению носят обще-гражданскую одежду, но особый головной убор, приговоренные к исправ. дому—особую одежду, и заключенные в тюрьму—одежду, мало отличающуюся от обще-гражданской. Дисплинарные наказания состоят в лишении и ограничении льгот и, в более тяжелых случаях,—в заключении в карцер с ограничением пищи и лишением матраца. Заключенные делятся, по их поведению, на три класса и имеется марочная система. Наказания лишением свободы стоят в связи с трех-членным делением преступных деяний: за преступления назначается исправ. дом, за проступки—тюрьма, за нарушения—арест. Сроки заключения: исправ. дома от 1 мес. до 20 лет, тюрьмы—от 1 мес. до 15 лет и ареста—от 1 дня до 3 мес. Для избежания вреда краткосрочных наказаний, кодекс предусматривает услов. осужден. и денеж. штрафы, размер коих установлен в законе, но судья, определяя сумму штрафа, обязан руководиться степенью состоятельности осужденного и следить, чтобы размер штрафа не отразился на питании и воспитании членов семьи осужденного. Возможна рассрочка и отработка штрафа. Замена штрафа лишением свободы недопустима.

В исключительных случаях возможно бессрочное заключение в исправ. дом. Смертная казнь назначается в одном случае—если отбывающий пожизненное лишение свободы совершит преступление, караемое также пожизненным лишением свободы.

Закон 21 дек. 1921 г. о денежных штрафах в Германии.

Закон расширил применение наказаний этого рода и сократил применение краткосрочного лишения свободы. Издание закона было вызвано, между прочим, падением германской марки. Ставки штрафа повышены в 10 раз. Поэтому нарушением считается деяние, запрещенное под страхом штрафа до 1500 марок, а проступком-деяние запрещенное под страхом штрафа свыше этой суммы. При определении размера штрафа суд обращает внимание на материальное положение осужденного. Уплата штрафа может быть рассрочена в самом приговоре или дополнительным постановлением во всякое время. Возможна отработка штрафа. Неуплоченный штраф заменяется лишением свободы из особого расчета (1-3 дня равняются 150 марк.). При наличии уважительных причин суд может постановить о недопустимости такой замены. Закон вступил в силу с 1 января 1922 г. Продолжающееся падение марки ставило задачу производить новые увеличения ставок.

Женщины—присяжные заседатели и шоффены в Германии.

С 1923 г. вступил в силу закон от 25 апреля 1922 г. о включении женщин в списки присяжных заседателей и шоффенов в судах Германии. Еще ранее, по акту 1919 г., а фактически с половины 1920 г., появились женщины-присяжные в Англии (условия те же, как для мужчин: не моложе 21 г., неопороченность, имущественный ценз). Жюри может быть смешанным из обоих полов и из лиц одного пола.

4 июля 1922 г. был принят германским рейхстагом закон о вознаграждении присяжных заседателей и шоффенов за несение ими их судейских обязанностей.

Приказ министра юстиции Саксонии (4 мая 1922 г.) устанавливает порядок содержания политических подследственных и отбывающих наказание (положение о допуске ежедневной прессы, научной, изящной и политической литературы, расходовании собственных средств на содержание в тюрьме).

Вообще вопрос о тюремной реформе стоит на очереди в Германии и привлекает к себе внимание в отдельных составных частях германского государства. Так, после революции, 19 дек. 1918 г. было провозглашено министром юстиции об общем смягчении тюремного режима: была разрешена свободная выписка газет по выбору самих заключенных, смягчены дисциплинарные наказания, допущено разрешение курения. Через 2 года (1-го дек. 1920 г.), однако, были частью восстановлены отмененные дисциплинарные наказания, при этом указывалось на участившиеся случаи тюремных беспорядков, об'яснение которым искали в свободномдоступе в тюрьму некоторой части прессы.

Было решено выработать новый проект тюремной реформы. Социал-демократическая фракция ландтага внесла за подписью Розенфельда, Брауна и др. проект, в коем предлагает, между прочим, свободное чтение политической прессы заключенными, составление тюремных библиотек, не считаясь лишь с каким нибудь одним политическим направлением или религиозным исповеданием, отмену темного карцера и некоторых других дисциплинарных наказаний.

Отмена смертной казни в Швеции.

В мае 1921 г. обе палаты шведского правительства приняли проект правительства об отмене смертной казни.

Германский проект закона о детском суде.

Проект закона о детском суде в Германии 1922 г. содержит в себе 48 ст. ст. Возраст невменяемости отодвигается с 12 лет до 14 лет. Несовершеннолетним по закону о детском суде считается лицо от 14 до 18 лет. Несовершеннолетний не подлежит наказанию, если, по состоянию его духовного и нравственного развития, он не был способен сознавать противозаконность своего поступка или руководствоваться своею волею. Детский суд есть суд шоффенов; в том случае, если преступление подсудно суду присяжных, детский суд составляется из двух судей и трех шоффенов. В одних случаях обязательно назначение защитника, в других таковое рекомендуется. Для суда отводятся специальные камеры. Если к несовершеннолетнему не может быть применена воспитательная мера, то применяется наказание: вместо смертной казни и пожизненной каторжной тюрьмы простая тюрьма от 1 до 15 лет, вместо пожизненной крепости—крепость от 1 до 15 лет; тюрьма может быть назначаема на срок от 1 дня. Наказание лишением свободы отбывается в особых от взрослых помещениях. Допустимы все другие наказания но лишение прав и полицейский надзор не применяются по закону. Может быть условное осуждение с назначением испытательного периода. При суде обращается особое внимание на исследование всех условий жизни несовершеннолетнего. Но нельзя не признать, что этот проект сделал весьма робкие шаги вперед по пути отказа от наказания в борьбе с юною преступностью.

Мих. Гернет.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

I. Проф. **Б. Плетнев**. Национальная персональная автономия. . 3

II. Проф. **М. Загряцков**. Административная юстиция и право жалоб. 19

III. **Я. Канторович**. Коллективный договор, как юридический институт. (Коллективный договор, как законодательная проблема). 29

IV. **Б. Черепахин**. Дарение по Граж. Кодексу. 45

V. Проф. **Г. Колоножников**. Эволюция русского кооперативного права. 57

VI. **Н. Гедеонов**. К вопросу о клевете и лжедоносе по Уголовному Кодексу. 67

VII. Проф. **М. Гернет**. Очерки тюремной психологии (Половая жизнь в тюрьме). 71

VIII. Библиография. А. Макаров. Лига наций—проф. **Б. Плетнев**. Max Lion. Practische Steuerfragen—проф. **С. Котляревский**. Hedemann. Shuldrecht des BGB—проф. **И. Новицкий**. П. Гуров. Земельный Кодекс РСФСР. Адресная книжка кооператора. А. Кони. Память и внимание (из воспоминаний судебного деятеля)—**В. Малченко**. D-r K. Birnbaum. Kriminal—psychopatologie. Systematische Darstellung—**Е. Краснушкин**. О голоде (Сборн. «Памяти В. Короленко»)—проф. **М. Гернет**. Альберт Гельвиг. «Об истине и вероятности в уголов. процессе» (статья в «Der Gerichtssaal», том 88, кн. 6)—**С. Ушпе**. «На помощь ребенку», изд. под ред. Комм. по улучш. жизни детей ВЦИК.—проф. **М. Гернет**. 78

IX. Законодательная хроника. Дополн. к сводке декр. и пост. за 1922 г. Сводка декр. и постановлений, опублик. в Извест. ВЦИК и Собр. узак. с янв. по март 1923 г. 90

X. В коллегии защитников. **Ю. Д**. 96

XI. В местах заключения (обследование арестных домов гор. Москвы). 98

XII. Из иностранной жизни. Из иностранного законодательства о способах разрешения промышленных конфликтов—**М. Ж.** Чехо-Словацкий проект Угол. код. 1921 г. Зак. 21 дек. 1921 г. о денеж. штрафах в Германии. Женщины-присяж. заседатели и шоффены в Германии. Отмена смертной казни в Швеции. Германский проект закона о детском суде—проф. **М. Гернет**. 98

ПОПРАВКА.

В статье В. Куфаева «Новости уголовной статистики» (кн. 3-я Журнала з 1923 год) допущены опечатки:

Напечатано:	*Нужно читать:*
стр. 79 . . . . . 4—4%	414
» . . . . . 2—3	123
стр. 80 . . . . . 4—7	417
стр. 81 . . . . . деятельное	детальное

N0128970
ЮФ СПБГУ

ИЗДАНИЯ

„ПРАВО и ЖИЗНЬ"

ПРОДАЮТСЯ:

I. В Редакции «ПРАВО и ЖИЗНЬ» (Пречистенка, 17).
II. Страстной бульвар, дом 10, кв. 10.
III. Заказы по телефону 1-63-64 и 32-28.
IV. В московских книжных магазинах:

Издательство Наркомюста, уг. Рождественки и Кузнецкого Моста.
В московской конторе издательства «Украина», Тверская ул., дом № 42.
В магазине О-ва Сел. Хозяйства, Кузнецкий Мост.
В магазине Издательства В.С.Н.Х., Кузнецкий переулок.
«Маяк», Петровка.
«Московский сеятель», Б. Никитская, дом 17.
«Русский книжник», Моховая, дом 26.
«Колос» Моховая, дом 20.
В магазине «Русско-Германского Общества», Кузнецкий Мост, д. 12.
«Культура», Мясницкая, дом 13.
«Научная книга», Моховая, дом 22.
«Культура», Арбат, дом 4.
«Центросоюз», Петровка, 4 и Старая площадь.
«Гум», Красная площадь.
«Академия», Тверская улица, дом 38.
«Новая деревня», угол Тверской и Моховой.
«Труд и книга», дом Союзов.
Маг. «Н. К. Ф.», Банный переулок, дом 24.
Укргосиздат. склад, Лубянская площадь.
«Экватор», Мясницкая.
«Центран», Козьмодемьянский переулок (Ильинка).
«Земля и фабрика», Охотный ряд.

V. В Петрограде—Васильевский Остров, 16 линия, д. 35, кв. 15. С. И. Шапский (склад изданий).
В магазине «Торгбюро», Казанская, дом 2.
Маг. военн. типогр. Кр. Армии, Невский, дом 2.
Во всех магазинах Госиздата.
Контора Госиздата, Невский, 28.
Коминтерн, Невский.
В маг. «Прибой», Невский, 52.
Кн. склад НКЮ, Литейный проспект.
Магазин Центросоюза, Литейный проспект.
В магазине «Академия», Литейный проспект.
Проспект Карла Маркса, дом 6, кв. 7.

VI. В Харькове—Магазин Н.К.Ю. и во всех магазинах Укргосиздата.
VII. В Севастополе—Книжный магазин «Культура Крыма»—Нахимовский, 11.
VIII. В Одессе—Пушкинская, 1 и во всех магазинах Укргосиздата.
IX. В Екатеринославе—Уг. Проспекта и Московской ул. и во всех магазинах Укргосиздата.
X. В Киеве—Никольская, 1 и во всех магазинах Укргосиздата.
XI. В Ростове н/Д—Дмитриевская, д. 122, кв. Гуревича, книжный магазин «Новое Слово».
XII. Тюмень «Книга Народу».

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВО и ЖИЗНЬ“

под общей редакцией проф. А. М. Винавера, проф. М. Н. Гернета и проф. А. Н. Трайнина

Имеются в продаже:

1) Журнал **«Право и Жизнь»** за 1922 г. кн. 3; за 1923 г., кн. 1, 2, 3 (кн. 1 и 2 за 1922 г. распроданы). Цены вышедших книг по 80 коп. зол. по офиц. курсу.

2) Сборник **«Законы о Торговле»** (Декреты и другие положения о внутренней и внешней торговле). Составили С. А. Гуревич и Н. П. Дмитревский, под редакцией проф. А. М. Винавера, Н. К. Муравьева и В. Ю. Вольфа. Томы I—III (с общим алфавитным предметным указателем в т. III). Цена каждого тома 1 р. 50 коп. зол. по офиц. курсу.

3) **Проект Итальянского уголовного кодекса 1921 г.** составл. комиссией под председ. Энрико Ферри, перевод с итальянского проф. М. Н. Гернета. Цена 30 коп. зол. по офиц. курсу.

4) Проф. И. Б. Новицкий. **Имущественный наем** (ст. ст. 152—17 Гражд. Код. в связи с другими законами Р.С.Ф.С.Р. об имущественном найме). Комментир. издание. Цена 60 коп. зол. по офиц. курсу.

5) Проф. П. И. Люблинский. **Меры пресечения** (ст. ст. 146—16 Угол. Процес. Код. Р.С.Ф.С.Р. Комментир. издание. Цена 80 коп. зол. по офиц. курсу.

6) Проф. И. Б. Новицкий. **Заем** (ст. ст. 208—219 Гражд. Код. Р.С.Ф.С.Р.). Комментир. издание. Цена 40 коп. зол. по офиц. курсу.

7) Проф. А. Н. Трайнин. **Хозяйственные преступления** по Угол. Код. Р.С.Ф.С.Р. (ст. ст. 126—141). Комментир. издание. Цена 65 коп. зол. по офиц. курсу.

8) А. Ф. Кони. **Самоубийство в законе и жизни.** Цена 35 к. зол.

9) Проф. А. А. Жижиленко. **Должностные преступления** (ст. ст. 105—118). Угол. Код. Комментир. издание.

В ближайшее время выйдут:

10) Проф. А. М. Винавер. **Купля-продажа** (ст. ст. 180—20 Гражд. Код. комментир. изд.) и другие комментир. издания.

11) Проф. А. Э. Ворис. **Товарищества по Гражданскому Кодексу** (комментир. издание).

12) Акад. А. Ф. Кони, проф. А. А. Жижиленко и П. Н. Малянтович. **Судебные заседания** (комментиров. издание).

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ и ВЫСЫЛКИ КНИГ. В виду невозможности фиксировать цену журнала и других книг, Издательство просит желающих получать №№ журнала и прочие книги немедленно по их выходе—внести, в зависимости от стоимости заказа, аванс не менее 100 руб. с указанием его назначения.

Все цены в червонцах, по курсу Госбанка, ежедневно публикуемому в «Известиях ВЦИК».

Проф. М. Н. ГЕРНЕТ. Моральная статистика (Уголовная статистика и статистика самоубийств). Пособие для статистиков и криминалистов. Москва, 1922 г.; 267 стр. 16 диаграмм.